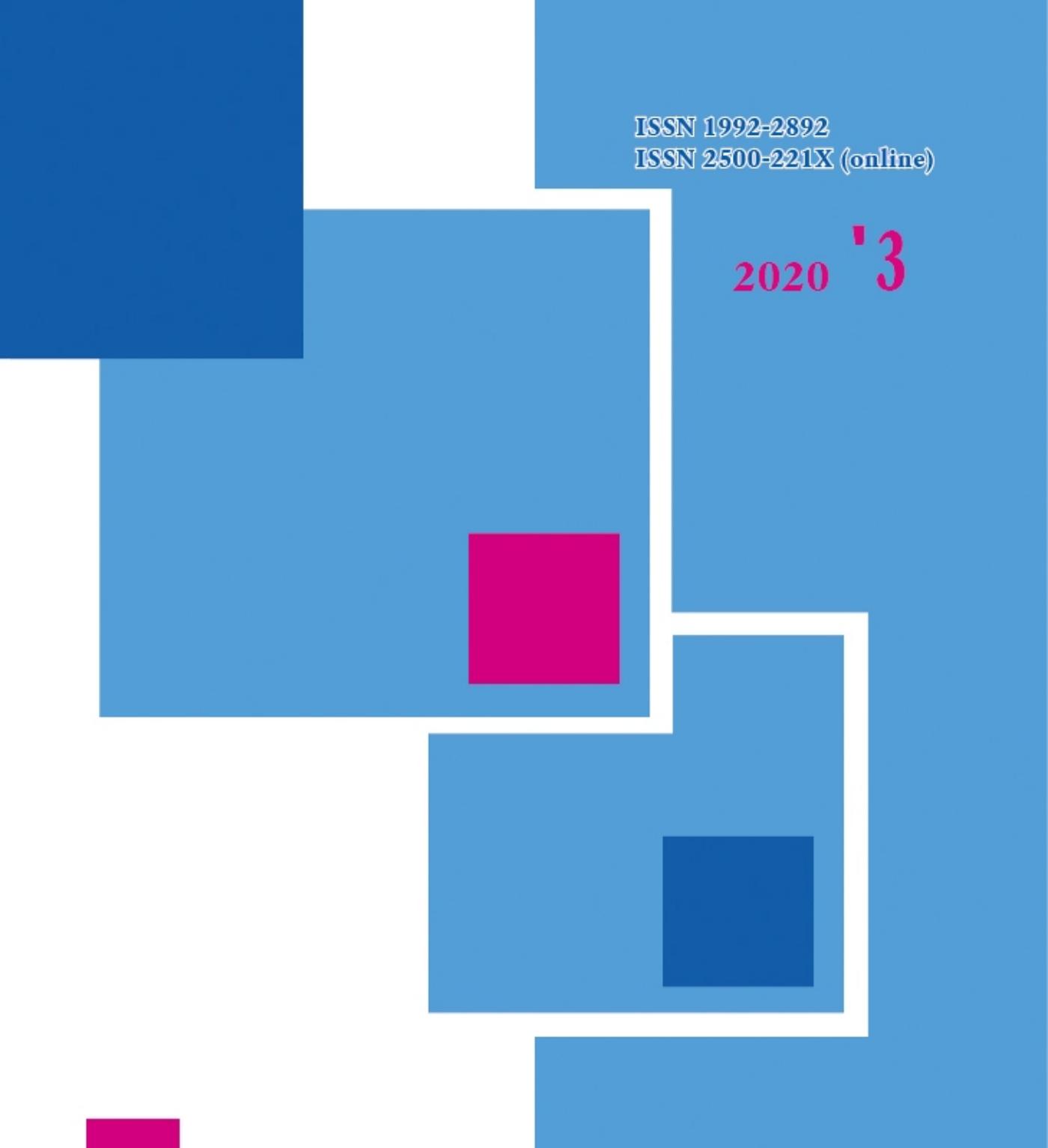

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2020 '3

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 — 2020

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2020
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2020

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 3 — 2020

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registration License PI № FS77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
- C. R. Nechemias**, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
- Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
- Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(St. Petersburg State University, St. Petersburg),
- Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
- N. A. Shvedova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
- Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow),
- Prof. **E. A. Smirnov**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
- Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
- Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
- Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
- Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2020
© Ivanovo State University, 2020

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 3—15
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.1

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 3—15
ББК 66.3(2Рос),4
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.1

ПОСТ-ПЕКИН: РОССИЙСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

О. А. Воронина

Институт философии, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
olga-voronina777@yandex.ru

Рассматривается гендерная политика государства в Российской Федерации в течение 25 лет, прошедших с IV Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995). Отмечается, что первоначально конференция и принятые на ней Декларация и Платформа действий оказали значительное влияние на продвижение принципа гендерного равенства в деятельность государства. Однако со временем формальное следование международным нормам стало дополняться мерами по поддержке женщины-матери в ущерб поддержке социально-экономических прав женщин. Как показывает мировая практика, экономический и политический прогресс более интенсивно происходит в обществах, которые отказываются от жестких традиционных социальных норм и ориентируются на ценности свободы, прав человека, саморазвития личности. Для доказательства этого тезиса автор обращается к данным, полученным в ходе Всемирного опроса по изучению ценностей. В заключение делается вывод, что для развития нашей страны необходимо вернуться к проведению политики гендерного равенства, соответствующей международным нормам и принципам, изложенным в Пекинской декларации и Платформе действий, а также во всех постпекинских документах. Один из основных акцентов следует сделать именно на внедрении культуры гендерного равенства в общественное сознание и на преодолении традиционных социальных норм и культурных установок, которые создают и воспроизводят сексистские предрассудки и социальные практики.

Ключевые слова: гендер, женщины, политика, культура, социальные нормы, ценности, равенство, Пекинская декларация и Платформа действий, сексизм.

POST-BEIJING: RUSSIAN GENDER POLICY IN THE INTERNATIONAL CONTEXT

O. A. Voronina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, olga-voronina777@yandex.ru

The article examines the gender policy of the state in the Russian Federation during the 25 years since the IV UN World Conference on Women (Beijing, 1995). It is noted that initially the conference and the Declaration and Platform for Action adopted at it had a significant impact on the promotion of the principle of gender equality in the activities of the state. However, over time, formal adherence to international norms has been supplemented by measures to support mother women at the expense of supporting their socio-economic rights. As world practice shows, economic and political progress is more intensive in societies that reject rigid traditional social norms and focus on the values of freedom, human rights, and personal self-development. To prove this thesis, the author refers to the data obtained in the world survey on the study of values. In conclusion, the author points out that for the development of our country, it is necessary to return to the implementation of gender equality policies in accordance with international norms and principles set out in the Beijing Declaration and Platform for Action, as well as in all Post-Beijing documents. One of the main focuses should be on the introduction of a culture of gender equality in the public consciousness and on overcoming traditional social norms and cultural attitudes that create and reproduce sexist biases and social practices.

Key words: gender, women, politics, culture, social norms, values, equality, Beijing Declaration and Platform for Action, sexism.

В сентябре 2020 г. исполняется 25 лет со времени проведения IV Всемирной конференции ООН по положению женщин. Хотелось бы вкратце рассмотреть, как в нашей стране строилась гендерная политика за прошедший период, подвести итоги и оценить сегодняшнюю ситуацию.

Значение Пекинской конференции заключается в том, что она стала своеобразным итогом в понимании гендерного равенства и важным этапом в формировании мировой повестки по этому вопросу. И не только потому, что в ней приняли участие официальные делегации 189 стран мира, а параллельно прошел Форум неправительственных организаций, в котором участвовали около 40 000 женщин. Более значимым является тот факт, что в принятых документах — Пекинской декларации и Платформе действий — обозначен переход от программ по улучшению положения женщин (которые ООН развивала ранее) к идее *гендерного равенства*. В Декларации провозглашается, что «права женщин являются правами человека» [Пекинская декларация... , 1995: 14], что государствам необходимо «обеспечивать женщинам и девочкам возможность полностью пользоваться всеми правами человека и основными свободами» [там же: 23]. Государства взяли на себя обязательства принимать меры против нарушения этих прав и свобод, а также содействовать устранению всех препятствий на пути достижения гендерного равенства (ст. 24). Особенно важна статья 32, где борьба с дискриминацией женщин по признаку пола связывается с необходимостью учитывать усиливающую ее дискриминацию на основании расы, этнической

принадлежности, возраста, культуры, инвалидности, т. е. с иными факторами стратификации, действующими в современных обществах.

Платформа действий оценивает равноправие женщин и мужчин как условие обеспечения социальной справедливости. Важно подчеркнуть, что, *делая акцент на равенстве, Платформа не трактует его как схожесть или тождественность женщин с мужчинами. Различия признаются существующими, но понимаются не как биологическая предопределенность, а как следствие социально детерминированных ролей каждого из полов.* В тексте Платформы постепенно совершается переход от понятия «равноправие женщин с мужчинами» (что трактуется как «подтягивание» женщин до мужского статуса) к понятию *гендерного равенства. Это предполагает учет гендерных, т. е. социально сконструированных, различий.* Одновременно с этим в Платформе действий сохраняется и акцент на защите женских прав, что связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, в процессе многолетней подготовки текста участвовали как специальные структуры ООН, так и представители различных женских и феминистских организаций, стоящие подчас на противоположных позициях на оси «равенство/различие» или «равное/дифференцированное обращение». Поскольку документ такого рода принимается только на основе достигнутого консенсуса, то в нем нередко сочетаются разные (хотя и смягченные) позиции. Во-вторых, Платформа действий — это программа самого общего плана, нацеленная на констатацию возможно большего числа проблемных зон и улучшение положения женщин во всем мире, в любой стране. Платформа действий предложила правительствам, международному сообществу и гражданскому обществу принять *до 2000 г.* меры для улучшения ситуации в 12 проблемных областях.

Гендерная повестка в России

Участие официальной делегации в конференции и присоединение Российской Федерации к Пекинской декларации и Платформе действий привели к принятию ряда документов и разработке некоторых новых мер по улучшению положения женщин. Это было тем более обоснованно, что с началом экономических реформ сильнее стала проявляться дискриминация в сфере труда и занятости, резко возросли нарушения прав женщин и женская безработица, ухудшилось их материальное положение.

В целом государственная политика тех лет развивалась в трех основных направлениях: создание национальных планов действий; формирование структур, ответственных за обеспечение улучшения положения женщин (элементы национального механизма); законодательные инициативы. Коротко напомним основные вехи. В 1996 г. был издан ряд указов Президента и постановлений Правительства относительно социально-экономического статуса женщин, в том числе принята Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации [Правовая основа... , 1998: 65—80]. Из 12 проблемных областей, обозначенных в Пекинской Платформе действий, в Концепции в качестве значимых для нашей страны выбраны 5: соблюдение прав женщин в единстве с правами и основными свободами человека, участие женщин в принятии решений на всех уровнях, обеспечение равных условий на рынке труда, охрана здоровья женщин, борьба с насилием в отношении женщин. Следует отметить два позитивных

момента этого документа: признание прав женщин как прав человека (новый акцент в российских официальных документах) и выдвижение задачи обеспечения равных условий на рынке труда. Цель повысить представленность женщин в органах власти и участие женщин в процессе принятия решений ставится весьма общим планом. 5 выделенных проблем определяются как «важнейшие особенности статуса женщин, вызывающие особую озабоченность в РФ» (ст. 1). В Концепции содержатся стратегические цели и основные подходы к их реализации. К сожалению, авторы Концепции не признали значимость такой задачи (выделенной в Пекинских документах), как преодоление стереотипных образов женщин и традиционного разделения гендерных ролей. Отсутствие внимания к этому аспекту нашей жизни привело к тому, что многие инициативы в области гендерного равенства имели фактически двойственный характер: формально они как бы соответствовали принятым международным нормам, а в реальности все равно опирались на убеждение в незыблемости традиционных женских ролей.

Остановимся подробнее. Так, например, в 1996 г. был принят Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г., а затем Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе на 2001—2005 гг. Если в первом Плане смешаны два подхода — продвижение гендерного равенства и «помощь женщине-матери, женщине-труженице», то второй План представляет собой уже значительный отход от позиции гендерного равенства. В нем женщины рассматривались только как работницы и матери. Улучшение их положения в обществе связывалось с улучшением условий труда, с помощью в адаптации к безработице, с охраной репродуктивного здоровья, с помощью женщинам как жертвам сексуального насилия, с пропагандой семейных ценностей. Такие проблемы, как экономическая дискриминация женщин, их отчуждение от сферы принятия решений и низкая представленность в структурах власти, вообще не были отражены в Национальном плане 2001—2005 гг. Соответственно отсутствовали и мероприятия по преодолению такого положения дел, и акции для достижения гендерного равенства. Это явилось следствием принятой в РФ политики в отношении женщин, нацеленной, как констатировала тогдашний заместитель руководителя Департамента по делам семьи, женщин и детей Минтруда России, на «обеспечение условий для гармоничного сочетания профессиональных и семейных обязанностей через развитие социальной инфраструктуры» [Самарина, 2000: 13].

Помимо Планов и Концепции, непосредственно под влиянием рекомендаций Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДОЖ) и Пекинских документов в РФ стали создаваться различные государственные структуры: Межведомственная Комиссия по вопросам улучшения положения женщин; Комитет по делам женщин, семьи и молодежи Государственной думы; Отдел социально-экономического положения женщин Департамента по делам семьи, женщин и детей Министерства труда и социального развития РФ; отдел по вопросам женщин, семьи, молодежи в аппарате Уполномоченного по правам человека. Данные структуры обычно считаются элементами Национального механизма по улучшению положения женщин. Однако в РФ статус Национального механизма не был юридически определен, не были проработаны вопросы разделения и координации деятельности этих структур.

Под влиянием Пекинской конференции в России начался этап создания новых документов в сфере законодательства. В 1997 г. группа экспертов по инициативе Комитета Госдумы по делам женщин, семьи и молодежи подготовила Концепцию законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, которая затем была одобрена Государственной думой Федерального собрания РФ [Правовая основа... , 1998: 7—61]. В преамбуле авторы отмечали, что в России на фоне формально-юридического равенства прав женщин и мужчин существует фактическое неравенство женщин в ряде сфер жизни. В значительной степени это обусловлено отсутствием равных для мужчин и женщин возможностей в реализации своих конституционных прав и свобод. Цель Концепции состояла в определении общей стратегии и приоритетных направлений «законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и свобод мужчин и женщин и созданию равных возможностей для их реализации в соответствии с Конституцией РФ, законодательством РФ и международными обязательствами РФ и с учетом реальной политической и социально-экономической ситуации в стране» [там же: 11—12]. В Концепции рассматривалось несколько вопросов: неравенство политического представительства и участия женщин в процессе принятия решений; социально-трудовые права; предотвращение насилия и личная безопасность; охрана репродуктивного здоровья, материнства и отцовства; государственный механизм обеспечения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. В заключение предлагался список проектов законов, которые, с точки зрения инициаторов, необходимо было бы разработать, и комплекс мер по реализации законодательных актов. В целом авторы Концепции постарались последовательно провести принцип равенства возможностей через текст всего документа.

Вскоре по инициативе председателя Комитета Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи Е. Ф. Лаховой группа экспертов во главе с С. В. Полениной разработала проект Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Их цель заключалась в создании рамочного закона для обеспечения формально-равных условий реализации конституционных прав и свобод женщин и мужчин. В законопроекте давалось определение понятий в соответствии с КЛДОЖ и намечались этапы формирования национального механизма. Весной 2003 г. законопроект прошел первое чтение в Думе.

Форум неправительственных организаций, который проходил в Пекине параллельно с официальной конференцией, оказал огромное влияние на развитие российских женских неправительственных организаций (НПО). Благодаря грантовой поддержке со стороны западных благотворительных фондов, аккредитованных в то время в России, в Форуме приняли участие представительницы 250 общественных и научных организаций. Дискуссии, в которых участвовали наши соотечественницы, сам дух Конференции ООН и Форума НПО дали невероятный импульс развитию женского социального активизма и гендерным исследованиям. По данным Е. В. Кочкиной, к середине 2000-х гг. в 100 вузах читались курсы по гендерной проблематике, в 40 вузах существовали структурные подразделения в виде программ или центров, в 9 институтах РАН были созданы лаборатории или рабочие группы по гендерным исследованиям, в стране

работало 15 независимых центров гендерных исследований. Было проведено около 3000 эмпирических исследований гендерных проблем [Кочкина, 2006: 96—97]. Благодаря усилиям ученых, экспертов, женских активистов, прогрессивных СМИ отношение общества к проблемам сексизма и традиционным стереотипам стало меняться, идея гендерного равенства находила все больше сторонников, особенно среди молодежи.

Однако в последние годы ситуация несколько изменилась. В официальных документах мы видим, с одной стороны, приверженность международным принципам гендерного равенства, а с другой — усиление акцентов на материнской роли женщин и снижение значимости их социальных ролей. Эту двойственность в полной мере демонстрирует Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., утвержденная Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым в 2017 г. В первых абзацах Стратегии отмечается, что она «нацелена на реализацию принципа равных прав и свобод мужчины и женщины и создание равных возможностей для их реализации женщинами в соответствии с положениями Конституции РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ. ...Создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни общества является приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации». Однако в целом дискурс документа, а также предлагаемые меры демонстрируют поддержку государством традиционной гендерной системы. В нем утверждается, что в обществе «наиболее значимыми социальными ролями женщины признаются роли домохозяйки и матери, а профессиональные и карьерные достижения остаются второстепенными» [Национальная стратегия..., 2017: 8]. Различные меры «по укреплению позиций женщин» так или иначе привязываются к идее помощи женщине-матери: увеличение материнского капитала; создание благоприятных условий для совмещения семейных обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью; повышение качества медицинской помощи женщинам в период беременности и родов и т. п. Даже в сфере поддержки гражданского общества и женских НПО в Стратегии отмечается, что такую поддержку в виде грантов будут получать организации, реализующие проекты «по укреплению института семьи и семейных ценностей, охране и поддержке материнства» [там же, 2017: 4]. Конечно, для российских женщин материнство является значимой ценностью и его поддержка со стороны государства чрезвычайно важна. Нисколько не отрицая необходимости такой поддержки в ряде конкретных случаев, я тем не менее считаю сведение всей социальной политики только к данной проблеме неправомерным.

В РФ женщины составляют около половины занятых на рынке труда, где они сталкиваются с проявлением дискриминационных практик: неравной оплатой труда, препятствиями на пути карьеры, трудностями сочетания профессиональной и семейной (материнской) жизни. Нередко в основе этих феноменов лежат традиционные гендерные стереотипы. Национальная стратегия никак не привязана к тем 5 проблемным областям, которые ранее РФ выбрала из Пекинской Платформы действий в качестве приоритетных для нашей страны. В Стратегии не запланированы меры по обеспечению равных условий на рынке труда

или повышению роли женщин в политической сфере. Недостаточно внимания уделено решению проблемы преодоления насилия в отношении женщин, которая стала в последнее время весьма значимой.

В рамках процесса «Пекин+25» в секретариат ООН был направлен Доклад Российской Федерации о достигнутых успехах и возникших проблемах в деле осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и итоговых документов 23-й спецсессии ГА ООН (2019 г.). Доклад в значительной степени воспроизводит дискурс и описание направлений деятельности, представленные в Национальной стратегии. Достижения в области улучшения положения женщин связываются с выполнением мер, намеченных в Концепции демографической политики РФ, Национальной стратегии действий в интересах детей, Концепции государственной семейной политики в РФ и Национальной стратегии действий в интересах женщин. Ориентация на материнство как главную область политики государства «в интересах женщин» прослеживается во всем тексте Доклада. В ответе на вопрос¹ о том, «каковы основные пять приоритетов в деле ускорения прогресса в отношении женщин и девушек посредством законов, политики и/или программ за последние пять лет», российская сторона упоминает 1) расширение мер финансовой поддержки семей с детьми, 2) создание условий для занятости женщин, имеющих малолетних детей, 3) снижение материнской и младенческой смертности, числа аборт. Практически во всех областях, которые описываются в Докладе, — занятость, здравоохранение, социальная активность и другие, — все программы и меры социальной политики привязаны к облегчению выполнения женщиной своей материнской роли [Доклад Российской Федерации... , 2019].

С сожалением приходится констатировать, что, хотя РФ формально демонстрирует на международном уровне приверженность Пекинской декларации и Платформе действий, содержательно внутренняя политика постепенно развернулась в сторону традиционной поддержки «женщины-матери». При этом упускается из виду, что не следует сводить родительство только к материнству. Современная семья строится на более эгалитарных основаниях, чем традиционная. И семейная политика должна формироваться с учетом этих новых реалий [Воронина, 2016].

Гендерная повестка на будущее

Как известно, Президент РФ В. В. Путин поставил задачу вхождения России в число пяти крупнейших экономически развитых стран мира. Достичь этого можно при условии модернизации общества.

Вопрос о роли традиций и новаций в жизни общества является темой многочисленных дискуссий. Очевидно, что общество и культура не развиваются линейно, движение вперед иногда сменяется движением вспять. Общественный прогресс как движение к экономическому развитию, материальному благосостоянию, политической демократии и социальному равенству² весьма сильно зависит от исторического прошлого и культурного наследия страны. В самом общем

¹ Доклад имеет формализованную структуру и строится в виде ответов на вопросы, общие для всех стран.

² Я использую здесь краткую, но емкую формулировку, данную С. Хантингтоном [Культура имеет значение, 2002: 11].

виде культура может пониматься как совокупность господствующих в обществе ценностей, установок, верований, убеждений, норм и ритуалов, которая создает картину мира. Идея о том, что культурные ценности могут способствовать или препятствовать общественному прогрессу, впервые была высказана М. Вебером, объяснившим подъем капитализма протестантской этикой. С тех пор многие интеллектуалы следуют этой позиции. Так, например, А. де Токвиль полагал, что эффективность американской политической системы обусловлена «культурой демократии». Э. Банфилд описал культурные причины убогости и авторитаризма в Южной Италии и сделал из этого частного случая далеко идущие выводы. Перуанский писатель М. В. Льюса в книге «Отсталость как состояние ума: случай Латинской Америки» утверждает, что экономические, образовательные и правовые реформы, необходимые для модернизации Латинской Америки, не станут эффективными до тех пор, «пока им не будет предшествовать преобразование обычаев и традиций, всего сложного комплекса привычек, знаний, образов и форм, которые в совокупности составляют культуру» (цит. по: [Культура имеет значение, 2002: 292]). Аналогичные идеи высказывают и многие другие исследователи культуры из развивающихся стран.

Масштабное эмпирическое исследование влияния культуры на общественный прогресс было проведено в ходе Всемирного опроса по изучению ценностей³. Анализ полученных данных показал, что экономическое развитие более интенсивно происходит в обществах, для которых характерен отказ от жестких традиционных социальных норм и приверженность более рациональным и гибким модернистским и постмодернистским ценностям. Протестантская, православная, исламская или конфуцианская цивилизации, выделенные и описанные С. Хантингтоном [Хантингтон, 2003], опираются на разные системы ценностей, которые могут способствовать или препятствовать экономическому и политическому прогрессу в рамках этих цивилизаций. По мнению аналитиков Всемирного опроса, упорядочивание показателей межкультурной вариативности показывает, что есть две оси, разделяющие культуры. Одна — между традиционным и секулярно-рациональным отношением к власти, а вторая — между приоритетами ценностей выживания и самовыражения. Каждая из таких осей формирует вокруг себя множество соответствующих ценностей и установок. Традиционное и секулярно-рациональное мировоззрения определяют не только статус религии в обществе, но и отношение к патриархальным принципам почтения по отношению к власти. Так, общества с традиционалистской культурой поощряют религию, незыблемые социальные нормы и устоявшиеся семейные ценности (моногамный брак, многодетность), отвергают разводы, запрещают аборт и эвтаназию. В таких культурах поддерживаются ценности уважения к власти, конформизма и отказа от политической конфронтации, национальной гордости и патриотизма. Общества, разделяющие секулярно-рациональные ценности, занимают прямо противоположные позиции. Как отмечается в исследовании, эти закономерности постоянно воспроизводят себя в 60 странах [Культура имеет значение, 2002: 108—111].

Выбор в качестве приоритета ценностей выживания или самовыражения в значительной степени обусловлен уровнем экономического развития. Для тех

³ World Values Survey (WVS) проводится в 65 государствах и охватывает 75 % населения планеты.

обществ, где преобладают ценности выживания, характерны низкий уровень благосостояния, поддержка политического авторитаризма, нетерпимость к инакомыслию, отказ от принципа гендерного равенства, игнорирование экологических проблем, низкие показатели здоровья населения. Культура самовыражения формируется там, где обеспечены экономическая и физическая безопасность, высокое качество жизни. В таких обществах высока ценность индивидуальных прав и свобод, демократии, толерантности к инакомыслию; там поддерживаются феминизм и гендерное равенство, экологические инициативы, высока степень политического и социального активизма граждан. Ориентация на ту или иную разновидность ценностей имеет важные последствия: государства, в которых господствуют ценности самовыражения, более успешно идут по пути прогресса.

Исследователи отмечают, что для культуры России даже сегодня характерно сохранение значительной части традиционных ценностей; «традиционный пласт культуры... уходит в подпочву... просвечивает из глубины и находится на уровне не всегда очевидных, но очень важных интенций» [Яковенко, 2017: 4]. Одним из таких традиционных пластов культуры является биодетерминизм в определении гендерных ролей, основанный на идее, что «мир — дом мужчины», а «дом — мир женщины». Это влечет за собой гендерно-стратифицированную социальную систему и соответствующую ей символическую презентацию женщины и фемининности как вторичного по сравнению с маскулинностью.

Советская модернизация не смогла до конца преодолеть традиционное патриархатное сознание, которое базируется на убеждении в естественности и неизбежности гендерных различий. В процессе политических реформ в XX и XXI вв. эта идея иногда отступала в тень, но никогда не исчезала совсем. Во многом это происходило благодаря русской классической литературе и философии Серебряного века, которые сформировали специфическую российскую символическую матрифокальную систему [Воронина, 2018: 27—47]. В постсоветский период эти ценности также сохранились и даже отчасти усилились, поскольку рост в 1990-х гг. безработицы и конкуренции за рабочие места спровоцировал усиление на бытовом уровне традиционных стереотипов о семейном предназначении женщин [Кашина, 2019].

Достижение гендерного равенства невозможно без изменения традиционного сознания, преодоления культурных стереотипов и предрассудков. Об этом говорится и в КЛДОЖ, и в Пекинских документах, и в целом ряде других международных актов и конвенций, участником которых является РФ. В связи с этим нашему государству следует нацеливать культурную политику на искоренение предрассудков, обычаев и любых социальных практик, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов. Как отмечается в КЛДОЖ, государство обязано содействовать устранению гендерных стереотипов в культурной практике, особенно в образовании и воспитании (путем пересмотра учебных пособий и школьных программ), преодолению сексизма в СМИ, рекламе и массовой культуре (КЛДОЖ, ст. 10). Отечественные исследователи неоднократно доказывали наличие гендерных стереотипов и сексизма в образовании — начиная со школьного и заканчивая высшим [Барчунова, 1995; Смирнова, 2005; Гендерная экспертиза... , 2005]. Опрос школьников, проведенный несколько лет назад, показал, что школьные учителя фактически

используют гендерно-сегрегированную методику обучения и воспроизводят в педагогической деятельности гендерные стереотипы: «Учителя-женщины говорили о том, что девочкам главное — найти хорошего мужа, а хорошо учиться — это дело второе» [«Ты же будущий боец!», 2016].

Анализ деятельности СМИ и рекламы, проводимый как исследователями, так и самими журналистами, также показывает распространенность традиционных гендерных стереотипов. Необходимо проанализировать и внести дополнения в действующее законодательство о СМИ, исходя из принципов обеспечения гендерного равенства, искоренения сексизма и стереотипного изображения женщин и мужчин, предотвращения презентации в СМИ порнографии и насилия в отношении женщин. В основе создания этих правовых норм должны лежать идеи общественного блага и социальной ответственности СМИ, как это принято во многих странах.

Необходимость дальнейшего развития культурной политики по преодолению дискриминационных в отношении женщин взглядов не раз отмечалась экспертами ООН после представления РФ Национального доклада о соблюдении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (доклад представляется раз в 4 года). Так, на 46-й сессии Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин было отмечено, что Комитет вновь заявил о своей озабоченности тем, что в РФ сохраняются «практики, традиции, патриархальные устои и глубоко укоренившиеся стереотипы в отношении роли, обязанностей и идентичности женщин и мужчин во всех сферах жизни» (www.un.org). Комитет предложил России как государству — участнику Конвенции принять более эффективные и систематические меры для преодоления стереотипов и негативных традиционных ценностей и практик.

Неизбежным следствием ослабления внимания государства к поддержке принципа гендерного равенства стало снижение рейтинга России в индексе гендерного неравенства, который ежегодно представляется на Всемирном экономическом форуме. Так, если в 2006 г., когда впервые стали составлять этот индекс, РФ занимала 49-е место, а в 2010 г. поднялась даже на 45-е [Global Gender Gap Index 2010, 2010], то в 2019 г. наша страна заняла только 81-е место [Global Gender Gap Index 2019, 2019]!

Очевидно, что акцент на традиционных гендерных нормах: семейная иерархия с мужским господством и покорностью жены и детей, многодетность, дифференцированное воспитание и образование мальчиков и девочек — не соответствует современному обществу знаний, цифровых технологий, развитой экономики. Вопрос о гендерном равенстве — не частное дело группы некоторых озабоченных женщин. Современный мир давно развивается в направлении признания прав человека как главного достижения культуры [Бенхабиб, 2003]. Более того, даже если отвлечься от гуманистических ценностей и обратиться к утилитаризму, то и там мы найдем доказательства необходимости соблюдения гендерного равенства. Так, например, ряд международных экспертов доказал экономические преимущества от применения политики гендерного равенства [Женщины, труд и экономика, 2013].

Для развития нашей страны необходимо вернуться к проведению политики гендерного равенства, соответствующей международным нормам и принципам, изложенным в Пекинской декларации и Платформе действий, а также

во всех постпекинских документах. Один из основных акцентов следует сделать именно на изменении социальных норм и культурных установок, которые создают и воспроизводят сексистские предрассудки. Конечно, это непростая задача не только для нашей страны. В докладе «Перспективы развития человеческого потенциала. Борьба с социальными нормами: изменение правил игры в отношении гендерного неравенства», подготовленном в соответствии с Программой развития ООН в 2020 г., отмечается: «Гендерные диспропорции являются устойчивой формой неравенства в каждой стране. Несмотря на значительный прогресс в некоторых областях, ни одна страна в мире — богатая или бедная — не достигла полного равенства. <...> В год празднования 25-й годовщины принятия Пекинской декларации и Платформы действий мы с сожалением констатируем, что мир не достигнет гендерного равенства к 2030 г. Но сегодня мы можем оценить проделанный путь, скорректировать свои действия, выявить и устранить недостатки» [Human Development Perspectives... , 2020]. Одной из важнейших, но нерешенных на сегодня задач авторы доклада считают преодоление дискриминационных социальных норм и стереотипов. Подчеркивается, что такие социальные нормы и сопутствующие им ценности, убеждения, установки и практики формируют гендерную идентичность и определяют неравные властные отношения между женщинами и мужчинами. Нормы также определяют социально приемлемые или недопустимые формы поведения, выбор профессии, права и свободы человека. Именно поэтому, подчеркивается в докладе, недопустимо пренебрегать «невидимой силой» таких норм. Необходимо активно трансформировать дискриминационные социальные практики, внедряя культуру гендерного равенства прежде всего в общественное сознание. И для нашей страны, я полагаю, это также важнейшая социальная и культурная задача. Без ее решения, на мой взгляд, невозможно формирование современного общественного сознания и вхождение России в ряд развитых стран мира.

Библиографический список

- Барчунова Т. Сексизм в букваре // Экономика и организация промышленного производства. 1995. № 3. С. 133—155.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Воронина О. А. Метаморфозы гендерной политики государства // Проблемы российского самосознания: политика и культура: материалы 13-й Всероссийской научной конференции / под общ. ред. Т. С. Злотниковой, С. А. Никольского. Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т, 2016. С. 157—170.
- Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. М.: Ин-т философии РАН, 2018. 111 с.
- Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / под ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ: Солтэкс, 2005. 260 с.
- Доклад Российской Федерации о достигнутых успехах и возникших проблемах в деле осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и итоговых документов 23-й сессии ГА ООН. 2019. URL: <https://www.rosmintrud.ru> (дата обращения: 10.03.2020).

- Женщины, труд и экономика: макроэкономические выгоды гендерного равенства: документ персонала МВФ для обсуждения. 2013. URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 10.03.2020).
- Кашина М. А. Советская и постсоветская политика в отношении женщин: общее и особенное // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 3—11.
- Кочкина Е. В. Гендерные исследования в России: от фрагментов к критическому переосмыслению политических стратегий // Гендерные исследования. 2006. № 15. С. 92—143.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002. 320 с.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. 2017. URL: <https://www.gosmintrud.ru> (дата обращения: 10.03.2020).
- Пекинская декларация и Платформа действий. Четвертая Всемирная конференция по положению женщин, Пекин, Китай, 4—15 сентября 1995 года. ООН, 1995.
- Правовая основа обеспечения равных прав мужчин и женщин и равных возможностей их реализации. М.: Изд. отд. УД ГД РФ, 1998. 139 с.
- Самарина О. Социальная защита женщин и семейная политика в современной России // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 3—15.
- Смирнова А. Учимся жить в обществе: гендерный анализ школьных учебников. М.: Олита, 2005. 68 с.
- «Ты же будущий боец!»: как обстоят дела с гендерными стереотипами в школе. 2016. URL: <https://www.daily.afisha.ru> (дата обращения: 01.03.2020).
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Знание, 2017. 642 с.
- Global Gender Gap Index 2010. 2010. URL: https://www.WEF_GenderGap_Report_2010 (дата обращения: 15.03.2020).
- Global Gender Gap Index 2019. 2019. URL: https://www.WEF_GenderGap_Report_2019 (дата обращения: 15.03.2020).
- Human Development Perspectives. Tackling Social Norms: a Game Changer for Gender Inequalities. 2020. URL: <http://hdr.undp.org> (дата обращения: 27.03.2020).

References

- Barchunova, T. (1995) Seksizm v bukvarе [Sexism in the primer], *Ėkonomika i organizatsiia promyshlennogo proizvodstva*, no. 3, pp. 133—155.
- Benkhabib, S. (2003) *Pritiazaniia kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuu ėru* [The claims of culture. Equality and diversity in the global era], Moscow: Logos.
- Global Gender Gap Index 2010* (2010), available from http://www.WEF_GenderGap_Report_2010 (accessed 15.04.2020).
- Global Gender Gap Index 2019* (2019), available from http://www.WEF_GenderGap_Report_2019 (accessed 15.03.2020).
- Human Development Perspectives. Tackling Social Norms: a Game Changer for Gender Inequalities* (2020), available from <http://hdr.undp.org> (accessed 27.03.2020).
- Iakovenko, I. G. (2017) *Poznanie Rossii: Tsivilizatsionnyi analiz* [Cognition of Russia: Civilizational analysis], Moscow: Znanie.
- Kashina, M. A. (2019) *Sovetskaia i postsovetskaia politika v otnoshenii zhenshchin: obshchee i osobennoe* [Soviet and Post-Soviet policy towards women: general and special],

- in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naia politika: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3—11.
- Khangtington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of civilizations], Moscow: AST.
- Kochkina, E. V. (2006) Gendernye issledovaniia v Rossii: ot fragmentov k kriticheskomu pereosmysleniiu politicheskikh strategii [Gender studies in Russia: from fragments to critical rethinking of political strategies], *Gendernye issledovaniia*, no. 15, pp. 92—143.
- Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu* (2002) [Culture matters. How do values contribute to social progress], Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniĭ.
- Natsional'naia strategiiia deĭstviĭ v interesakh zhenshchin na 2017—2022 gg.* (2017) [National strategy for action for women 2017—2022], available from <http://www.rosmintrud.ru> (accessed 10.03.2020).
- Pekinskaia deklaratsiia i Platforma deĭstviĭ. Chetvĕrtaia Vsemirnaia konferentsiia po polozheniiu zhenshchin, Pekin, Kitaĭ, 4—15 sentiabria 1995 goda* (1995) [Beijing Declaration and Platform for Action. Fourth World Conference on Women, Beijing, China, 4—15 September 1995], OON.
- Pravovaia osnova obespecheniia ravnykh prav muzhchin i zhenshchin i ravnykh vozmozhnostei ikh realizatsii* (1998) [Legal base to provide men and women with equal rights and equal possibilities to fulfill it], Moscow: Izdatel'skiĭ otdel Upravleniia delami Gosudarstvennoi dумы Rossiĭskoi Federatsii.
- Samarina, O. (2000) Sotsial'naia zashchita zhenshchin i semeĭnaia politika v sovremennoi Rossii [Social protection of women and family policy in modern Russia], *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 3—15.
- Smirnova, A. (2005) *Uchimsia zhit' v obshchestve: Gendernyi analiz shkol'nykh uchebnikov* [We learn to live in society: Gender analysis of school textbooks], Moscow: Olita.
- “Ty zhe budushchii boets!”: kak obstoiat dela s gendernymi stereotipami v shkole (2016) [“You’re a future fighter!”: how things are with gender stereotypes in school], available from <https://www.daily.afisha.ru> (accessed 01.03.2020).
- Voronina, O. A. (ed.) (2005) *Gendernaia ekspertiza uchebnikov dlia vyssheĭ shkoĭy* [Gender expertise of textbooks for higher education], Moscow: Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ: Solteks.
- Voronina, O. A. (2016) Metamorfozy gendernoi politiki gosudarstva [Metamorphoses of gender policy of the state], in: *Problemy rossiĭskogo samosoznaniia: politika i kul'tura: Materialy 13-i Vserossiĭskoi nauchnoi konferentsii*, Iaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 157—170.
- Voronina, O. A. (2018) *Gendernaia kul'tura v Rossii: traditsii i novatsii* [Gender culture in Russia: traditions and innovations], Moscow: Institut filosofii Rossiĭskoi akademii nauk.

Статья поступила 31.03.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Воронина Ольга Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 16—29
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.2

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 16—29
ББК 66.4(0),612
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.2

ОТМЕЧАЯ ЮБИЛЕЙ: ВОПРОСЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В ПРИОРИТЕТАХ ООН

Н. А. Шведова

Институт США и Канады, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

В арсенале важнейших международных событий и законодательно-правовых инициатив, которые составили для мирового сообщества фундамент и архитектуру здания «гендерное равенство и справедливость», следует назвать проведение Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, принявшей Пекинскую декларацию и Платформу действий (1995 г.), утверждение резолюции 1325 Совета Безопасности ООН о женщинах, мире и безопасности (2000 г.), создание структуры «ООН-женщины» (2010 г.) и принятие Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (2015 г.). Юбилейный срок всех этих знаковых событий совпадает с 75-летием Организации Объединенных Наций. Очевидно, что 2020 год предоставляет возможность для подведения итогов, определения роли ООН в продвижении идеалов и принципов гендерного равенства. В статье предпринята попытка проанализировать эти вопросы.

Ключевые слова: Четвертая Всемирная конференция по положению женщин, Пекинская декларация, Платформа действий, резолюция 1325 Совета Безопасности ООН о женщинах, мире и безопасности, «ООН-женщины», Цели устойчивого развития, Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., Комиссия по положению женщин ООН.

CELEBRATING THE ANNIVERSARY: GENDER EQUALITY ISSUES AMONG UN PRIORITIES

N. A. Shvedova

Institute for the U. S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

In the arsenal of the most important international events and legislative initiatives that formed the foundation and the architecture of the building “gender equality and justice” for the world community, we should mention such events as the fourth World Conference on Women, which adopted the Beijing Declaration and Platform for Action (1995), birth

of United Nations Security Council resolution 1325 on women, peace and security (2000), the creation of UN Women (2010) and the adoption of the Sustainable Development Agenda for the period until 2030 (2015). All these landmark events, counting each their own anniversaries, coincide with the 75th anniversary of the United Nations itself. Obviously 2020 is a stimulating opportunity to take stock, to understand what place gender equality issues occupy among UN priorities, and what the role of the UN today in promoting ideals and principles of gender equality is. The article attempts to find answers to these questions.

Key words: Fourth World Conference on Women, Beijing Declaration, Platform for Action, UN Security Council Resolution 1325 on Women, Peace and Security, UN Women, Sustainable Development Goals, 2030 Agenda for Sustainable Development, UN Commission on the Status of Women.

Гендерное равенство — одно из важнейших особых направлений деятельности ООН, поскольку относится к фундаментальным, основообразующим принципам строительства мира в контексте развития человеческого капитала в цивилизованной окружающей среде. Все судьбоносные документы с точки зрения продвижения идей гендерного равенства, принятые ООН, отличаются преемственностью, взаимосвязанностью и продолжают поступательное движение по пути развития принципов гендерного равенства и справедливости с целью наиболее полного отражения реалий жизни. Исключительное место в ряду документов ООН по гендерному равенству принадлежит Биллю о правах женщин, или Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Multilateral Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women; CEDAW) [Multilateral Convention... , 1981].

Из истории вопроса

Многосторонняя Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин была одобрена мировым сообществом в 1979 г. (в 2019 г. отмечался ее 40-летний юбилей) и стала знаковым событием в международной истории борьбы за гендерное равенство, завершив подготовительный этап, длившийся почти тридцать пять лет. Опираясь на Устав ООН, в котором, как известно, провозглашен принцип равенства прав женщин и мужчин, правительства должны быть нацелены на изменение систем, которые сохраняют неравное распределение власти и ресурсов. Именно это заложено в основу принятого международного договора, длительный процесс подготовки которого начался, строго говоря, задолго до его официального одобрения Генеральной Ассамблеей ООН. Отсчет следует вести с момента принятия Устава ООН, утвердившего веру в фундаментальные права человека, в равные права мужчин и женщин (1945 г.), и учреждения в 1947 г. Комиссии по положению женщин как функционального подразделения Экономического и социального совета ООН (резолюция 11(II) от 21 июня 1946 г.). Предтеча Конвенции — это *Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин* (Declaration on the Elimination of Discrimination Against Women), инициированная Комиссией по положению женщин в 1963 г. Был дан старт процессу, который займет еще почти двадцать лет, прежде чем Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении

женщин будет одобрена Генеральной Ассамблеей и вступит в силу в 1981 г. Голоса распределились следующим образом: «за» — 130 государств, «против» — 0, воздержались 10.

Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятый резолюцией 54/4 Генеральной Ассамблеи от 6 октября 1999 г., — важная веха на пути реализации изложенных в документах целей гендерного равенства [Факультативный протокол... , 1999]. Он вступил в силу 22 декабря 2000 г. Две утвержденные в нем процедуры — представление сообщений, позволяющих отдельным лицам или группам лиц направлять в Комитет по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин жалобы в связи с нарушениями прав, изложенных в Конвенции, и проведение расследования, дающего основание Комитету инициировать рассмотрение ситуаций серьезного или систематического нарушения прав, изложенных в Конвенции, — делают этот документ особенно важным, поскольку персонифицируют защиту прав человека [Конвенция... , 2003]. Как подчеркнуто в преамбуле, Факультативный протокол подтверждает решимость государств «обеспечить полное и равное предоставление женщинам всех прав человека и основных свобод и принимать эффективные меры по предотвращению нарушений этих прав и свобод» [там же].

Формирование гендерной стратегии ООН: знаковые вехи

Во второй половине XX в. был проведен целый ряд международных конференций ООН и приняты стратегические документы по положению женщин.

Первая Всемирная конференция по положению женщин состоялась в Мехико в 1975 г., она обозначила начальный рубеж *Десятилетия женщин ООН* (1975—1985 гг.). Принятый на конференции *Всемирный план действий по реализации задач Международного года женщин* представлял комплексный набор руководящих принципов по продвижению прав женщин на период по 1985 г. включительно.

Вторая Всемирная конференция по положению женщин, проведенная пять лет спустя в Копенгагене (1980 г.), санкционировала Программу действий, призывающую государства принимать более серьезные меры для обеспечения права женщин на владение и управление имуществом, а также для улучшения защиты прав женщин на наследование, опеку над детьми и гражданство.

Третья Всемирная конференция по положению женщин (Найроби, 1985 г.) приняла *Найробийские перспективные стратегии по продвижению прав женщин*, в которых были обозначены меры по достижению гендерного равенства на национальном уровне и содействию женскому участию в усилиях по развитию и мирному урегулированию конфликтов.

В 1995 г. в Пекине *Четвертая Всемирная конференция по положению женщин* (*Fourth World Conference on Women*) завершилась принятием *Пекинской декларации и Платформы действий* (Beijing Declaration and Platform for Action), документов, одобренных единогласно 189 странами, преобладающим числом стран — членом ООН. Они обозначили повестку расширения прав и возможностей женщин. Были определены 12 важнейших направлений Пекинской платформы действий, которые не потеряли актуальности и на сегодняшний день.

Речь шла о женщинах и экономике, женщинах во власти и принятии ими решений, об институциональных механизмах продвижения женщин, о насилии в отношении женщин, о правах женщин, о бедности и здравоохранении, о женщинах и СМИ, образовании и обучении, вооруженных конфликтах, окружающей среде. Не были забыты и девочки (см.: [Шведова, 2007]).

В Платформе действий, в частности, сказано, что правительства и другие участники государственно-общественной жизни должны благоприятствовать активной и зримой политике, имеющей целью интегрировать действия, направленные на укрепление равенства полов, во все политические стратегии и программы, анализируя в случае необходимости до принятия любого решения его возможные последствия для женщин и мужчин.

В документе дается трактовка понятия «комплексный подход к проблеме равенства полов». Данный подход заключается в организации (реорганизации), улучшении, совершенствовании и оценке процессов принятия решений лицами, главным образом вовлеченными в осуществление политики, с тем, чтобы инкорпорировать проблематику равенства женщин и мужчин во все области и на все уровни. Неудивительно, что Пекинская платформа действий (ППД) по настоящее время считается *главным глобальным стратегическим документом о гендерном равенстве*.

Тем не менее, как и декларации, согласованные выводы и резолюции, ППД представляет собой «мягкую» норму права, т. е. она не обязывает юридически. Этот документ подразумевает моральное обязательство государств-участников выполнять его, но правительства вправе рассмотреть собственные пути реализации содержания. В отличие от ППД такие договоры, как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, являются юридически обязательными для исполнения.

Таким образом, в 80—90-х гг. XX в. стартовала серия всемирных интернациональных конференций. В их числе было четыре крупные конференции по положению женщин, а также ряд других, посвященных проблемам окружающей среды, правам человека, народонаселению и социальному развитию. Среди последних следует отметить: Конференцию ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.); Всемирную конференцию по правам человека (Вена, 1993 г.), на которой принята Венская декларация о правах человека («Права женщин — это права человека»); Международную конференцию по народонаселению и развитию (Каир, 1994 г.); Всемирный саммит по социальному развитию (Копенгаген, 1995 г.). Эти события обозначили новый характер в отношениях ООН и неправительственных организаций (НПО), которые стали катализатором мобилизации женского движения.

Заслуживает внимания чрезвычайно важный документ — *резолюция Совета Безопасности ООН 1325* (UN Security Council Resolution 1325 on Women, Peace and Security), принятая в 2000 г. для подтверждения большой роли женщин в предотвращении и разрешении конфликтов, мирных переговорах, миротворчестве, поддержании мира, оказании гуманитарной помощи и постконфликтном восстановлении. В других документах призывается положить конец безнаказанности и назначить специального представителя Генерального секретаря по вопросу о сексуальном насилии в условиях конфликта.

ООН прилагает значительные усилия по продвижению прав женщин и гендерного равенства, включая ряд шагов в области устойчивого развития, которые были осуществлены Комиссией по положению женщин (11—22 марта 2019 г.), Комиссией по народонаселению и развитию (2019 г.), Советом по правам человека (2019 г.). Состоялись *Политический форум высокого уровня* (июль 2019) и *Встречи Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин* (2019—2020), принята Рамочная конвенция ООН по изменению климата [The Beijing Platform for Action...].

Около четырех тысяч человек из неправительственных общественных организаций (НПО) каждый год принимают участие в работе *Комиссии ООН по положению женщин* (КПЖ). Это крупнейшее ежегодное собрание представителей международного женского движения в ООН, на котором происходит обновление коллективных целей и действий. КПЖ предоставляет уникальную возможность для лидеров движения за гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин повлиять на повестку ООН и обеспечить включение Пекинской платформы действий в Повестку устойчивого развития до 2030 г.

НПО «Комитет по положению женщин» (Нью-Йорк) отвечает за сбор НПО во время совещаний Комиссии и других мероприятий, проводимых ООН. Данный комитет борется за права женщин и девочек и поддерживает консенсусные документы ООН, такие как Пекинская платформа действий, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, и другие соглашения ООН, в том числе Каирскую декларацию о народонаселении и развитии и Венскую декларацию о правах человека. Комитет по правам женщин (Нью-Йорк) — это добровольная некоммерческая организация, финансируемая в значительной степени за счет личных пожертвований, которая представляет один из женских комитетов на Конференции НПО, находящихся в консультативном контакте с ООН. Эти комитеты помогали планировать проведение форумов НПО в ходе всемирных конференций ООН по положению женщин в Мехико, Копенгагене, Найроби и Пекине.

На историческом саммите Генеральной Ассамблеи ООН 193 государства члена единогласно приняли *Повестку в области устойчивого развития до 2030 г.* (Sustainable Development Goals of the 2030 Agenda for Sustainable Development), которая ознаменовала окончание действия Целей развития тысячелетия и поставила новые на следующие 15 лет в форме *Целей устойчивого развития* (ЦУР). Ряд важных ЦУР представлены в параграфах 54—59 резолюции ООН A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 г. [Повестка дня... , 2015].

17 целей и 169 задач, которые должны быть выполнены всеми странами до 2030 г., создают основу для трех компонентов устойчивого развития — экономического, социального и экологического. Напомним: устойчивое развитие рассматривается мировым сообществом как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не подвергая опасности способность будущих поколений удовлетворить их собственные потребности» [A Transformative Stand-Alone Goal... , 2013].

При этом свобода действий женщин трактуется как возможность свободно принимать решения о своей собственной жизни и собственном теле и признается основным правом человека и нравственным императивом. Аналогично свобода

от насилия и равный доступ к ресурсам и власти являются правами человека и маркерами гендерного равенства. Решение этих вопросов критически важно для обеспечения прав человека и равенства для всех. Кроме того, улучшение положения женщин и гендерное равенство имеют эффект катализатора для развития человеческого потенциала, эффективного управления, устойчивого мира [ibid.].

Повестка дня до 2030 г. — это комплексная программа, которая вновь подтверждает предыдущие соглашения, такие как Пекинская платформа действий и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, решения Конференции ООН 2012 г. по устойчивому развитию. Повестка является всеохватывающей и основана на принципах прав человека.

Цели устойчивого развития ООН официально вступили в силу 1 января 2016 г. *Цель № 5 — обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек* — пронизывает все остальные ЦУР. Иными словами, в каждой из провозглашенных 17 целей предусмотрено, что женщинам отводится исключительно важная роль: признается равенство женщин и мужчин и необходимость расширения прав и возможностей женщин.

Гендерные подразделения в ООН

В разветвленном организационно-структурном механизме системы ООН существует ряд подразделений, юрисдикция и деятельность которых связаны с проблемами гендерного равенства и гендерной справедливости. Основными среди таких подразделений являются: Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Совет Безопасности, Комиссия по положению женщин, Комитет по социальным и гуманитарным вопросам и вопросам культуры (Третий комитет), Экономический и социальный совет, структура «ООН-женщины», Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Фонд гендерного равенства.

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Этот орган координирует деятельность ООН в области прав человека. В его состав входят специальные докладчики по проблемам насилия в отношении женщин, здравоохранения, по культурным правам, делам защиты прав человека мигрантов, они также предоставляют информацию по соблюдению прав женщин. Действует механизм так называемого Универсального периодического обзора, который позволяет каждому государству представить сведения о том, какие меры предпринимались для улучшения положения дел, касающихся прав человека, и подтвердить выполнение обязательств по правам человека.

Комиссия ООН по положению женщин. Это главный орган ООН, занимающийся вопросами гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. Комиссия является всемирным межправительственным органом, деятельность которого сосредоточена исключительно на этих вопросах. КПЖ играет важную роль в документировании реальной жизни женщин во всем мире, формировании глобальных стандартов гендерного равенства и расширении прав и возможностей женщин. На сессиях КПЖ представляют главную (приоритетную) и обзорную темы. Например, приоритетная тема 63-й сессии КПЖ (2019 г.)

обозначена как «Системы социальной защиты, доступ к государственным услугам и устойчивой инфраструктуре в интересах обеспечения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин и девочек», обзорная тема — «Расширение прав и возможностей женщин и связь с устойчивым развитием».

Первая неделя сессии КПЖ называется «сегмент высокого уровня», в это время в ней принимают участие министры, главы ведомств, занимающихся вопросами гендерного равенства и делами женщин. В течение данной недели проводятся также общие дискуссии. В рамках общих дискуссий в ООН выступают с заявлениями делегации государств-участников, наблюдатели, организации, представители гражданского общества¹.

В подкомиссии входят эксперты, ученые, представители правительств, агентств ООН, НПО, гражданского общества, политики, люди творческих профессий и другие заинтересованные стороны. Интерактивные выступления менее формальны, и НПО могут принимать участие в их работе после регистрации².

Комитет по социальным и гуманитарным вопросам и вопросам культуры (Третий комитет). По поручению Генеральной Ассамблеи ООН Третий комитет рассматривает пункты повестки, касающиеся социальных, гуманитарных вопросов и вопросов защиты прав человека, которые затрагивают интересы людей во всем мире. Все проблемы, связанные с продвижением прав женщин, защитой детей, коренного населения, обращением с беженцами, поддержкой основных свобод посредством искоренения расизма и расовой дискриминации, а также с правом на самоопределение, относятся к юрисдикции данного комитета. Он рассматривает вопросы социального развития молодежи, семьи, пожилых людей, людей с ограниченными возможностями, предотвращения преступлений, уголовного правосудия и международного контроля над наркотиками.

Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС). Согласно Уставу ООН, ЭКОСОС был сформирован как подразделение, координирующее экономическую и социальную деятельность Организации Объединенных Наций, согласующее действия агентств, фондов с программами ООН, работающими в этих областях. Программы по гендерному равенству и поддержке женщин находятся в его юрисдикции.

Структура «ООН-женщины». Данная структура создана в 2010 г. путем слияния четырех субъектов ООН, занимающихся проблемами женщин. Основные функции подразделения:

- поддержка стратегии, глобальных стандартов и норм, формулируемых межправительственными органами, такими как Комиссия по положению женщин;
- помощь государствам-членам в реализации стандартов и в мониторинге выполнения обязательств ООН по гендерному равенству;
- организация специальных подготовительных мероприятий во время сессий КПЖ, а также ознакомительных заседаний для государств-участников; помощь в подготовке главных документов на основе отчетов правительств (например, Отчет об анализе и оценке Пекинской платформы действий).

¹ Все заявления можно найти на веб-сайте КПЖ (<http://www.unwomen.org/>).

² Их сессии часто транслируются онлайн (webtv.un.org).

В качестве секретариата КПЖ структура «ООН-женщины» работает с заявками НПО на письменные и устные выступления с заявлениями³. Напомним, что в соответствии с правилами ООН Генеральная Ассамблея — это единственный орган организации, в котором имеют голос все государства-участники. В других органах правом голоса обладает лишь ограниченное количество голосящих членов, выбранных Генеральной Ассамблеей.

Инициатива ООН-75

2020 год рассматривается ООН как «ключевой для ускоренной реализации гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек в мире» [64th Session... , 2020]. 64-ю сессию Комиссии по положению женщин запланировано посвятить подведению итогов прошедшего периода. Для участия в сессии приглашаются представители государств-членов, подразделений ООН и неправительственных организаций, аккредитованных ЭКОСОС из всех регионов мира [ibid.].

В январе 2020 г. ООН запустила самую большую в истории глобальную дискуссию о будущем мира в рамках празднования своего 75-летнего юбилея. В настоящее время в ООН входят 193 страны, Святой престол — Ватикан — и Палестина имеют статус государств-наблюдателей, которые не являются членами ООН. Существует несколько организаций, относящихся к постоянным наблюдателям [About the UN, 2020].

Инициатива получила название «ООН-75». Ее цель сформулирована следующим образом: «...охватить как можно больше людей: прислушаться к их надеждам и страхам; учиться на их опыте и дать им возможность думать и действовать глобально. Мы хотим услышать, как люди видят наиболее важные глобальные тенденции, которые нам нужно лучше понять. Наши материалы предоставляют людям возможность обсудить и предложить другие вопросы, а наши опросы будут отражать более широкий спектр тем» [UN75... , 2020]. ООН стремится построить глобальное видение 2045 года — года своего столетнего юбилея, повысить понимание угроз этому будущему и способствовать расширению международного сотрудничества для претворения в жизнь намеченных совместных целей.

Что побудило международную организацию именно в настоящий момент выступить с подобной инициативой? Вероятно, не одна причина заставила предпринять такой шаг. Несомненно, формат празднования юбилея послужил дополнительным стимулом к дизайну «эпохальной» акции. Однако объективные факторы сокрыты в глубинных современных общественно-политических и экономических мировых процессах, которые определяют атмосферу жизнедеятельности ООН.

³ Согласно правилам ООН, НПО должны иметь официальные отношения с ООН через ЭКОСОС. В этом случае они будут обладать всеми привилегиями, в том числе правом выступать на официальных межправительственных заседаниях. Некоторые НПО получают аккредитацию в ООН через Отдел информации и печати или конференции ООН. Такие НПО не могут подавать в «ООН-женщины» заявки на выступление с письменными и устными заявлениями для КПЖ.

С одной стороны, решение глобальных проблем (неравенство, новые формы насилия, климатический кризис, масштабные изменения в области народонаселения и технологий) все сильнее требует коллективных действий и достижение Целей устойчивого развития, которые были выработаны на согласованной основе и получили одобрение мирового сообщества, что свидетельствует об общем видении будущего, невозможно без сотрудничества между различными государствами, регионами и поколениями. С другой — отмечается ослабление поддержки глобального сотрудничества, обусловленное неравномерностью цивилизационной эволюции, разным уровнем экономического, культурного, политического развития и спецификой исторического наследия и накопленных традиций. Во многих странах общественное доверие к традиционным институтам снижается, а отношения между отдельными государствами находятся в напряженном состоянии. К этому следует добавить разноголосую, развивающуюся в динамике критику в адрес ООН, которая отражает уровень недовольства несовершенством деятельности организации [Шведова, 2007].

Диалог о глобальных проблемах и действия по их решению не могут быть отложены в долгий ящик.

Проблемы гендерного равенства, барьеры

«Спустя двадцать пять лет с момента принятия Пекинской декларации и Платформы действий, самой дальновидной повестки дня в области прав и возможностей женщин во всем мире, ни одна страна не достигла гендерного равенства», — с сожалением отмечается на сайте КПЖ [Generation Equality... , 2019]. Такое положение не оставляет равнодушными передовые круги мировой ответственности, которые активно стремятся способствовать преобразованию мира к лучшему. В частности, обеспокоенная группа женщин-лидеров (26 человек) в 2019 г. опубликовала документ под названием «Открытое письмо» (см.: [Шведова, 2019]). В нем выражена тревога по поводу того, что «произошла еще одна волна противодействия гендерному равенству и расширению прав и возможностей» женщин, а политика, которая создает «риск остановить и подорвать гендерное равенство, представляет опасность не только для женщин, но и для всего человечества», поскольку не позволяет половине населения использовать полностью свой потенциал. Отсюда следует вывод о «необходимости достижения полного гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин во всех сферах» [Open Letter... , 2019].

4 октября 2019 г. на 74-й сессии Комитета по социальным и гуманитарным вопросам и вопросам культуры ООН утверждалось: «...права женщин подвергаются новой угрозе, в то время как насилие по признаку пола глубоко укоренилось в структурном неравенстве» [Gender Equality... , 2019]. В своем вступительном слове Ф. Мламбо-Нгкука, заместитель Генерального секретаря ООН, директор-исполнитель структуры «ООН-женщины», подчеркнула серьезную опасность «возобновления усилий против прав женщин и гендерного равенства». А специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин Д. Шимонович заявила: «...женщины становятся жертвами даже в самые интимные моменты своей жизни, включая роды. Этот тип насилия является частью... насилия по признаку пола, корнящегося в структурном неравенстве,

дискриминации и патриархате». По мнению специального докладчика, «ответственность за решение этой проблемы лежит на государствах». Она отметила, что правительства не могут ее решить «под предлогом экономических, культурных или религиозных соображений». Подчеркнув значение нового общесистемного глобального подхода, Д. Шимонович призвала к институциональному созданию Платформы региональных независимых правозащитных механизмов ООН по искоренению насилия в отношении женщин [ibid.].

Это означает, что крайне важно покончить с гендерным насилием во всех его проявлениях, повсеместно ликвидировать все формы дискриминации в отношении женщин и девочек, все формы насилия в отношении женщин и девочек в публичной и частной сферах, включая торговлю людьми, сексуальную эксплуатацию и иные ее формы, все вредные виды практик, такие как детские, ранние и принудительные браки и калечащие операции на женских половых органах. «Наша задача заключается в том, чтобы покончить с изнасилованиями в течение одного поколения и сделать все возможное в ближайшие 10 лет для достижения очень высоких результатов в реализации ЦУР», — подчеркнула Ф. Мламбо-Нгкука в своем выступлении 25 ноября 2019 г. по случаю официального празднования в Нью-Йорке Международного дня борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин [Remarks by Under-Secretary-General... , 2019].

Еще одно алармистское заявление: «Обратная реакция на с трудом завоеванные успехи сильна, и появились новые проблемы» — содержится в новогодних резолюциях «Приверженность гендерному равенству в 2020 г.». В документе приведена статистика: в большинстве стран мира («в трех четвертях государств планеты») действуют законы о бытовом насилии, однако каждый день 137 женщин гибнут от рук членов их семьи [Committing to a Gender-Equal... , 2020]. И хотя глобальная бедность снизилась, она остается в высшей степени феминизированной: женщины в возрасте 25—34 лет на 25 % чаще, чем мужчины, живут в условиях крайней нищеты. Согласно Глобальному отчету о гендерном разрыве 2020 г., потребуется 99,5 года для достижения гендерного паритета [ibid.].

Неоплачиваемая работа по уходу включает такие виды деятельности, как уход за детьми, домашняя работа. Этот труд в основном ложится на плечи женщин повсеместно, зачастую в ущерб их карьерному росту и участию в экономической жизни. Между тем его стоимость оценивается примерно в 10 триллионов долларов США, или 13 % мирового ВВП. Во многих культурах неоплачиваемую работу по уходу считают обычной частью женских обязанностей и соответственно не рассматривают как важный экономический вопрос [Leave no One Behind... , 2016]. Логично стремление женских правозащитных групп добиться признания ее экономической ценности и учета в национальной статистике.

Мировое сообщество в лице ООН призывает разделять обязанности, связанные с домашней работой и уходом за членами семьи, обеспечить безопасность в общественных местах, добиться равной оплаты за труд равной ценности и представительства женщин в процессе принятия решений. «Давайте сделаем 2020-й — годом равенства!» — подчеркнуто в призывах ООН [Generation Equality... , 2019].

Таким образом, в ходе обсуждений в ООН выявляются все еще сильно ощутимые проблемы с достижением гендерного равенства и справедливости, хотя с момента основания Организации Объединенных Наций гендерное равенство признано имеющим большое значение для мира и справедливости, а вклад ООН в его продвижение трудно переоценить.

Новый международный трудовой стандарт по борьбе с насилием, домогательствами на работе был принят на 108-й сессии Международной конференции труда. В июне 2019 г. Международная организация труда приняла *Конвенцию по борьбе с насилием и домогательствами на работе* и соответствующую *Рекомендацию*. В Конвенции насилие и домогательства на работе признаются «нарушением прав человека, угрожающим равным возможностям» [Fifteen Defining Moments... , 2019].

Международное феминистское и женское движение предприняло шаги по мобилизации своих усилий, чтобы отметить «Пекин плюс 25» и добиться отчетности от правительств и ООН. Планировалось основное внимание уделить обзору и оценке хода осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и решений 23-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи, выявлению текущих проблем, которые влияют на осуществление Платформы действий, достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин, оценке вклада в реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

К празднованию «Пекин плюс 25» будет приурочено трехдневное специальное мероприятие во время сентябрьской сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке [64th Session... , 2020], на котором правительства большинства государств мира подтвердят свою приверженность принципам гендерного равенства и справедливости, взяв на себя обязательства по выполнению и расширению обещаний, которые были сформулированы в исторической Пекинской платформе действий.

ООН призывает все государства мира, всех людей и все организации способствовать равному участию женщин и мужчин в образовании, продвижении науки и других областях, связанных с развитием научных знаний.

Признанные ООН официальные дни, посвященные женщинам, несомненно, подчеркивают важность проблемы гендерного равенства и привлекают широкую мировую общественность по достоинству оценить вклад женщин в прогресс человечества. Это Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин (25 ноября), Международный день сельских женщин (15 октября), Международный день девочек (11 октября), Международный день вдов (23 июня), Международный день борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта (19 июня), Международный день женщин и девочек в науке (11 февраля), Международный день нетерпимого отношения к калечащим операциям на женских половых органах (6 февраля). Предстоит еще многое сделать для достижения гендерного равенства мужчин и женщин.

Библиографический список

- Доклад Всемирной конференции для обзора и оценки достижений Десятилетия женщины Организации Объединенных Наций «Равенство, развитие и мир», Найроби, 15—26 июля 1985 г. Гл. 1, разд. А. URL: <https://web.archive.org/web/20170422020539/http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/otherconferences/Nairobi/Nairobi%20Full%20Optimized.pdf> (дата обращения: 22.02.2020).
- Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативный протокол к ней: руководство для парламентариев. 2003. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/ch7.shtml (дата обращения: 02.02.2020).
- Повестка дня в области устойчивого развития / ООН. 2015. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 22.01.2020).
- Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Конвенции и соглашения. 1999. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml (дата обращения: 02.02.2020).
- Шведова Н. А. Гендерное равенство и цели развития: (международный подход) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 3. С. 3—18.
- Шведова Н. А. Высшая школа и наука: проблемы гендерного равенства // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 40—54.
- A Transformative Stand-Alone Goal on Achieving Gender Equality, Women’s Rights and Women’s Empowerment: Imperatives and Key Components / UN Women. 2013. URL: <http://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2013/7/post-2015-long-paper> (дата обращения: 22.01.2020).
- About the UN: Overview. 2020. URL: <https://www.un.org/en/sections/about-un/overview/index.html> (дата обращения: 05.01.2020).
- Committing to a Gender-Equal 2020: New Year’s Resolutions. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/1/compilation-new-years-resolutions> (дата обращения: 02.02.2020).
- Fifteen Defining Moments for Women in 2019. 2019. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2019/12/compilation-2019-defining-moments-for-women> (дата обращения: 15.01.2020).
- Gender Equality under Renewed Assault, Experts Tell Third Committee amid Calls for Greater Protections against All Forms of Violence. 2019. URL: <https://www.un.org/press/en/2019/gashc4261.doc.htm> (дата обращения: 21.12.2019).
- Generation Equality Action Pack. 2019. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/in-focus/generation-equality-action-pack-december-2019> (дата обращения: 05.01.2020).
- Leave no One Behind: Taking Action for Transformational Change on Women’s Economic Empowerment. 2016. URL: <https://www.unscn.org/uploads/web/news/UNSG-HLP-WEE-2nd-Report-.pdf> (дата обращения: 12.01.2020).
- Multilateral Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women: adopted by the General Assembly of the United Nations on 18 December 1979 // United Nations: Treaty Series. 1981. Vol. 1249, № 1-20378. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201249/volume-1249-I-20378-Other.pdf> (дата обращения: 05.01.2020).
- Open Letter Group of Women Leaders for Change and Inclusion. 2019. URL: <https://www.passblue.com/wp-content/uploads/2019/02/Women-leaders-letter-Feb-19.pdf> (дата обращения: 21.02.2020).

- Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, Phumzile Mlambo-Ngcuka, on the International Day for the Elimination of Violence against Women Official Commemoration in New York. 2019. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2019/11/speech-ed-phumzile-international-day-for-the-elimination-of-violence-against-women> (дата обращения: 21.12.2019).
- 64th Session of the Commission on the Status of Women. Beijing+25. 2020. URL: <https://www.taketheleadwomen.com/events/csw64> (дата обращения: 04.01.2020).
- The Beijing Platform for Action: Inspiration Then and Now. URL: beijing20.unwomen.org/en/about (дата обращения: 22.12.2019).
- UN75. Shaping Our Future Together. 2020. URL: <https://www.un.org/en/un75> (дата обращения: 05.01.2020).

References

- A Transformative Stand-Alone Goal on Achieving Gender Equality, Women's Rights and Women's Empowerment: Imperatives and Key Components*, UN Women, available from <http://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2013/7/post-2015-long-paper> (accessed 22.01.2020).
- About the UN: Overview* (2020), available from <https://www.un.org/en/sections/about-un/overview/index.html> (accessed 05.01.2020).
- Committing to a Gender-Equal 2020: New Year's Resolutions* (2020), available from <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/1/compilation-new-years-resolutions> (accessed 02.02.2020).
- Doklad Vsemirnoї konferentsii dlia obzora i otsenki dostizheniї Desiatiletii zhenshchiny Organizatsii Ob"edinēnykh Natsiї "Ravenstvo, razvitie i mir"*, Nairobi, 15—26 iulia 1985 g. (1985) [Report of the world conference to review and appraise the achievements of the United Nations Decade for women "Equality, development and peace"], chap. 1, sect. A, available from <https://web.archive.org/web/20170422020539/http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/otherconferences/Nairobi/Nairobi%20Full%20Optimized.pdf> (accessed 22.02.2020).
- Facul'tativnyi protokol k Konventsii o likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin (1999) [Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women], *Konventsii i soglasheniia*, available from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml (accessed 02.02.2020).
- Fifteen Defining Moments for Women in 2019* (2019), available from <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2019/12/compilation-2019-defining-moments-for-women> (accessed 15.01.2020).
- Gender Equality under Renewed Assault, Experts Tell Third Committee amid Calls for Greater Protections against All Forms of Violence* (2019), available from <https://www.un.org/press/en/2019/gashc4261.doc.htm> (accessed 21.12.2019).
- Generation Equality Action Pack* (2019), available from <https://www.unwomen.org/en/news/in-focus/generation-equality-action-pack-december-2019> (accessed 05.01.2020).
- Konventsiia o likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin i Facul'tativnyi protokol k nei*: Rukovodstvo dlia parlamentariev (2003) [Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women and Its Optional Protocol: A guide for parliamentarians], available from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/ch7.shtml (accessed 02.02.2020).

- Leave no One Behind: Taking Action for Transformational Change on Women's Economic Empowerment* (2016), available from <https://www.unscn.org/uploads/web/news/UNSG-HLP-WEE-2nd-Report-.pdf> (accessed 12.01.2020).
- Multilateral Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women: Adopted by the General Assembly of the United Nations on 18 December 1979 (1981), in: *United Nations: Treaty Series*, vol. 1249, no. 1-20378, available from <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201249/volume-1249-I-20378-Other.pdf> (accessed 05.01.2020).
- Open Letter Group of Women Leaders for Change and Inclusion* (2019), available from <https://www.passblue.com/wp-content/uploads/2019/02/Women-leaders-letter-Feb-19.pdf> (accessed 21.02.2020).
- Povestka dnja v oblasti ustoichivogo razvitiia* (2015) [Sustainable Development Agenda], OON, available from <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (accessed 22.01.2020).
- Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, Phumzile Mlambo-Ngcuka, on the International Day for the Elimination of Violence against Women Official Commemoration in New York* (2019), available from <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2019/11/speech-ed-phumzile-international-day-for-the-elimination-of-violence-against-women> (accessed 21.12.2019).
- Shvedova, N. A. (2007) *Gendernoe ravenstvo i tseli razvitiia: (mezhdunarodnyĭ podkhod) [Gender equality and development goals: (international approach)], SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 3, pp. 3—18.
- Shvedova, N. A. (2019) *Vysshaia shkola i nauka: problemy gendernogo ravenstva [Higher education and science: problems of gender equality], Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 40—54.
- 64th Session of the Commission on the Status of Women. Beijing+25* (2020), available from: <https://www.taketheleadwomen.com/events/csw64> (accessed 04.01.2020).
- The Beijing Platform for Action: Inspiration Then and Now*, available from beijing20.unwomen.org/en/about (дата обращения: 22.12.2019).
- UN75. Shaping Our Future Together* (2020), available from <https://www.un.org/en/un75> (accessed 05.01.2020).

Статья поступила 29.02.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 30—41
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.3

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 30—41
ББК 65.248.5
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.3

РЫНОК ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Н. В. Говорова

Институт Европы, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, n_govorova@mail.ru

Рассматривается положение женщин на рынке труда Европейского союза в контексте Повестки дня ООН на период до 2030 г. Дана характеристика соответствующего законодательства ЕС. Выявлены факторы, обуславливающие разницу в оплате труда и особенности неравенства на профессиональном/отраслевом уровне. Проанализированы причины гендерного дисбаланса в условиях цифровой экономики. Обсуждается представленный Европейской комиссией в марте 2020 г. новый документ «Союз равенства: стратегия гендерного равенства на 2020—2025 гг.» (раздел о гендерно-равноправной экономике). Сделан вывод о необходимости преодоления существующих гендерных стереотипов во всех сферах жизнедеятельности европейского общества, обеспечения большего равенства при профессиональном обучении, найме и продвижении по карьерной лестнице в высокотехнологичных отраслях.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейская комиссия, гендерное равенство, гендерный разрыв, рынок труда, равная оплата труда, цифровая экономика, устойчивое развитие.

THE EUROPEAN UNION MARKET IN THE DIGITAL AGE: GENDER FEATURES

N. V. Govorova

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, n_govorova@mail.ru

The article considers the current situation of women in the European Union labor market in the context of the UN Agenda 2030 as well as describes the relevant EU legislation. The factors that determine the difference in pay and features of inequality at the professional level are identified. The reasons for gender imbalance in the digital economy are analyzed. The author analyzes the new document “Equality Union: Gender Equality Strategy 2020—2025” presented by the European Commission in March 2020 (section on the gender-equal economy), and stresses importance of overcoming existing gender stereotypes in all spheres

of life, ensuring greater equality in training, recruitment and promotion in high-tech industries to prevent sectoral and professional segregation in the digital economy. This is also necessary for the optimal functioning of the so-called “just transition” mechanism, a modern industrial strategy for the transition to a green and digital economy in Europe.

Key words: European Union, European Commission, gender equality, gender gap, labor market, equal pay, digital economy, sustainable development.

Постановка проблемы

Гендерное равенство является необходимым условием конкурентоспособности и инклюзивности европейской экономики. Это одна из основных ценностей и фундаментальное право Европейского союза (Евросоюз, ЕС), ключевой принцип проекта «Европейская опора социальных прав» [Consolidated versions... , 2012, art. 2, 3(3) TEU; Charter of fundamental rights... , 2000; European Pillar of Social Rights... , 2017]. В эпоху перехода к зеленой и цифровой экономике на фоне демографических проблем гендерное равенство способно обеспечить рост числа рабочих мест и более высокую производительность [Albanesi, 2019]. За последние десятилетия благодаря законодательным инициативам и судебной практике в области равного обращения, усилиям по интеграции гендерной проблематики в различные сферы политики ЕС добился значительного прогресса в этой области и вправе считать себя мировым лидером по равноправию полов. В соответствии с индексом за 2019 г., рассчитанным по параметрам гендерного равенства, сформулированным в Повестке дня ООН до 2030 г. (EM2030 SDG), 14 из 20 ведущих стран мира являются государствами — членами ЕС¹.

Однако ни одна страна ЕС не достигла полного гендерного равенства, и прогресс в этой области идет медленными темпами [Говорова, 2004]. В среднем государства — члены ЕС в 2019 г. набрали 67,4 балла из 100 по индексу гендерного равенства², что всего на 5,4 балла больше, чем в 2005 г. Именно поэтому необходимо придать новый импульс движению к гендерному равноправию. В то время как гендерный разрыв в образовании ликвидируется, он сохраняется в занятости, оплате труда, пенсиях и других аспектах. ЕС ближе всего к достижению гендерного равенства в области здравоохранения и доходов. Наибольшую обеспокоенность вызывает сфера управления, хотя ситуация в ней заметно улучшилась благодаря прогрессу почти в каждом государстве-члене.

Анализ ситуации и действий Европейского союза

Евросоюз за последние десятилетия добился определенного прогресса в области гендерного равенства — одной из основополагающих ценностей данной интеграционной группировки. При этом существенные различия возможностей на рынке труда сохраняются и женщин по-прежнему больше в низкооплачиваемых

¹ Индекс гендерного равенства измеряет состояние гендерного равенства в 129 странах по параметрам, имеющим отношение к здравоохранению, гендерному насилию, изменению климата, достойной работе и др. Подробнее см.: URL: <https://data.em2030.org/em2030-sdg-gender-index/> (дата обращения: 17.03.2020).

² URL: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/2019> (дата обращения: 17.03.2020).

секторах/профессиях и значительно меньше на руководящих должностях в крупном и высокодоходном бизнесе. В соответствии с Лиссабонским договором [Consolidated versions... , 2012, art. 8, 10, 19, 157 TFEU], Союз поддерживает и дополняет деятельность стран в области равенства мужчин и женщин в трудовой, социальной и общественной деятельности, обеспечивая применение принципа равенства заработной платы за одинаковый труд. Гендерная проблематика включена в основные проекты, стратегии и секторальную политику, а также в программы финансирования ЕС; ее продвижение — стратегическая задача Европейской комиссии (Комиссия, ЕК), усилия которой сосредоточены в пяти приоритетных областях: расширения участия женщин на рынке труда и обеспечения их экономической независимости; сокращения разрыва в заработной плате и пенсии, т. е. борьбы с бедностью среди женщин; поощрения равенства женщин и мужчин в процессе принятия решений; борьбы с насилием; обеспечения гендерного равенства и прав женщин во всем мире.

Активное продвижение гендерного равенства и соответствующего законодательства в ЕС последовало после Четвертой Всемирной конференции ООН по этой проблематике в 1995 г. с принятием Пекинской декларации и Платформы действий в 12 важнейших областях, включая экономику, образование, здравоохранение, участие в процессе принятия решений и др. В ноябре 2000 г. Комиссией была принята Рамочная стратегия равенства женщин и мужчин на 2001—2005 гг. [Towards a Community Framework Strategy... , 2000]; в марте 2006 г. — План действий по обеспечению равенства женщин и мужчин на 2006—2010 гг. [A Roadmap for Equality... , 2006]; в конце 2006 г. учрежден Европейский институт гендерного равенства. В сентябре 2010 г. увидела свет Стратегия по обеспечению равенства мужчин и женщин на 2010—2015 гг. [Strategy for Equality... , 2010]; в марте 2011 г. был принят Европейский пакт по вопросам гендерного равенства на период 2011—2020 гг. [Council conclusions... , 2011], в котором обозначены цели общей гендерной политики ЕС (ликвидация разрыва в сфере занятости и социальной защиты, содействие балансу трудовых и семейных обязанностей, борьба с насилием в отношении женщин). В декабре 2015 г. Еврокомиссия опубликовала документ «Стратегическое взаимодействие по обеспечению гендерного равенства в 2016—2019 гг.» [Strategic Engagement... , 2015], определяющий рамки действий Союза в пяти вышеупомянутых областях. Инициатива «Европейская опора социальных прав» (2017 г.), нацеленная на построение более справедливой Европы и укрепление ее социального измерения, среди 20 принципов первого направления «Равные возможности и доступ к рынку труда» выделила гендерное равенство как ключевой элемент оптимизации систем социального обеспечения и функционирования рынка труда [European Pillar... , 2017].

Ситуация в области гендерного равенства варьируется в странах ЕС. В 2005—2017 гг., несмотря на различные стартовые позиции, в 16 государствах гендерное равенство росло быстрее, чем в среднем по ЕС (Австрия, Кипр, Германия, Эстония, Италия, Латвия, Мальта, Португалия, Словения, Бельгия, Дания, Финляндия, Люксембург, Нидерланды, Швеция, Великобритания). Еще в восьми государствах положение в области гендерного равенства улучшалось, но более медленными темпами, чем в среднем по ЕС (Болгария, Чехия, Греция, Хорватия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия) [Gender Equality Index... , 2019].

Равенство мужчин и женщин в области образования, принятия экономических решений и политической власти, а также экономическая независимость женщин и равные возможности заработка имеют определяющее значение для будущего Европы. ЕС не может не добиваться осуществления этого важного права на равенство и не использовать огромный потенциал, заложенный в половине его населения. Гендерное неравенство — социально обусловленное явление, и это объясняет медленный прогресс и сохранение гендерного разрыва с течением времени. Гендерный разрыв в занятости выступает устойчивым показателем для рынка труда стран ЕС, особенно низок уровень занятости женщин с низкой квалификацией, представительниц старшего поколения и инвалидов. На пространстве Евросоюза наиболее благополучная ситуация в этой сфере в Швеции, Финляндии и Эстонии, в то время как Италия, Мальта и Греция в числе аутсайдеров.

Повестка дня ООН на период до 2030 г. содержит конкретную цель обеспечения гендерного равенства (цель устойчивого развития 5), характеризующуюся в Евросоюзе неоднозначным развитием отдельных показателей, и включает порядка 80 гендерно-значимых индикаторов. С одной стороны, за последние несколько лет гендерный разрыв как в занятости недавних выпускников (в возрасте от 20 до 34 лет), так и в оплате труда сократился. Кроме того, значительно возросла доля женщин в национальных парламентах и на руководящих должностях крупнейших котирующихся компаний. С другой стороны, прогресс в сокращении гендерных различий в общем уровне занятости (возрастная группа от 20 до 64 лет) застопорился. Кроме того, гораздо больше женщин, чем мужчин, все еще остаются экономически неактивными из-за обязанностей по хозяйству и уходу за членами семьи, и эта разница растет. В сфере образования, особенно высшего, равный доступ способствует повышению шансов на лучшую жизнь как мужчин, так и женщин; женщины продолжают лидировать в получении высшего образования [Sustainable Development... , 2019].

Равная оплата труда

Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда — центральная задача преодоления гендерного неравенства [Задворнова, 2019]. Прошло более 60 лет с тех пор, как принцип равной оплаты труда был включен в европейские договоры, однако женщины по всей Европе до сих пор зарабатывают в среднем на 16 % меньше мужчин, их пенсионное обеспечение ниже на 40 %. В отсутствие соответствующего законодательства практически не виден прогресс в этом отношении. Прозрачность в оплате труда в сочетании с другими решениями, такими как равное распределение обязанностей по уходу за детьми (а также престарелыми и инвалидами) между женщинами и мужчинами, благодаря новой директиве ЕС об отпусках для родителей и опекунов поможет устранить коренные причины этой проблемы. При наличии информации об уровне оплаты труда легче выявить пробелы и дискриминацию. Из-за отсутствия транспарентности многие женщины не знают или не могут доказать, что им недоплачивают. Комиссия провела тщательную оценку существующей системы равной оплаты за равный труд, или труд равной ценности. Глава нового состава Еврокомиссии

У. фон дер Ляйен заявила о принятии мер по введению обязательной прозрачности оплаты труда в первые сто дней своего мандата [EU notes... , 2019]. Одновременно с принятием новой Стратегии гендерного равенства Комиссия начинает всеохватывающий процесс консультаций с общественностью, государствами-членами и социальными партнерами. Она возобновит обсуждение с социальными партнерами вопроса о том, как улучшить гендерное равенство в сфере труда, и будет поощрять активизацию их усилий по устранению гендерного разрыва в области занятости и оплаты труда.

Факторы, лежащие в основе разрыва в оплате труда, многочисленны: женщины чаще работают неполный рабочий день, они сталкиваются с корпоративным «стеклянным потолком», трудятся в более низкооплачиваемых секторах и часто должны нести основную ответственность за заботу о своих семьях. Одним из способов устранения этих факторов является улучшение баланса между работой и жизнью работающих родителей (опекунов). Комиссия выдвинула соответствующее предложение в апреле 2017 г., которое было принято Европейским парламентом и советом в январе 2019 г. [Proposal for a Directive... , 2017]. Разница в оплате также зависит от гендерных стереотипов и дискриминации.

На уровне ЕС в течение последних пяти лет были предприняты различные инициативы. В 2014 г. Комиссия приняла Рекомендацию об укреплении принципа равной оплаты труда мужчин и женщин посредством продвижения конкретных мер по обеспечению ее прозрачности, в том числе права на информацию, аудит оплаты труда, отчетности о включении вопросов оплаты труда в коллективные переговоры [Commission recommendation... , 2014]. Отчет о выполнении Рекомендации за 2017 г. выявил недостаточную реализацию и эффективность мер. В ноябре 2017 г. Комиссия запустила План действий ЕС по преодолению разрыва в оплате труда мужчин и женщин [Tackling the Gender Pay Gap, 2017]. План действий использует целостный подход и направлен на устранение всех основных причин разрыва в оплате труда в числе прочего путем повышения ее прозрачности. До настоящего времени выделено 14,2 млн евро на проекты, направленные на борьбу с гендерными стереотипами в сфере занятости, заработной платы и пенсий.

В 2018 г. Комиссия приступила к оценке мер по обеспечению равной оплаты и в настоящее время завершает ее. Выводы Совета по занятости, социальной политике, здравоохранению и делам потребителей (Employment, Social Policy, Health and Consumer Affairs Council; EPSCO) от июня 2019 г. призывают Комиссию активно следить за текущей оценкой [Closing the Gender Pay Gap... , 2017]. В период с января по апрель 2019 г. ЕК провела общественные консультации для сбора информации от широкого круга заинтересованных сторон о функционировании и применении законов ЕС о равной оплате труда.

Гендер и цифровая экономика

Гендерный дисбаланс является также проблемой для становления цифровой экономики: женщины составляют незначительную часть разработчиков программного обеспечения и обладателей патентов на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Гендерная дискриминация в сфере занятости устойчива к изменениям. Нидерланды, Мальта и Дания являются государствами-членами,

добившимися самых высоких результатов в этой области, причем возможности для улучшения положения наиболее заметны в Словакии, Чешской Республике и Польше. Наука, техника, инженерия и математика (STEM), образование, здравоохранение и социальное обеспечение (ЕНВ) остаются в высшей степени сегрегированными областями без каких-либо изменений в последнее десятилетие. На уровне ЕС мужчины составляют более восьми из десяти работников, занятых в секторе STEM, в то время как женщины — почти три четверти работников в секторе ЕНВ.

Сильная отраслевая и профессиональная сегрегация (доминирование мужчин на высокооплачиваемых рабочих местах) имеет важные последствия для экономики ЕС. По оценкам Европейского института по вопросам гендерного равенства (European Institute for Gender Equality, EIGE), привлечение большего числа женщин в секторы STEM приведет к экономическому росту, увеличению числа рабочих мест (до 1,2 млн к 2050 г.) и повышению ВВП в долгосрочной перспективе (до 820 млрд евро к 2050 г.). Пока только 17 % из почти 8 млн человек, работающих в сфере ИКТ ЕС, являются женщинами³.

Хотя в странах ЕС среди выпускников университетов больше женщин, чем мужчин, они по-прежнему недопредставлены в высокооплачиваемых профессиях. Большая доля их занята на низкооплачиваемых работах и в таких же секторах на менее престижных должностях. Дискриминационные социальные нормы и стереотипы в отношении квалификации женщин и мужчин, недооценка работы женщин и практика профессиональной социализации являются одними из факторов, способствующих этому [Seron et al., 2016]. В условиях быстрой трансформации и цифровизации экономики и рынка труда сегодня подавляющее большинство рабочих мест требуют соответствующих базовых навыков. Повестка дня в области развития новых навыков для Европы (Updated Skills Agenda for Europe) поможет решить проблему горизонтальной сегрегации, стереотипов и гендерного разрыва в образовании и обучении. В предстоящем сообщении Комиссии о европейском пространстве образования гендерное равенство будет выдвинуто в качестве одного из ключевых элементов.

При наличии адресной поддержки и финансирования для расширения прав и возможностей женщин цифровизация может в значительной степени способствовать созданию инклюзивного, равноправного, справедливого и процветающего общества. Для этого государствам — членам ЕС и Еврокомиссии необходимо учитывать гендерную проблематику в процессе разработки и осуществления будущей политики и законодательства во всех областях деятельности.

Новая Стратегия гендерного равенства

Представленная Европейской комиссией в начале марта 2020 г. Стратегия гендерного равенства определяет ее деятельность в данной области, устанавливает цели политики и основные действия на период 2020—2025 гг. [A Union of Equality... , 2020]. Комиссия будет работать системно, включая гендерную проблематику во все сферы как внутренней, так и внешней политики ЕС, создавая

³ Подробнее см.: <https://eige.europa.eu/>.

условия для достижения цели устойчивого развития 5 — обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек — в качестве сквозного приоритета всех ЦУР.

Деятельность Комиссии будет сосредоточена на решении таких ключевых проблем, как гендерно-окрашенное насилие и стереотипное мышление, имеющих тревожные масштабы, а также экономическое, политическое и социальное неравенство, путем финансирования мероприятий, направленных на достижение прогресса в области гендерного равенства в ЕС, в том числе в рамках структурных фондов: Европейского социального фонда «Плюс» (ESF+), Европейского фонда регионального развития, Европейских морского и рыбного фондов, Фонда сплочения и программы InvestEU (2021—2027 гг.). Программа InvestEU основана на успешной модели Инвестиционного плана для Европы. Она объединит Европейский фонд стратегических инвестиций и 13 финансовых инструментов ЕС, доступных в настоящее время. Привлекая дополнительные ресурсы на сумму не менее 650 млрд евро, Программа ставит своей целью придать дополнительный импульс инвестициям, инновациям и созданию рабочих мест. Финансирование будет направлено на поддержку мер по расширению участия женщин на рынке труда и обеспечение баланса между трудовой деятельностью и личной жизнью, инвестирование в учреждения здравоохранения, поддержку женского предпринимательства, борьбу с гендерной сегрегацией в некоторых профессиях и устранение дисбаланса в представленности девушек и юношей в некоторых секторах образования и профессиональной подготовки.

Комиссия подготовит пакет обязательных мер по обеспечению транспарентности в области оплаты труда к концу 2020 г. Такая инициатива укрепит права работников на получение более подробной информации об уровне оплаты труда, но это может создать дополнительное административное бремя для работодателей. Чтобы найти правильный баланс для подобных действий ЕС, крайне важно консультироваться и прислушиваться к социальным партнерам и национальным администрациям.

И наконец, поскольку гендерное неравенство является глобальной проблемой, расширение прав и возможностей женщин будет одной из основных целей внешней деятельности ЕС. Евросоюз содействует гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин в рамках своих международных партнерств, политических диалогов, в том числе диалогов по вопросам прав человека с третьими странами, торговой политики, а также политики соседства и расширения. Важно, чтобы внутренние и внешние действия ЕС в этой области были последовательными и взаимно усиливали друг друга.

Женщины и мужчины должны иметь равные возможности для процветания и экономической независимости, получать равную оплату за труд одинаковой ценности, иметь равный доступ к финансам и получать справедливую пенсию, в равной степени разделять заботу о близких и финансовые обязанности. Расширение участия женщин на рынке труда оказывает сильное позитивное воздействие на экономику, особенно в условиях сокращения численности рабочей силы и нехватки квалифицированных кадров. Уровень занятости женщин в ЕС сегодня выше, чем когда-либо прежде, однако многие женщины по-прежнему сталкиваются с барьерами на рынке труда.

Прозрачность в оплате труда в сочетании с другими решениями, такими как равное распределение обязанностей по уходу за детьми (а также престарелыми и инвалидами) между женщинами и мужчинами, поможет устранить коренные причины этой проблемы. Улучшение баланса между трудовой деятельностью и личной жизнью работников является одним из способов сокращения гендерного разрыва на рынке труда. Оба родителя должны чувствовать себя ответственными за уход за членами семьи и иметь на это право. Директива о балансе между работой и личной жизнью (Work-Life Balance Directive) вводит минимальные стандарты для отпуска по семейным обстоятельствам и гибкий график работы, а также способствует равному распределению обязанностей по уходу между родителями [Directive... , 2019]. Комиссия будет следить за тем, чтобы страны ЕС правильно внедряли эту директиву, позволяя мужчинам и женщинам в равной степени преуспевать как в личном, так и в профессиональном плане, и призывает национальные правительства выйти за рамки этих минимальных стандартов при пересмотре политики. В пределах своей собственной администрации Комиссия будет поощрять и контролировать равное использование гибкого графика работы всеми сотрудниками.

Проблемы гендерного равенства в странах ЕС, в частности, в трудовой сфере, аспекты социальной интеграции и образования будут отслеживаться в течение европейского семестра. С помощью социального табло (Social Scoreboard) также будет осуществляться мониторинг реализации ключевых принципов проекта «Европейская опора социальных прав» в данном контексте. Это прежде всего принципы 2 (гендерное равенство), 3 (равные возможности), 9 (баланс между работой и личной жизнью), 11 (уход за детьми и защита их от нищеты), 15 (доходы и пенсии по старости) и 18 (долгосрочный уход). Начиная с цикла 2019—2020 гг. страновые отчеты за семестр вносят свой вклад в мониторинг осуществления Целей устойчивого развития, в том числе ЦУР 5, а также в выяснение вопроса, каким образом экономическая политика и политика в области занятости могут способствовать их реализации.

Расширение прав женщин на рынке труда означает и предоставление им возможности преуспевать в качестве инвесторов и предпринимателей [Пиньковецкая, 2019]. Политика ЕС по обеспечению сплоченности поддерживает женское предпринимательство, (ре)интеграцию женщин на рынке труда и гендерное равенство в традиционно мужских секторах. Комиссия будет также содействовать присутствию женщин на руководящих должностях в фондах прямых и венчурных инвестиций и поддерживать фонды, инвестирующие в гендерно-диверсифицированные портфели через программу InvestEU, для мобилизации частных и государственных ресурсов на реализацию целей более устойчивого, инклюзивного и инновационного роста.

Выводы

Одна из самых болезненных проблем европейского общества — с трудом поддающийся выравниванию гендерный разрыв в трудовой сфере. Несмотря на то что уровень женской занятости в ЕС достиг исторически высокого уровня и больше женщин, чем когда-либо, занимают руководящие должности, многое еще предстоит сделать для обеспечения подлинного равенства женщин и мужчин

в Европе. Это потребует объединения усилий всех институтов ЕС и государств-членов с гражданским обществом и социальными партнерами прежде всего в борьбе с существующими гендерными стереотипами, приписывающими мужчинам и женщинам определенные психологические качества и свойства личности, закрепляющими семейные и профессиональные роли в соответствии с полом и обуславливающими различия в сфере труда.

В условиях идущих процессов цифровой трансформации существенный гендерный разрыв в соответствующих навыках — фактор, мешающий женщинам делать карьеру в области ИКТ. Институтам, агентствам и странам Евросоюза необходимо включать гендерную проблематику во все цифровые инициативы, особенно ориентированные на молодое поколение, сосредоточить усилия на содействии обучению девочек и женщин ИТ-технологиям и поддержке женщин-предпринимателей в цифровом секторе.

В Российской Федерации, по данным Росстат⁴, гендерная ситуация на рынке труда в сферах STEM и ENW во многом схожая. При небольшой разнице по признаку пола в количестве занятого населения и руководителей в целом число специалистов-женщин высшего уровня квалификации в области науки и техники в два раза меньше, чем мужчин, а в сфере ИКТ — более чем в пять раз, в то время как они доминируют в здравоохранении, образовании, администрировании, праве, культуре и других гуманитарных областях. Аналогичная картина с персоналом среднего уровня квалификации. Среди позитивных тенденций следует отметить небольшой рост числа высококвалифицированных специалистов женского пола, в том числе в сфере науки, техники и ИКТ на фоне снижения женской занятости в целом в 2016—2019 гг. Однако в сегменте специалистов среднего звена противоположная ситуация: на фоне роста женской занятости имеет место уменьшение их числа среди специалистов в области науки, техники и ИКТ.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости политического решения гендерных проблем в эпоху искусственного интеллекта, обеспечения большего гендерного равенства при найме, обучении и продвижении по службе, особенно в высокотехнологичных отраслях, что послужит равноправию полов на рынке новых профессий. Эти задачи сегодня в равной степени актуальны как для Европейского союза, так и для Российской Федерации.

Библиографический список

- Горова Н. В.* Гендерные аспекты занятости: новые тенденции, старые проблемы // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 6. С. 107—114.
- Задворнова Ю. С.* Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях как ключевая задача преодоления гендерного неравенства в странах с цифровой экономикой // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 114—120.
- Пиньковецкая Ю. С.* Предпринимательская активность женщин в современной экономике // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 40—51.

⁴ URL: https://gks.ru/labour_force (дата обращения: 18.03.2020).

-
- A Roadmap for Equality between Women and Men 2006—2010. COM(2006) 92 final / Commission of the European Communities. Brussels, 2006. 22 p.
- A Union of Equality: Gender Equality Strategy 2020—2025. COM(2020) 152 final / European Commission. Brussels, 2020. 20 p.
- Albanesi S.* Changing Business Cycles: the Role of Women's Employment: Discussion Paper. № DP 13578 / Center for Economic Policy and Research. London, 2019. 67 p.
- Charter of fundamental rights of the European Union. Art. 21, 23 // Official Journal of the European Communities. 2000. Vol. 43, C 364. P. 1—22.
- Closing the Gender Pay Gap: Key Policies and Measures: Council Conclusions / Council of the European Union. Brussels, 2019. № 10349/19. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10349-2019-INIT/en/pdf> (дата обращения: 05.04.2020).
- Commission recommendation of 7 March 2014 on strengthening the principle of equal pay between men and women through transparency // Official Journal of the European Union. 2014. Vol. 57, L 69. P. 112—116.
- Consolidated versions of the treaty on European Union and the treaty on the functioning of the European Union. Art. 2, 3 (3) TEU; 8, 10, 19, 157 TFEU // Official Journal of the European Union. 2012. Vol. 55, C 326. 412 p.
- Council conclusions of 7 March 2011 on European Pact for Gender Equality (2011—2020) // Official Journal of the European Union. 2011. Vol. 54, C 155. P. 10—13.
- Directive (EU) 2019/1158 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on work-life balance for parents and carers and repealing Council Directive 2010/18/EU // Official Journal of the European Union. 2019. Vol. 62, L 188. P. 79—93.
- EU notes «too slow» progress on equal pay day // Bulletin Quotidien Europe. 2019. № 12361. P. 16.
- European Pillar of Social Rights. 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-summit-european-pillar-social-rights-booklet_en.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
- Gender Equality Index 2019: Work-Life Balance. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. 180 p.
- Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on Work-Life Balance for Parents and Carers and Repealing Council Directive 2010/18/EU 26.04.2017. COM(2017) 253 final / European Commission. Brussels, 2017. 29 p.
- Seron C., Silbey S. S., Cech E., Rubineau B.* Persistence is cultural: professional socialization and the reproduction of sex segregation // Work and Occupations. 2016. Vol. 43, iss. 2. P. 178—214.
- Strategic Engagement for Gender Equality 2016—2019. SWD(2015) 278 final / European Commission. Brussels, 2015. 40 p.
- Strategy for Equality between Women and Men 2010—2015. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. 40 p.
- Sustainable Development in the European Union: Monitoring Report on Progress towards the SDGs in an EU Context. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. 372 p.
- Tackling the Gender Pay Gap: EU Action Plan 2017—2019. COM(2017) 678 final / European Commission. Brussels, 2017. 13 p.
- Towards a Community Framework Strategy on Gender Equality (2001—2005). COM(2000) 335 final / Commission of the European Communities. Brussels, 2000. 53 p.

References

- A Roadmap for Equality between Women and Men 2006—2010*, COM(2006) 92 final (2006), Commission of the European Communities, Brussels.
- A Union of Equality: Gender Equality Strategy 2020—2025*, COM(2020) 152 final (2020), European Commission, Brussels.
- Albanesi, S. (2019) *Changing Business Cycles: the Role of Women's Employment*: Discussion Paper, no. DP13578, Center for Economic Policy Research, London.
- Charter of fundamental rights of the European Union, art. 21, 23 (2000), *Official Journal of the European Communities*, vol. 43, C 364, pp. 1—22.
- Closing the Gender Pay Gap: Key Policies and Measures*: Council Conclusions (2019), Council of the European Union, Brussels.
- Commission recommendation of 7 March 2014 on strengthening the principle of equal pay between men and women through transparency (2014), *Official Journal of the European Union*, vol. 57, L 69, pp. 112—116.
- Consolidated versions of the treaty on European Union and the treaty on the functioning of the European Union, art. 2, 3 (3) TEU; 8, 10, 19, 157 TFEU (2012), *Official Journal of the European Union*, vol. 55, C 326, pp. 1—412.
- Council conclusions of 7 March 2011 on European Pact for Gender Equality (2011—2020) (2011), *Official Journal of the European Union*, vol. 54, C 155, pp. 10—13.
- Directive (EU) 2019/1158 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on work-life balance for parents and carers and repealing Council Directive 2010/18/EU (2019), *Official Journal of the European Union*, vol. 62, L 188, pp. 79—93.
- EU notes “too slow” progress on equal pay day (2019), *Bulletin Quotidien Europe*, no. 12361, p. 16.
- European Pillar of Social Rights* (2017), available from https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-summit-european-pillar-social-rights-booklet_en.pdf (accessed 14.03.2020).
- Gender Equality Index 2019: Work-Life Balance* (2019), Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Govorova, N. V. (2004) Gendernye aspekty zaniatosti: novye tendentsii, starye problemy [Gender aspects of employment: new trends, old problems], *Problemy teorii i praktiki upravleniia*, no. 6, pp. 107—114.
- Pin'kovetskaia, Iu. S. (2019) Predprinimatel'skaia aktivnost' zhenshchin v sovremennoi ekonomike [Women's entrepreneurial activity in the modern economy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 40—51.
- Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on Work-Life Balance for Parents and Carers and Repealing Council Directive 2010/18/EU* 26.04.2017, COM(2017) 253 final (2017), European Commission, Brussels.
- Seron, C., Silbey, S. S., Cech, E., Rubineau, B. (2016) Persistence is cultural: professional socialization and the reproduction of sex segregation, *Work and Occupations*, vol. 43, iss. 2, pp. 178—214.
- Strategic Engagement for Gender Equality 2016—2019*, SWD(2015) 278 final (2015), European Commission, Brussels.
- Strategy for Equality between Women and Men 2010—2015* (2011), Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Sustainable Development in the European Union: Monitoring Report on Progress towards the SDGs in an EU Context* (2019), Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Tackling the Gender Pay Gap: EU Action Plan 2017—2019*, COM(2017) 678 final (2017), European Commission, Brussels.

Towards a Community Framework Strategy on Gender Equality (2001—2005), COM(2000) 335 final (2000), Commission of the European Communities, Brussels.

Zadvornova, Iu. S. (2019) Likvidatsiia gendernogo razryva v oplate truda v STEM-otrasliakh kak kliuchevaia zadacha preodoleniia gendernogo neravenstva v stranakh s tsifrovoi ekonomikoi [Closing the gender pay gap in STEM industries as a key challenge to overcome gender inequality in digital economies], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 114—120.

Статья поступила 19.03.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Говорова Наталья Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН, г. Москва, Россия, n_govorova@mail.ru (Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 42—52
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.4

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 42—52
ББК 66.3(7Кан),4
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.4

КАНАДА: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Е. В. Израелян

Институт США и Канады, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
evgenia_vik13@mail.ru

В 2020 г. международное сообщество отмечает несколько знаменательных дат, связанных с гендерной проблематикой. Эти события имеют принципиальное значение для Канады, активно участвующей в разработке гендерной политики на международном и внутриполитическом уровнях. В статье проанализированы инициативы правительства Канады по внедрению гендерной составляющей в обеспечение безопасности страны. В первой части работы рассматривается внутриполитический срез обеспечения безопасности Канады на примере борьбы с коронавирусом и насилием в отношении женщин. Вторая часть посвящена исследованию вклада страны в разработку и выполнение международных документов по тематике «Женщины, мир и безопасность». Платформа Либеральной партии 2019 г., заявления Дж. Трюдо и других представителей партийной верхушки, а также состав нового кабинета, назначенного в ноябре 2019 г., не оставляют сомнений в том, что либералы сохраняют приверженность принципам гендерного равенства.

Ключевые слова: Канада, гендерная политика Канады, национальная безопасность Канады, насилие в отношении женщин, женщины в вооруженных конфликтах, коронавирус в гендерном измерении, инициатива Элси, канадские программы помощи развития.

NATIONAL SECURITY OF CANADA: GENDER DIMENSION

E. V. Israelian

Institute for the U. S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, evgenia_vik13@mail.ru

In 2020 the international community is celebrating several significant dates related to gender issues. These developments are of fundamental importance for Canada, which is actively involved in the development of gender policy at the international and domestic levels. The article examines the initiatives of the government of Canada to introduce a gender component in ensuring the country's security. The first part of the paper examines the domestic political cross-section of security in Canada, using the examples of the fight against coronavirus and violence against women. The second part is devoted to the study of the country's contribution

to the development and implementation of international documents related to the theme “Women, peace and security”. The Liberal party platform — 2019, statements by J. Trudeau and other party leaders, as well as the composition of the new Cabinet leave no doubt that the Liberals will remain committed to the principles of gender equality. The previous research on gender policy in Canada shows that its general outlines and specific achievements can be of both scientific and practical interest, including those who are engaged in the formation of gender-balanced approaches on international level and in the other countries.

Key words: Canada, Canadian gender policy, national security of Canada, violence against women, coronavirus and gender, women in armed conflicts, Elsie initiative, Canada’s international development programs.

В 2020 г. международное сообщество отмечает несколько знаменательных дат, связанных с гендерной проблематикой. Исполняется 25 лет со дня принятия Пекинской декларации и Платформы действий, ставших основополагающими документами для продвижения прав женщин. Другая веха — 5-летний юбилей действия Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Обеспечение гендерного равенства, расширение прав и возможностей женщин и девочек были названы в числе 17 главных целей намеченной программы. Кроме того, 20 лет назад, в октябре 2000 г., Совет Безопасности ООН единогласно одобрил Резолюцию 1325 о женщинах, мире и безопасности. Указанные документы и решения имеют принципиальное значение для Канады, активно участвующей в разработке гендерной политики на международном уровне.

2020 г. примечателен для Канады и в национальном контексте. 50 лет назад впервые созданная Канадская Королевская комиссия по положению женщин представила правительству доклад по вопросам равенства между мужчинами и женщинами. Многие из содержащихся в нем предложений были приняты. Например, в 1971 г. была введена должность федерального министра по положению женщин. В 1976 г. появилось отдельное ведомство, занимавшееся «женским вопросом», — Агентство по делам женщин (Status of Women Canada). Сейчас это Департамент по делам женщин и гендерному равенству (Department for Women and Gender Equality). Доклад Королевской комиссии вошел в историю как крупный прорыв в борьбе канадских женщин за свои права, а 1970 г. находится в списке памятных дат, которые отмечаются в Канаде.

Еще одна годовщина, привлекающая внимание правящих кругов и ответственности Канады, — 25-летие принятия национального Плана гендерного равенства. Гендерный анализ был объявлен тогда обязательным элементом разработки национальной политики и законодательства. Так Канада стала одним из лидеров разработки и применения основ гендерного анализа.

Юбилейные даты и годовщины — время торжественных мероприятий, а также подведения итогов, оценки достижений и работы над ошибками. В статье проанализированы инициативы правительства Канады по внедрению гендерной составляющей в обеспечение безопасности. В первой части работы рассматривается внутривластный срез обеспечения безопасности Канады на примере борьбы с коронавирусом и насилием в отношении женщин. Вторая часть посвящена исследованию вклада страны в разработку и выполнение международных документов по теме «Женщины, мир и безопасность».

Безопасность, коронавирус, гендерное насилие

Обращаясь к заявленной в статье тематике, невольно задумываешься, почему вопросы международной безопасности столь актуальны для Канады. Известно, что военная доктрина любой страны формируется с учетом географического положения, особенностей исторического и государственного развития, места в мире и взаимоотношений с соседями. Под воздействием этих факторов в правящих кругах Канады сложилась уверенность в том, что ее национальная безопасность может быть лучше всего обеспечена не собственными силами и военными ресурсами, а через систему коллективной безопасности. Участие в военных блоках с США и НАТО и выполнение международных обязательств в многосторонних организациях стали незыблемыми основами внешнеполитического курса страны. Установка на коллективную безопасность позволила Канаде ограничивать собственные военные усилия. Ее расходы на военные нужды составляют лишь 1,3 % ВВП (по этому показателю она занимает нижние позиции в списке стран — членов НАТО), а канадская армия насчитывает всего 68 000 человек. У страны нет претензий на мировое господство — она имеет статус влиятельной никому не угрожающей державы «среднего ранга», вносящей вклад в поддержание мира и стабильности на глобальном уровне. В этих условиях официальная Оттава рассматривает национальную безопасность Канады в контексте международной безопасности и проявляет особый интерес к ее укреплению.

Обратим внимание еще на один момент. Правительство Канады использует широкое толкование терминов «национальная» и «международная безопасность», включая в эти понятия такие невоенные компоненты, как массовые миграции, этнические и конфессиональные противоречия, истощение природных ресурсов, новые болезни. Следуя этой логике, правительство относит к угрозам национальной безопасности и пандемию коронавируса-19. На правительственном сайте, посвященном ситуации с вирусной инфекцией, «здоровье и безопасность канадцев» рассматриваются как составные части «главного приоритета (развития. — *Е. И.*) страны» [Coronavirus disease... , 2019].

Официальная Оттава быстро отреагировала на разразившуюся эпидемию: был принят очень солидный, по канадским меркам, пакет помощи населению в виде прямых выплат и налоговых отсрочек, граница между США и Канадой временно закрыта (при сохранении жизненно важных торговых потоков и транспортных передвижений). Проводятся медицинские исследования, широкая информационная кампания.

В момент написания статьи в распоряжении автора не было результатов всестороннего гендерного анализа воздействия пандемии. В большинстве обзоров СМИ приводились сведения о том, что заболеваемость и смертность мужчин выше, чем женщин. Эту точку зрения, однако, подвергают сомнению участники, в том числе канадские, международного проекта «КОВИД-19: гендерные последствия вспышки» [Wenham et al., 2020]. По их данным, 90 % медицинских работников провинции Хубэй (Китай), крупнейшего очага заражения, — женщины. Ученые считают, что эта группа не была корректно отражена в правительственной статистике, и высказываются за тщательный гендерный анализ прямых и косвенных влияний вируса.

С мнением ученых согласна писательница и активист общественной организации «Фонд канадских женщин» А. Гунрай (A. Gunraj, Canadian Women's Foundation). Она отмечает, что, во-первых, в Канаде, как и повсюду, львиная доля домашних забот ложится на плечи женщин. С закрытием школ, карантинами, кризисом в сфере услуг, нехваткой мест и персонала в медицинских учреждениях нагрузка на женщин неизбежно увеличивается. Во-вторых, последствием вирусной инфекции, скорее всего, станет падение доходов женщин, которые нередко работают на условиях неполной или почасовой занятости. Они будут вынуждены отказываться от части или от всего заработка из-за возросших семейных обязанностей. Наконец, в-третьих, напряженность в обществе приводит к стрессам, агрессивности, всплескам домашнего и сексуального насилия. «Гендерные последствия пандемии коронавируса — отнюдь не периферийный вопрос», — резюмирует канадская писательница [Gunraj, 2020]. Для того чтобы справиться с этим глобальным экономическим и гуманитарным кризисом, необходимо как международное сотрудничество, так и партнерство различных социальных общественных и гендерных групп внутри страны.

Возвращаясь к пакету мер поддержки населения Канады в условиях пандемии, отметим, что одним из его компонентов является помощь женщинам и детям, пострадавшим от домашнего и сексуального насилия. Приюты и центры, оказывающие такие услуги, получают 50 млн долл. [Prime Minister... , 2020]. Особое внимание будет уделяться организациям, предоставляющим убежище коренным жительницам страны.

Выбор указанных категорий населения для оказания помощи не случаен. Канада известна своими достижениям в области борьбы против насилия: в 1993 г. по инициативе ее делегации Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию об искоренении насилия в отношении женщин, учреждена должность специального докладчика по вопросам насилия в отношении женщин при Комиссии ООН по правам человека. В Канаде создана широкая сеть кризисных центров и приютов для женщин.

Несмотря на все меры, проблема остается нерешенной. Приведем нераспространенную статистику: число пострадавших от домашнего насилия в Канаде достигает ежегодно 100 000 человек, а убитых — около 90 человек [Waugh, 2020] (для справки: в число насильственных действий включаются разные виды агрессии, в том числе вербальная).

Новое правительство Дж. Трюдо, победившее на выборах 2019 г.¹, отреагировало на тревожный сигнал. В своей электоральной платформе либералы объявили борьбу с насилием по гендерному признаку одним из главных направлений своей внутренней политики [Forward... , 2019: 43]. В ее основу легла принятая в 2017 г. стратегия предотвращения и ликвидации гендерного насилия. Насилие признано в платформе Либеральной партии грубейшим нарушением прав человека и рассматривается в тесной взаимосвязи с равноправием и безопасностью.

¹ В результате выборов, состоявшихся в Канаде осенью 2019 г., победила Либеральная партия, находившаяся у власти с 2015 г. Во главе правительства — прежний лидер Джастин Трюдо.

В платформе также отмечалось, что в Канаде от насилия чаще всего страдают коренные жительницы и представители ЛГБТ сообщества. Важным шагом в реализации стратегии было проведение в 2016—2019 гг. государственного расследования случаев исчезновения и убийств женщин и девочек из числа коренных народов. Оно показало беспрецедентно высокий уровень насилия в отношении этой демографической группы. Как обещают либералы, будут осуществлены разработка и выполнение комплексного плана действий по искоренению источников насилия и созданию безопасной среды обитания для этой категории канадского населения.

Женщины в вооруженных конфликтах: подходы Канады

Историческое значение принятой в октябре 2000 г. Резолюции Совета Безопасности ООН 1325 заключалось в том, что впервые в повестку дня этой организации в области мира и безопасности была включена гендерная составляющая. В документе рассматривалось воздействие войн на женщин и их вклад в урегулирование конфликтов [Резолюция 1325... , 2000].

Так случилось, что в момент обсуждения Резолюции Канада была в числе непостоянных членов Совета Безопасности. Напомним, что Генеральная Ассамблея ООН ежегодно избирает на двухлетний срок 5 непостоянных членов Совета Безопасности. Делегация Канады в Совете Безопасности ООН активно поддерживала Резолюцию 1325 и другие решения Совета, посвященные гендерным аспектам вооруженных конфликтов и их урегулирования.

Канадским дипломатам принадлежит инициатива создания неформальной рабочей группы (дословный перевод — группы друзей) по вопросам, связанным с тематикой «Женщины, мир и безопасность» (Group of Friends of Women, Peace and Security). В ее задачи входит наблюдение за выполнением государствами взятых на себя обязательств, консультации, корректировка и усовершенствование выработанных подходов.

На основе Резолюции 1325 правительство Канады приняло 2 национальных плана действий по вопросам женщин, мира и безопасности (НПКЖМБ). Первый, запущенный в 2010 г., был завершен к 2017 г., второй рассчитан на 2017—2022 гг. О важности инициативы свидетельствовало то, что исполнители уже 5 раз отчитывались о результатах своей работы перед канадским парламентом. В настоящее время свыше 80 государств разработали и реализуют аналогичные национальные планы.

О значении этой проблематики для социально-политического контекста Канады говорит и другой факт: в июне 2019 г. Дж.Трюдо учредил должность посла по вопросам женщин, мира и безопасности. Пост заняла Ж. О'Нейлл (J. O'Neill), имеющая большой опыт теоретической и практической работы в женских и миротворческих проектах, участвовавшая в создании обоих канадских национальных планов, а также в программах развития женского лидерства в Колумбии, Пакистане и Судане. Она будет отвечать за выполнение НПКЖМБ канадскими министерствами и ведомствами.

Национальный план Канады направлен на достижение двух ключевых целей внешней политики: предотвращения и урегулирования вооруженных конфликтов; внедрения гендерной составляющей в международную повестку дня [Canada's National Action Plan... , 2017: 1—2].

Отношение к данной проблематике по-прежнему определяется сложившимися стереотипами о роли и месте мужчин и женщин. Долгое время считалось, что участниками конфликтов являются лишь мужчины. Ситуация, однако, существенно изменилась. Иным стал характер войн. Большинство из них разворачивается внутри государств, оказывая существенное воздействие не только на международную обстановку, но и на традиционные ролевые социальные и гендерные модели. Женщины либо прямо участвуют в военных действиях (в регулярных силах или в числе боевиков), входят в состав медицинской службы, полицейских, советников, обеспечивают логистику, либо становятся политиками или поддерживают воюющих родных и близких.

Напомним, что гендерный подход основан на признании различного воздействия явлений, происходящих в обществе, на каждую гендерную группу [Словарь гендерных терминов, 2002: 71]. Это положение применимо и к проблемам мира и безопасности: последствия конфликтов не одинаковы для мужчин и женщин. Поэтому необходима дифференцированная политика, учитывающая интересы и потребности как женщин, так и мужчин. Между тем опыт женщин недостаточно используется при принятии решений по вопросам войны и мира, при выработке мирных соглашений и правил постконфликтного миростроительства.

В НПКЖМБ приводятся следующие аргументы в пользу подключения женщин к мирным процессам. Во-первых, участие женщин в постконфликтном миростроительстве делает мир более устойчивым. Оно на 20 % увеличивает вероятность мирного, бесконфликтного развития на ближайшие 2 года после заключения перемирия и на 35 % — на 15-летний период [Canada's National Action Plan... , 2017: 3].

Во-вторых, женщины и девочки вносят ощутимый вклад в глобальную экономику. Вовлечение женского населения в фермерство, прогнозируют специалисты, может помочь 17 % голодающего населения в развивающихся странах. Образование девочек приведет к сокращению бедности в мире на 12 %. Достижение гендерного равенства во всем мире может увеличить мировой ВВП на 12 трлн долл. [Department of Finance Canada... , 2018].

В-третьих, женщины, наравне с мужчинами, могут успешно работать в органах государственной власти: такие правительства обладают хорошим потенциалом стабильности. В силу обстоятельств и не по своей воле в ходе конфликтов женщины получают навыки управления: по статистике, в горячих точках 40 % женщин становятся главами семей [Canada's National Action Plan... , 2017: 3].

В-четвертых, представленность женщин в военной сфере и в миротворчестве повышает эффективность таких операций. Женщины используют иные, чем мужчины, методы и подходы, их присутствие может расширить возможности поддержки у населения, усилить чувство защищенности (в том числе у женщин и детей), увеличить многообразие и всеохватность этой деятельности.

Миротворчество и помощь развитию через призму гендера

В 2017 г. правительство Дж. Трюдо предложило 2 программы практической реализации плана. Первая — Инициатива Элси — направлена на усиление гендерного компонента в миротворческой деятельности ООН. Вторая инициатива — концепция государственной помощи развитию, получившая название феминистской, — сфокусирована на интересах девочек и женщин. Оба пакета уже ранее рассматривались автором статьи [Израелян, 2018]. Здесь, на наш взгляд, уместно проанализировать некоторые результаты намеченной деятельности.

Инициатива Элси была выдвинута Канадой на встрече глав оборонных ведомств в ноябре 2017 г. в Ванкувере и названа в честь знаменитой канадки Элизабет (Элси) Макгилл (1905—1980 гг.), первой в мире женщины — авиа-конструктора и борца за права женщин. Канадский документ ссылался на Резолюцию Совета Безопасности ООН 2242, принятую в октябре 2015 г., в которой рекомендовалось, помимо прочего, удвоить в течение следующих 5 лет число женщин в воинских и полицейских контингентах отрядов первой медицинской помощи. Это предложение явно не выполняется: с момента принятия Резолюции процент женщин-миротворцев вырос лишь на 1,2 % (с 4,2 до 5,4 %) [The Elsie Initiative... , 2017]. Предложения Канады были направлены на то, чтобы ускорить продвижение к гендерно-сбалансированному составу миротворческих подразделений.

В марте 2019 г. «ООН-женщины» и другие структуры этой организации объявили об учреждении международного Фонда Инициативы Элси (Elsie Initiative Fund), который будет финансировать подготовку и размещение женщин-миротворцев. Выполняя упомянутые выше задачи, Канада внесла первый взнос в размере 15 млн долл. Работа Фонда запланирована на 5 лет, с возможным продлением. Канада и «ООН-женщины» будут его сопредседателями.

Оттава предоставила материальную помощь и инструкторов для расширения участия женского персонала в вооруженных силах Ганы и в полиции Замбии. Предусматривается включение женщин, прошедших эту профессиональную подготовку, в состав миротворческих контингентов. Аналогичный проект стартует также в Сенегале. Кроме того, Канада направляет средства Департаменту операций по поддержанию мира ООН для проведения тренингов для женщин-миротворцев, инструктажа женщин — консультантов в горячих точках и создания для них надлежащих бытовых условий.

МИД Канады выделил средства на исследования и экспертные разработки по проблеме «Женщины и миротворчество», результаты которых размещены на сайтах ведомства и международных организаций.

Критики политики правительства упрекали его в том, что Канада, которая является автором Инициативы Элси, сама нарушает ее основную цель — увеличение доли женщин в миротворческих подразделениях. Ситуацию усугубили просочившиеся в прессу слухи о том, что Канада была на грани исключения из состава миссии в Южном Судане именно из-за недостающего числа женщин в ее миротворческом подразделении. Обсуждался и более общий вопрос — о резком

снижении участия канадцев в операциях под флагом ООН, которое привело к потере Канадой роли лидера миротворчества².

Заметим, что в последние годы канадское руководство действительно внесло кардинальные изменения в свою концепцию миротворчества. Главный акцент смещен с физического присутствия миротворцев на внесение вклада в разработки, тренинги, обучение, посредничество и постконфликтное восстановление, что позволяет сэкономить средства и избежать человеческих потерь. Именно эту тенденцию и демонстрирует канадская составляющая Инициативы Элси.

Не избежала критики и «Феминистская политика международной помощи развитию» (ФПМПР). Правительство предложило бороться с нищетой в мире, сосредоточившись в первую очередь на защите прав женщин и девочек. Было запланировано, что за пятилетний период (с 2015/16 финансового года) доля средств, инвестированных в женские программы, в общих бюджетах канадской помощи возрастет с 2 до 15 %. Главной установкой станет внедрение принципа гендерного равенства во все без исключения виды деятельности, финансируемые Канадой. К 2021/22 финансовому году не менее 95 % проектов, спонсируемых Канадой в рамках двусторонних отношений, будут иметь гендерный компонент [Canada launches... , 2017].

Давать оценку результатам осуществления этой программы, на наш взгляд, преждевременно. Достижение поставленных долгосрочных целей — покончить с нищетой и неравенством женщин — потребует больших временных затрат и скоординированных усилий различных участников международных процессов. Выполняя поставленные в ФПМПР задачи, Оттава выделила женским НПО развивающихся стран 150 млн долл. сроком на 5 лет, профинансировала ряд проектов в Азии, Африке, на Ближнем Востоке. Расходы на помощь развитию были увеличены с 5,37 млрд долл. в 2017—2018 гг. до 5,50 млрд долл. в 2018—2019 гг. [Courtney, 2018].

Несмотря на новые ассигнования, бюджет программы остается, по мнению ее критиков, явно недостаточным. Некоторые аналитики даже называли ФПМПР фиговым листком из-за отсутствия надлежащего бюджета. Статистика показывает, что доля официальной помощи в валовом национальном доходе Канады значительно ниже среднего показателя по странам ОЭСР и составляет лишь 0,28 %. Специалисты недовольны также слабой методологической базой программного документа, недоработками понятийного аппарата, смешением различных феминистских теорий и интерпретаций. Оппоненты критикуют программу за недооценку странового контекста, этнических и культурных особенностей государств — реципиентов помощи.

Перечисленные замечания, безусловно, справедливы и обоснованы. Позволим себе, однако, некоторые комментарии. Во-первых, по объемам официальной помощи Канада занимала в 2018 г. 9-е место, а по размерам гендерно-ориентированной помощи — 8-е место среди 14 ведущих мировых доноров [Donor Tracker... , 2020]. Для Канады, которая, несмотря на высокоразвитую экономику, все же занимает не самые высокие позиции в мировых экономических

² Именно Канаде принадлежала сама идея создания и использования сил по поддержанию мира в ходе Суэцкого кризиса 1956 г., за которую знаменитый канадский дипломат Л. Пирсон был награжден Нобелевской премией мира.

рейтингах, это вполне достойные показатели. Во-вторых, и это, наверное, более существенно, ФПМППР примечательна своей главной идеей — защиты прав женщин и девочек. Гендерный компонент уже давно присутствует в международных донорских проектах и программах. Новизна канадского подхода заключалась в его фокусе, в концентрированности всей программы на обеспечении интересов женских групп. Правительство Дж. Трюдо, на наш взгляд, сделало очень важный шаг, разработав концепцию, наметив будущие ориентиры и создав рамки финансирования. И наконец, последнее. Благодаря ФПМППР Дж. Трюдо вновь привлек внимание международного сообщества к этой актуальной проблематике.

Наш анализ показал, что внедрение гендерной составляющей в обеспечение национальной безопасности является важным направлением международной и внутривнутриполитической повестки дня Канады. Гендерный компонент присутствует во внутренней политике правительства, направленной на сохранение безопасности канадских граждан. Этот вывод сделан на основе рассмотрения двух направлений внутривнутриполитической деятельности правительства: борьбы с пандемией КОВИД-19 и мер против домашнего и сексуального насилия. Несмотря на внезапность эпидемии, правительству удалось отреагировать с учетом интересов различных гендерных групп.

Инициативы Канады по теме «Женщины, мир и безопасность» подтверждают известное положение о том, что политический вес этой страны в мире определяется ее способностью предлагать оригинальные идеи и новаторские подходы. Ее участие в миротворчестве и программах помощи развитию следует оценивать не по размерам финансирования и задействованных человеческих ресурсов, а по интеллектуальному вкладу в решение этих проблем.

Платформа Либеральной партии 2019 г., заявления самого Дж. Трюдо и других представителей партийной верхушки, а также состав нового кабинета не оставляют сомнений в том, что либералы сохранят приверженность принципам гендерного равенства. Опыт исследования гендерной политики Канады показывает, что ее общие контуры и конкретные достижения могут представлять как научный, так и практический интерес, в том числе при формировании гендерно-сбалансированных подходов в других странах.

Библиографический список

- Израелян Е. В.* Гендерные аспекты внешней политики Канады // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 47—59.
- Резолюция 1325, принятая Советом Безопасности на его 4213-м заседании 31 октября 2000 года. 2000. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/RES/1325> (дата обращения: 10.03.2020).
- Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация — XXI век, 2002. 255 с.
- Canada launches new Feminist International Assistance Policy // News Release. Ottawa, 2017. June. URL: https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2017/06/canada_launches_newfeministinternationalassistancepolicy.html (дата обращения: 15.02.2020).

- Canada's National Action Plan on Women, Peace and Security, 2017—2022. Ottawa, 2017. 20 p. URL: https://www.international.gc.ca/world-monde/issues_development-enjeux_developpement/gender_equality-egalite_des_genres/cnap-pnac-17-22.aspx?lang=eng (дата обращения: 02.01.2020).
- Coronavirus Disease (COVID-19): Outbreak. Update. Government of Canada. 2019. URL: <https://www.canada.ca/en/public-health/services/diseases/2019-novel-coronavirus-infection.html> (дата обращения: 20.03.2020).
- Courtney S. Canada's feminist foreign aid policy isn't making much progress on a gender equal world // National Post. 2018. October, 30. URL: <https://nationalpost.com/news/politics/canadas-feminist-foreign-aid-policy-isnt-making-much-progress-on-a-gender-equal-world> (дата обращения: 05.08.2019).
- Department of Finance Canada, Budget 2018: Equality and Growth: a Strong Middle Class. 2018. February, 27. URL: <https://www.budget.gc.ca/2018/docs/plan/budget-2018-en.pdf> (дата обращения: 15.01.2020).
- Donor Tracker. Supporting Evidence-Based Advocacy for Global Development. Funding Trends. 2020. URL: <https://donortracker.org/country/canada> (дата обращения: 30.03.2020).
- Forward: a Real Plan for the Middle Class. Liberal Party of Canada. 2019. URL: <https://2019.liberal.ca/wp-content/uploads/sites/292/2019/09/Forward-A-real-plan-for-the-middle-class.pdf> (дата обращения: 30.09.2019).
- Gunraj A. Gendered impacts of coronavirus // Canadian Women's Foundation. 2020. March, 14. URL: <https://canadianwomen.org/blog/gendered-impacts-of-coronavirus/> (дата обращения: 30.03.2020).
- Prime Minister Announces More Support for Workers and Businesses through Canada's COVID-19 Economic Response Plan. Ottawa (Ontario), 2020. March, 18. URL: <https://pm.gc.ca/en/news/news-releases/2020/03/18/prime-minister-announces-more-support-workers-and-businesses-through> (дата обращения: 20.03.2020).
- The Elsie Initiative on Women in Peace Operations. Vancouver (British Columbia), 2017. November, 15. URL: https://www.international.gc.ca/world-monde/issues_development-enjeux_developpement/gender_equality-egalite_des_genres/elsie_initiative-initiative_elsie.aspx?lang=eng (дата обращения: 10.01.2019).
- Waugh N. Canada faces a domestic violence crisis. CBC examines the problem // CBC News. 2020. March, 5. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/canada-faces-a-domestic-violence-crisis-cbc-examines-the-problem-1.5477392> (дата обращения: 08.03.2020).
- Wenham C., Smith J., Morgan R. COVID-19: the Gendered Impacts of the Outbreak. 2020. March, 6. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)30526-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)30526-2/fulltext) (дата обращения: 19.03.2020).

References

- Canada launches new Feminist International Assistance Policy, *News Release*, Ottawa, 2017, June, available from <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2017/06/canada-launches-newfeministinternationalassistancepolicy.html> (accessed 15.02.2020).
- Canada's National Action Plan on Women, Peace and Security, 2017—2022 (2017), available from https://www.international.gc.ca/world-monde/issues_development-enjeux_developpement/gender_equality-egalite_des_genres/cnap-pnac-17-22.aspx?lang=eng (accessed 02.01.2020).
- Coronavirus Disease (COVID-19): Outbreak. Update (2019), available from <https://www.canada.ca/en/public-health/services/diseases/2019-novel-coronavirus-infection.html> (accessed 20.03.2020).

- Courtney, S. Canada's feminist foreign aid policy isn't making much progress on a gender equal world, *National Post*, 2018, October, 30, available from <https://nationalpost.com/news/politics/canadas-feminist-foreign-aid-policy-isnt-making-much-progress-on-a-gender-equal-world> (accessed 05.08.2019).
- Denisova, A. A. (ed.) (2002) *Slovar' gendernyh terminov* [Glossary of gender terminology], Moscow: Informatsiia — XXI vek.
- Department of Finance Canada, *Budget 2018: Equality and Growth: A Strong Middle Class* (2018), available from <https://www.budget.gc.ca/2018/docs/plan/budget-2018-en.pdf> (accessed 15.01.2020).
- Donor Tracker. *Supporting Evidence-Based Advocacy for Global Development. Funding Trends* (2020), available from <https://donortracker.org/country/canada> (accessed 30.03.2020).
- Forward: *A Real Plan for the Middle Class* (2019), available from <https://2019.liberal.ca/wp-content/uploads/sites/292/2019/09/Forward-A-real-plan-for-the-middle-class.pdf> (accessed 30.09.2019).
- Gunraj, A. Gendered Impacts of Coronavirus, *Canadian Women's Foundation*, 2020, March, 14, available from <https://canadianwomen.org/blog/gendered-impacts-of-coronavirus/> (accessed 30.03.2020).
- Israelian, E. (2018) Gendernye aspekty vneshnei politiki Kanady [Gender aspects of Canadian foreign policy], *SSHА i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 6, pp. 47—59.
- Prime Minister Announces More Support for Workers and Businesses through Canada's COVID-19 Economic Response Plan (2020), available from <https://pm.gc.ca/en/news/news-releases/2020/03/18/prime-minister-announces-more-support-workers-and-businesses-through> (accessed 20.03.2020).
- The Elsie Initiative on Women in Peace Operations (2017), available from https://www.international.gc.ca/world-monde/issues_development-enjeux_developpement/gender_equality-egalite_des_genres/elsie_initiative-initiative_elsie.aspx?lang=eng (accessed 10.01.2019).
- Wagh, N. (2020) Canada faces a domestic violence crisis. CBC examines the problem, *CBC News*, March, 5, available from <https://www.cbc.ca/news/canada/canada-faces-a-domestic-violence-crisis-cbc-examines-the-problem-1.5477392> (accessed 08.03.2020).
- Wenham, C., Smith, J., Morgan, R. (2020) *COVID-19: the Gendered Impacts of the Outbreak*, available from [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)30526-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)30526-2/fulltext) (accessed 19.03.2020).

Статья поступила 14.04.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Израелян Евгения Викторовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, evgenia_vik13@mail.ru (Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Institute for U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 53—64
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.5

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 53—64
ББК 67.911.11
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.5

МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

О. К. Гончаренко^{a, b}

^a Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации,
г. Москва, Россия, Goncharenko_OK@bk.ru

^b Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия

Анализируется международно-правовое регулирование вопросов предотвращения насилия в отношении женщин и домашнего насилия. Освещены основные международные документы, принятые в указанной сфере на универсальном и региональном уровнях. Представлен опыт Совета Европы и его государств-членов по борьбе с феноменом гендерного насилия после разработки и принятия Стамбульской конвенции. Отражены лучшие практики деятельности ряда европейских государств по предотвращению домашнего насилия и борьбе с ним. Описана картина ситуации с указанными явлениями в Российской Федерации, имеющиеся проблемы и попытки их преодоления, в том числе посредством разработки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия. Рассмотрен передовой опыт совместной работы органов государственной власти Российской Федерации, гражданского общества и международных организаций по повышению осведомленности и поиску инструментария для улучшения положения женщин. Изложены предложения по совершенствованию российского законодательства в указанной области.

Ключевые слова: защита прав женщин, домашнее насилие, семейно-бытовые отношения, Совет Европы, Стамбульская конвенция, закон о профилактике насилия, Национальная стратегия действий в интересах женщин, Уполномоченный по правам человека.

**INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW AND PRACTICE
OF THE PROTECTION OF WOMEN
FROM DOMESTIC VIOLENCE**

O. K. Goncharenko^{a, b}

^a Office of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Goncharenko_OK@bk.ru

^b Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The article contains analysis of international legal regulation of issues relating to the elimination of violence against women and domestic violence. Main international documents accepted in the aforementioned sphere have been highlighted. The experience of the Council of Europe and its member states on combatting the phenomenon of gender violence after elaboration and adoption of the Istanbul Convention has been cited. Best practices in preventing and eradicating domestic violence in several European countries have been reflected. The article includes an overview of current situation with regard to the mentioned problems in the Russian Federation, describes some attempts to overcome them including legislative channels: through the development of a draft law on prevention of domestic violence. It also cites best experience of collaboration between the Russian state authorities, civil society and international organizations in raising awareness and seeking tools to contribute to the empowerment of women. The proposals for improvement of the Russian legislation in the field of prevention and elimination of domestic violence have been provided.

Key words: protection of the rights of women, domestic violence, family relations, Council of Europe, Istanbul Convention, draft law on prevention of domestic violence, National strategy for women, Commissioner for human rights.

**Международно-правовое регулирование вопросов предотвращения
насилия в отношении женщин и домашнего насилия**

С конца XX в. вопросы профилактики насилия в отношении женщин и домашнего насилия стали приобретать особую актуальность, о чем свидетельствует утверждение ряда универсальных и региональных документов, предписывающих государствам предпринимать меры по борьбе с данными явлениями.

В 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которая вступила в силу 3 сентября 1981 г. [Конвенция... , 1979]. Спустя 41 год Билль о правах женщин ратифицирован всеми государствами — членами ООН, кроме Ватикана, Ирана, Ниуэ (свободно ассоциированное с Новой Зеландией государственное образование), Палау, Сомали, Судана, Тонги и США. Для контроля за выполнением обязательств, взятых на себя государствами — участниками Конвенции, учрежден специальный орган — Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, наделенный полномочиями выносить рекомендации по любым вопросам, которым, с его точки зрения, следует уделять больше внимания. Так, в 1989, 1992 и 2017 гг. Комитет принял рекомендации № 12, 19 и 35 о гендерном

насилии в отношении женщин. Несмотря на то что Комитет впервые рассмотрел данный вопрос в своей Общей рекомендации № 12, именно в Общей рекомендации № 19 был представлен подробный и всеобъемлющий тематический обзор, ставший основой для последующей работы по данной проблематике. Это способствовало признанию насилия в отношении женщин по гендерному признаку одной из форм их дискриминации.

Рекомендация № 19 содержит ряд передовых положений, направленных на снижение уровня насилия в отношении женщин, среди которых работа со средствами массовой информации, предотвращение вынужденных аборт и контроль деторождения, принятие мер по искоренению насилия в семье и др. [Общая рекомендация... , 1992]. Государствам-участникам также предлагалось включать в свои периодические доклады Комитету статистические данные о случаях насилия в отношении женщин, информацию о предоставлении помощи жертвам, законодательных и других мерах, принятых для защиты женщин от насилия в их повседневной жизни, в том числе от домогательств на рабочем месте, насилия в семье и сексуального насилия.

В течение десятилетий, прошедших после принятия Общей рекомендации № 19, большинство государств-участников совершенствовали свои правовые и политические механизмы, предназначенные для преодоления различных форм насилия в отношении женщин по признаку пола. Подтверждением этому служат также действия государств, не являющихся участниками Конвенции. Например, в 1994 г. в США и в 2012 г. в Сомали были приняты национальные законодательства по борьбе с насилием в отношении женщин, а также рекомендации, касающиеся укрепления мер по защите женщин от насилия в рамках Универсального периодического обзора Совета по правам человека, одобрены основные резолюции Совета по вопросу о ликвидации насилия в отношении женщин, включая резолюцию 32/19 от 1 июля 2016 г. [Активизация усилий... , 2016].

Практика государств в области борьбы с гендерным насилием нашла свое отражение в эпохальных политических документах и международных договорах, принятых в рамках многосторонних форумов как на универсальном, так и на региональном уровнях. 1993 г. ознаменован подписанием Венской декларации и Программы действий, Декларации об искоренении насилия в отношении женщин, а 1995-й — Пекинской декларации и Платформы действий. На региональном уровне в период с 1994 по 2011 г. также разработаны и утверждены соответствующие конвенции и планы действий, направленные на профилактику и борьбу с насилием в отношении женщин и домашним насилием: Межамериканская конвенция о предупреждении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин (1994 г.); Протокол к Африканской хартии прав человека и народов, касающийся прав женщин в Африке (2003 г.); Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (2011 г.).

По прошествии длительного времени постепенно начал подниматься вопрос о развитии положений Общей рекомендации № 19, в результате чего Комитет приступил к работе над ее обновлением путем осмысления и кодификации событий, произошедших в странах — участницах Конвенции. В своей работе он обращал особое внимание на важность представления данных по фактам

насилия в отношении женщин и домашнего насилия, принятые национальные законы и стратегии, отражающие изменения в указанных областях.

Как результат, 14 июля 2017 г. Комитет принял Общую рекомендацию № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, которая «дополняет и обновляет руководящие указания для государств-участников, изложенные в Общей рекомендации № 19, и эти две рекомендации следует рассматривать в совокупности» [Общая рекомендация... , 2017]. Новый документ более подробно обозначает источники, причины, сферы возникновения дискриминации женщин как одного из оснований насилия в отношении их. Наличие положений, которые касаются обязательств государств-участников и их ответственности за гендерное насилие в отношении женщин, кажется вполне закономерным. В Общей рекомендации № 35 содержатся как конкретные предложения относительно принятия соответствующих законодательных мер на национальном уровне, так и призывы в адрес государств — участников Конвенции к международному сотрудничеству в интересах борьбы с проблемой.

Таким образом, несмотря на отсутствие универсальной конвенции о защите прав женщин, вопросы домашнего насилия в той или иной степени проработаны на уровне региональных и международных документов, покрывающих существенное количество стран.

Опыт Совета Европы и его государств-членов в борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием

Наиболее передовой организацией, выступающей за защиту прав женщин и борьбу с гендерными стереотипами, можно назвать Совет Европы.

По итогам прошедшего 17 мая 2005 г. Третьего саммита Совета Европы был принят План действий, который явился отправной точкой кампании, развернутой по борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием [План действий... , 2005]. Для поддержания этой кампании была создана специальная рабочая группа. В своем итоговом отчетном докладе в 2008 г. она рекомендовала Совету Европы разработать всеобъемлющий правозащитный документ о предупреждении всех форм насилия в отношении женщин и борьбе с ними [Final activity report, 2008]. Таким документом явилась принятая 7 апреля 2011 г. Комитетом министров Совета Европы Конвенция о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, или так называемая Стамбульская конвенция, вступившая в силу 1 августа 2014 г. [Конвенция Совета Европы... , 2011]. Это был первый юридически обязательный международно-правовой акт, в котором предусмотрен достаточно полный набор мер по борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием.

Конвенция является региональным документом Совета Европы, объединяющего 47 государств, из которых 34 ратифицировали данную Конвенцию и привели свое законодательство и политику в соответствие с ее требованиями; еще 12 государств и Европейский союз ее подписали. Однако различие культурных и моральных устоев стран Старого Света, роль религиозных объединений в защите неприкосновенности семьи и семейных ценностей, расхождения

в понятийном аппарате членов Совета Европы свидетельствуют как о положительной, так и об отрицательной динамике в вопросах имплементации норм Стамбульской конвенции в законодательную базу.

Ряд европейских государств, подписавших Стамбульскую конвенцию, заявили о ее противоречии их основным законам. Так, в июле 2018 г. Конституционный суд Болгарии заключил, что, «несмотря на бесспорные положительные стороны, Стамбульская конвенция имеет внутренние противоречия», а отдельные ее части «выходят за рамки декларируемых целей» (цит. по: [Vassileva, 2018]). В феврале 2018 г. власти Словакии заявили, что Стамбульская конвенция противоречит конституционному определению брака в стране как гетеросексуального союза, в связи с чем отказались направлять документ на ратификацию в местный парламент (см.: [Gotev, 2018]).

14 октября 2019 г. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) по запросу Министерства юстиции Республики Армения издала заключение о соответствии Стамбульской конвенции Конституции этого государства [Armenia Opinion... , 2019]. Несмотря на его положительный характер, национальные власти все еще не пришли к единому мнению о возможности ратификации международного договора.

Вместе с тем для многих европейских государств стало очевидно, что назрела необходимость принятия национального законодательства о профилактике домашнего насилия и борьбе с ним, выработки системного скоординированного подхода к реагированию на факты дискриминации и насилия в отношении женщин, формирования единого правового и информационно-коммуникационного пространства, в рамках которого специалисты могли бы эффективно защищать пострадавших женщин и оказывать им соответствующую поддержку.

В пример можно привести опыт Словении, где в 2008 г. был принят Закон о профилактике домашнего насилия (дополнен в 2016 г.), в котором содержится определение домашнего насилия, обозначена необходимость координации деятельности всех органов государственной власти и неправительственных организаций, а также утверждены механизмы борьбы с домашним насилием [Uradni list... , 2008]. Вместе с тем в стране все еще существует убеждение о частном характере указанной проблемы [Medarić, 2011].

Эффективные механизмы межведомственного взаимодействия разработаны на Мальте. В целях их имплементации в 2017 г. в стране были приняты Стратегия и План действий по ликвидации гендерного и домашнего насилия. Учрежденный межведомственный комитет получил полномочия проводить мониторинг реализации указанных документов, вовлекая в деятельность представителей гражданского общества, определять необходимые для этого финансовые и человеческие ресурсы, проводить исследования, организовывать тренинги, осуществлять правопросветительскую работу. Однако жители островного государства указывают на все еще существующие проблемы [For Extremely... , 2017].

Немаловажная роль отводится мониторингу и оценке ситуации, сбору статистических данных. В некоторых странах эта функция возлагается на независимое учреждение вне системы органов государственной власти. Так, в Швеции в 1994 г. был учрежден Национальный центр изучения мужского насилия

в отношении женщин, который дает оценку реализации соответствующей национальной стратегии.

Несмотря на наличие положительных примеров разработки или реализации мер по профилактике и предотвращению насилия в отношении женщин и домашнего насилия, сложно найти страну, которую можно было бы привести в пример в качестве передовой и идеальной модели.

Российская повестка

По своему пути идет и Российская Федерация, которая до настоящего времени является одной из двух стран — членов Совета Европы, не подписавших Стамбульскую конвенцию ввиду отсутствия в обществе консенсуса по данному вопросу.

С начала 1990-х гг. в Российской Федерации было разработано более 40 законопроектов о насилии в семье, но ни один из них в итоге так и не стал законом. На сегодняшний день российское общество активно обсуждает очередной проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», вызвавший как положительные, так и отрицательные отзывы со стороны органов государственной власти, научного и правозащитного сообщества [О профилактике... , 2019].

Составление полной картины ситуации с насилием в отношении женщин и домашним насилием в Российской Федерации затрудняется отсутствием полноценной официальной статистики органов государственной власти, а также латентным характером указанных проблем.

Согласно данным МВД России, «около трети убийств совершаются в сфере семейно-бытовых отношений, иные насильственные деяния в той или иной форме происходят в каждой четвертой семье» [Валяев, 2019]. Вместе с тем декриминализация побоев в 2016 г. существенно затруднила подсчет случаев домашнего насилия ввиду отнесения данного деяния к числу административных правонарушений, чем повлекла ряд негативных откликов со стороны научного сообщества [Жилина, 2017] и международных организаций [Заключительные замечания... , 2017].

Очевидно, что Минздрав и Минтруд России, являясь органами государственной власти, ответственными за оказание медицинской помощи и предоставление социальных услуг населению, также обладают определенной статистической информацией в рамках своей компетенции. Однако в соответствии с российским законодательством, полномочия по утверждению порядка предоставления социальных услуг и реализации соответствующих программ возлагаются на органы государственной власти субъектов РФ в сфере социального обслуживания [Об основах... , 2013]. Данный факт свидетельствует об отсутствии единых стандартов и подходов на территории России. Так, в Краснодаре в кризисный центр для пострадавших от домашнего насилия смогут попасть только граждане РФ, а в Москве — только лица, имеющие московскую прописку.

Вместе с тем благодаря проведенным в тот или иной период исследованиям и общественным опросам [Горшкова, Шурыгина, 2003; Терпеть нельзя

уйти, 2019] можно сделать вывод о том, что в российском обществе назрел запрос на внесение проблемы профилактики насилия в семье в политическую повестку дня. На данное обстоятельство Российской Федерации неоднократно указывали и международные организации [Заключительные замечания... , 2015]. В этой связи в 2017 г. Председатель Правительства РФ утвердил новаторский документ — Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., поручив Минтруду России разработать план его реализации [Об утверждении... , 2017].

Для решения поставленной задачи российское ведомство обратилось в Совет Европы с просьбой о разработке совместного проекта, который мог бы способствовать развитию и совершенствованию механизмов, заложенных в основу реализации Национальной стратегии, по двум направлениям: профилактике социального неблагополучия женщин и насилия в отношении их, а также расширению участия женщин в общественно-политической жизни. Основная цель проекта заключалась в повышении знаний широкой общественности и практических инструментов представителей компетентных органов России для содействия улучшению положения женщин.

По запросу международной организации в данную работу был вовлечен Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, как независимый конституционный орган государственной власти, имеющий мандат на защиту прав женщин.

Проект Совета Европы, Минтруда России и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

При финансировании Евросоюза 29 января 2019 г. в Москве состоялся запуск указанного проекта, который положил начало широкому спектру тематических мероприятий. За ходом реализации проекта был призван наблюдать его исполнительный комитет, состоящий из представителей всех партнеров, которыми стали Минтруд России, Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, МИД России и Совет Европы. С учетом протекающих на тот момент дискуссий вокруг законопроекта о профилактике домашнего насилия весь этот процесс сопровождался активным участием парламентариев, представителей компетентных ведомств, гражданского общества, средств массовой информации.

За 18 месяцев были проведены ряд круглых столов на федеральном и региональном уровнях, тренинги для СМИ, наставнические сессии для юных женщин, желающих построить карьеру в политике, два исследования по ключевым темам проекта, визиты в кризисные центры в России и за рубежом, конкурс на лучшую социальную рекламу и лучший репортаж. С целью повышения осведомленности граждан о существующих международных стандартах и инструментарию переведен на русский язык и распространен большой массив международных документов и докладов.

Особое внимание уделялось практической составляющей мероприятий. По итогам каждого из них российскими и зарубежными участниками, имевшими

возможность поделиться лучшими практиками своей работы, органам государственной власти выносились конкретные рекомендации по улучшению ситуации в сфере участия женщин в политической жизни и борьбе с насилием в отношении женщин.

Так, например, два круглых стола, прошедших в Астрахани в апреле 2019 г. и Екатеринбурге в феврале 2020 г., были посвящены вопросам межведомственного сотрудничества в деле предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием (включая ситуации социального неблагополучия). По итогам первого из них экспертами был рекомендован ряд мер для повышения эффективности реализации Национальной стратегии, среди которых разработка проекта федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия; анализ практик реагирования на факты насилия в отношении женщин, причин и условий, способствующих их совершению; осуществление дальнейшего развития и укрепления материально-технической базы учреждений, оказывающих услуги женщинам и детям, пострадавшим (страдающим) от насилия в семье, и другие. Все обозначенные предложения были включены в повестку второго семинара с тем, чтобы обсудить произошедшие изменения, а также изучить и осмыслить практику регионов разных федеральных округов.

В целом слаженная работа российских властей, гражданского общества, представителей науки и зарубежных коллег позволила существенно повысить уровень осведомленности граждан о существующих проблемах на всей территории Российской Федерации, предложить пути их решения, изучить международный опыт и представить российские наработки иностранным партнерам, внести весомый вклад в усиление гарантий защиты прав женщин.

Предложения по совершенствованию российского законодательства

Итогом всех обсуждений в рамках совместной программы стало создание проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», который заслуживает концептуальной поддержки [О профилактике... , 2019]. По указанному законопроекту имеются отдельные предложения и замечания, направленные на приведение его в соответствие с существующим российским законодательством, принципами и нормами международного права.

Вследствие деликатности проблем в сфере семьи прописанный понятийный аппарат, круг отношений, подлежащих регулированию, а также меры, устанавливаемые защитными предписаниями, должны отличаться юридической определенностью и не вступать в конфликт с имеющимися положениями национальной законодательной базы.

Принимая во внимание существующую международную практику, целесообразно предусмотреть на федеральном и региональном уровнях возможность создания органа, который бы занимался координацией деятельности субъектов по профилактике домашнего насилия, а также прописать полномочия органов, связанных со сферой образования. Важным моментом является организация тренингов для сотрудников органов, работающих в сфере профилактики

семейно-бытового насилия. Данные рекомендации содержатся в модельном законодательстве ООН о насилии в семье [Модельное законодательство... , 1996].

Считаем целесообразным более четко прописать источники и другие вопросы, касающиеся финансирования деятельности по профилактике домашнего насилия. Исходя из масштабов помощи жертвам насилия, оказываемой со стороны неправительственных организаций, логичным было бы предоставлять им поддержку за счет средств государственного и (или) регионального бюджетов.

В части межведомственного взаимодействия меры, прописанные в законопроекте, кажутся недостаточно полными. Более эффективным могло бы стать создание органа, который будет заниматься координацией деятельности субъектов профилактики домашнего насилия на федеральном и региональном уровнях.

Большую роль в деятельности по защите жертв насилия, а также повышению осведомленности в данной области играют уполномоченные по правам человека. Их вовлечение в указанную работу на законодательном уровне представляется крайне важным.

Вместо заключения

В свете подготовки национального законодательства для профилактики домашнего насилия проведение мероприятий в рамках совместного проекта Совета Европы, Минтруда России и Уполномоченного по правам человека в РФ приобретает особую актуальность.

Этап подготовки проекта должен завершиться в мае 2020 г. Логичным представляется его продление: вторая фаза могла бы способствовать погружению в более детальную работу над законодательной инициативой. Вместе с тем нельзя оставить без внимания и вопросы участия женщин в общественной и политической жизни, которые в целом влияют на повышение уровня их защищенности от дискриминации.

В настоящее время на универсальном, национальном и региональном уровнях существует инструментарий по защите женщин от насилия, в том числе происходящего в семье. В то же время мировое сообщество до сих пор не разработало единых механизмов борьбы с указанными явлениями и не определило лучших практик работы по этому направлению. Накопленный опыт международных организаций, а также их стран-участниц нуждается в обобщении и осмыслении, ввиду чего большую значимость приобретают совместные мероприятия и проекты, аналогичные проекту, проводимому в России.

Библиографический список

Активизация усилий по искоренению насилия в отношении женщин: предупреждение насилия и реагирование на насилие в отношении женщин и девочек, включая женщин и девочек из числа коренных народов: резолюция Совета по правам человека ООН № 32/19: [принята 30 июня 2016 г.]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G16/140/33/PDF/G1614033.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2020).

- Валяев Ю. Родственные отношения — дело государственной важности // Полиция России. 2019. № 5. С. 10—14.
- Горшкова И. Д., Шурыгина И. И. Насилие над женами в современных российских семьях. М.: МАКС Пресс, 2003. 136 с.
- Жилина Н. Ю., Савельева И. В., Терещенко В. И. Декриминализация побоев: «за» и «против» // Пробелы в российском законодательстве: юридический журнал. 2017. № 5. С. 128—130.
- Заключительные замечания по восьмому периодическому докладу Российской Федерации: [приняты 21 декабря 2015 г.] / Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fRUS%2fCO%2f8&Lang=ru (дата обращения: 16.04.2020).
- Заключительные замечания по шестому периодическому докладу Российской Федерации: [приняты 16 октября 2017 г.] / Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2fRUS%2fCO%2f6&Lang=ru (дата обращения: 16.04.2020).
- Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 15.04.2020).
- Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. CETS № 210 // Официальный сайт Совета Европы. 2011. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016806b0687> (дата обращения: 16.04.2020).
- Модельное законодательство о насилии в семье: рекомендации ООН. 1996. URL: http://www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/mod_un.pdf (дата обращения: 16.04.2020).
- О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации: проект Федерального закона // Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания РФ. 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXefKLUiQ7JAARUS.pdf> (дата обращения: 14.04.2020).
- Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 №442-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52, ч. 1. Ст. 7007.
- Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 г. № 410-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 11. Ст. 1618.
- Общая рекомендация № 19: насилие в отношении женщин: [принята на 11-й сессии Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в 1992 г.]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CEDAW/Shared%20Documents/1_Global/INT_CEDAW_GEC_3731_E.pdf (дата обращения: 15.04.2020).
- Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления общей рекомендации № 19: [принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин 26 июля 2017 г.]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW/C/GC/35&Lang=en (дата обращения: 15.04.2020).
- План действий. CM(2005)80 final // Официальный сайт Совета Европы. 2005. URL: https://www.coe.int/t/dcr/summit/20050517_plan_action_ru.asp#TopOfPage (дата обращения: 15.04.2020).

- Терпеть нельзя уйти: россияне — о домашнем насилии. 2019. URL: <https://iom.anketolog.ru/2019/07/02/domashnee-nasilie> (дата обращения: 16.04.2020).
- Armenia Opinion on the Constitutional Implications of the Ratification of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention) Adopted by the Venice Commission at its 120th Plenary Session (Venice, 11—12 October 2019). CDL-AD(2019)018e. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2019\)018-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2019)018-e) (дата обращения: 16.04.2020).
- Final Activity Report / Task Force to Combat Violence against Women, including Domestic Violence. 2008. URL: https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/Source/Final_Activity_Report.pdf (дата обращения: 16.04.2020).
- For Extremely Worrying Statistics about Domestic Violence in Malta. 2017. URL: <https://lovinmalta.com/lifestyle/living-in-malta/4-extremely-worrying-statistics-about-domestic-violence-in-malta/> (дата обращения: 15.04.2020).
- Gotev G. After Bulgaria, Slovakia Too Fails to Ratify the Istanbul Convention. 2018. URL: <https://www.euractiv.com/section/future-eu/news/after-bulgaria-slovakia-too-fails-to-ratify-the-istanbul-convention/> (дата обращения: 15.04.2020).
- Medarić Z. Domestic violence against women in Slovenia: a public problem? // *Revija za socijalnu politiku*. 2011. Sv. 18, br. 1. Str. 25—45.
- Uradni list Republike Slovenije. 2008. St. 16.
- Vassileva R. Bulgaria's Constitutional Troubles with the Istanbul Convention. 2018. URL: <https://verfassungsblog.de/bulgarias-constitutional-troubles-with-the-istanbul-convention/> (дата обращения: 15.04.2020).

References

- Armenia Opinion on the Constitutional Implications of the Ratification of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention) Adopted by the Venice Commission at its 120th Plenary Session, CDL-AD(2019)018e (2019), available from [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2019\)018-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2019)018-e) (accessed 16.04.2020).
- Final Activity Report (2008), Task Force to Combat Violence against Women, including Domestic Violence, available from https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/Source/Final_Activity_Report.pdf (accessed 16.04.2020).
- For Extremely Worrying Statistics about Domestic Violence in Malta (2017), available from <https://lovinmalta.com/lifestyle/living-in-malta/4-extremely-worrying-statistics-about-domestic-violence-in-malta/> (accessed 15.04.2020).
- Gorshkova, I. D., Shurygina, I. I. (2003) *Nasilie nad zhēnami v sovremennykh rossiiskikh sem'iakh* [Violence against wives in modern Russian families], Moscow: MAKSS Press.
- Gotev, G. *After Bulgaria, Slovakia Too Fails to Ratify the Istanbul Convention* (2018), available from <https://www.euractiv.com/section/future-eu/news/after-bulgaria-slovakia-too-fails-to-ratify-the-istanbul-convention/> (accessed 15.04.2020).
- Medarić, Z. (2011) Domestic violence against women in Slovenia: a public problem?, *Revija za socijalnu politiku*, vol. 18, iss. 1, pp. 25—45.
- Terpet' nel'zia uiti: rossiane — o domashnem nasilii* (2019) [I hate to leave: Russians — about domestic violence], available from <https://iom.anketolog.ru/2019/07/02/domashnee-nasilie> (accessed 16.04.2020).

- Valiaev, Iu. (2019) Rodstvennye otnosheniia — delo gosudarstvennoĭ vazhnosti [Kinship relations are a matter of national importance], *Politsiia Rossii*, no. 5, pp. 10—14.
- Vassileva, R. (2018) *Bulgaria's Constitutional Troubles with the Istanbul Convention*, available from <https://verfassungsblog.de/bulgarias-constitutional-troubles-with-the-istanbul-convention/> (accessed 15.04.2020).

Статья поступила 14.05.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Гончаренко Ольга Константиновна — главный советник отдела международных отношений, Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; соискатель кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, Goncharenko_OK@bk.ru (Chief Advisor of the International Relations Section, Office of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation; Applicant at the Department of Legal Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 65—77
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.6

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 65—77
ББК 65.202.2
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.6

ДОМАШНИЙ ТРУД ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ: ОПЫТ РОССИИ

И. Е. Калабихина^a, С. М. Ребрей^b

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

^b Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия

Статья посвящена гендерному анализу изменений затрат времени на ведение домашнего хозяйства и уход за членами семьи в России в условиях самоизоляции. Основным методом исследования является статистический анализ данных опроса, проведенного на платформе «Яндекс. Взгляд» 22—23 мая 2020 г. Результаты исследования показывают, что влияние самоизоляции имело ярко выраженную гендерную специфику: хотя и женщины и мужчины в период пандемии стали уделять домашним делам больше времени, нагрузка женщин возросла значительно; мужчины чаще выступали в роли помощников, а не заменяли женщин в конкретных видах деятельности. Гендерная специфика характерна и для детерминант, определяющих изменения в распределении времени на ведение домашнего хозяйства. Потенциал дистанционной занятости для роста гендерного равенства пока остается неиспользованным.

Ключевые слова: самоизоляция, COVID-19, пандемия, распределение времени, гендер, дистанционный режим работы, домашний труд, Россия.

HOUSEHOLD CHORES AMID PANDEMIC: RUSSIA'S CASE

I. E. Kalabikhina^a, S. M. Rebrey^b

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
ikalabikhina@yandex.ru

^b Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The article analyzes the impact of pandemic on gender time allocation at the household in Russia. The research is based on statistical analysis of the survey conducted on the “Yandex. Glance” platform in May, 22—23.05, 2020. Our hypotheses are as follows: 1) during the period of self-isolation, the amount of time spent by women on household chores and childcare

© Калабихина И. Е., Ребрей С. М., 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07546 мк «Влияние человеческого капитала на настоящий и будущий экономический рост в России»; социологическое обследование проведено при финансовой поддержке акционерного коммерческого банка «Держава».

increased; 2) currently men who increase their contribution to the household are more likely to “help” their wives, but not replace them in different types of domestic work, that is, they work “together with women”, but not “instead of women”; 3) the distance work has potential to contribute to the egalitarian family, opening a window of opportunity for a more flexible decision-making on the time-allocation between the market and the household. The pandemic impact on time allocation of Russian households has gender specifics and requires, accordingly, gender studies. The study confirms the thesis that quarantine has altered the daily routine of Russian women more than men. Women began to spend significantly more time on domestic work, while the growth of male contribution was less. Considering unequal pandemic impact on the asymmetric gender allocation of household responsibilities, it can be argued that pandemic led to an overload of women, especially those who switched to distance work, and had to combine work and motherhood amid closed child care and schools. Steady income and distance work of Russian women correlated with such variables like the sector of employment, distance work experience, the size of the town and the size of the enterprise. An unexpected correlation appeared to be the joint transition to the distance work of the wife and the husband. The reallocation of household tasks rests on both economic and socio-cultural factors, with the latter still dominating in Russian families. This is especially true for families with children — in such a sample there is generally no correlation between the woman income during pandemic and the reduction of time spent on household tasks. In general, husband’s participation in domestic work can still be considered as additional, that is, husbands help their wives in housekeeping, and are not fully engaged into the daily routine. Of the three hypotheses put forward, we confirmed two — about the increased burden on a woman and the predominance of help to wives from men, as opposed to independent contribution to homework. Nevertheless, distance employment, in our opinion, has the potential for increased egalitarianism in the case of expanding distance opportunities for men and changing the public gender order, which assigns responsibility only to women for homework.

Key words: self-isolation, COVID-19, pandemic, time allocation, gender, distance work, household production, Russia.

Введение

Мировая пандемия COVID-19 имеет множество последствий для человечества, глубину и важность которых нам еще предстоит осознать. В условиях отсутствия вакцины наиболее эффективной политикой по борьбе с распространением коронавируса оказывается режим самоизоляции. Эта вынужденная мера, необходимая для сохранения жизни и здоровья граждан, имела беспрецедентные масштабы. Внезапный переход на режим самоизоляции стал настоящим испытанием и для российских домохозяйств: закрытие школ и детских садов, ограничения передвижений, экономический кризис, общая атмосфера страха и неопределенности и другие последствия мировой пандемии коренным образом поменяли привычный уклад жизни многих российских домохозяйств.

Режим самоизоляции был введен 28 марта 2020 г. Президент России В. В. Путин объявил 28 марта — 5 апреля нерабочими днями. Мы провели социологический опрос об изменениях в гендерном распределении времени внутри домохозяйства 22—23 мая 2020 г., когда опыт самоизоляции для российских граждан составил 2 месяца, и предлагаем вниманию читателей первые уникальные данные об изменениях в объеме домашней работы по ее видам у женщин и мужчин.

Гендерный анализ изменений в повседневной рутинной работе во время самоизоляции особенно актуален, так как позволяет, во-первых, оценить степень этих изменений для женщин и для мужчин и проследить основные тенденции в распределении гендерных ролей в российской семье в чрезвычайных условиях, во-вторых, выделить основные детерминанты, которые влияют на данные тенденции. Самоизоляция представляет особый интерес для гендерного исследователя, потому что она, по сути, стала естественным экспериментом, в котором для некоторых семей стерлись грани между обычными гендерными ролями вследствие перехода на удаленный режим работы одного или обоих супругов. В данной статье мы представим результаты гендерного анализа последствий введения режима самоизоляции, оказавших влияние на изменения в затратах времени на основные виды домашнего труда, а также социально-экономических детерминант таких изменений, включая преобразования на рынке труда (переход на дистанционный режим работы, сохранение заработка и пр.).

Обзор литературы и гипотезы исследования

Теория распределения времени Г. С. Беккера [Becker, 1965] и теория производства внутри домашнего хозяйства Р. Гронау [Gronau, 1977] стали основой для многочисленных исследований использования времени внутри домохозяйства. Анализ гендерного неравенства в распределении суточного времени — один из основных сюжетов в изучении использования самого ценного ресурса человечества [Folbre, 1994; Coltrane, 2000; Grundy, Henretta, 2006; Bianchi, 2011]. Модель распределения времени на труд по ведению домашнего хозяйства и уходу за его членами может влиять на демографическое и экономическое поведение индивидов [Калабихина, 2011], на здоровье и образование детей и общую удовлетворенность жизнью взрослого человека [Layard et al., 2014]. Тезис о «нормальности» жесткой гендерной специализации труда партнеров неоднократно подвергался критике в зарубежной и российской литературе [Waring, 1988; Посадская и др., 1989; Груздева и др., 1992; Folbre, 1994; Римашевская и др., 1999; Хасбулатова, Смирнова, 2008]. Однако большая часть работы по дому остается на женских плечах. Это происходит и в случае использования экономической модели при принятии решения о том, кто будет больше тратить времени на ведение домашнего хозяйства, и в случае социокультурной модели. Экономическая мотивация определяется уровнем занятости и дохода на рынке труда, социокультурная — гендерными отношениями и стереотипами в стране [Coltrane, 2000]. Даже в случае, когда экономические причины преобладают над социокультурными, женщины остаются ответственными за ведение домашнего хозяйства и уход за детьми и пожилыми, поскольку гендерный разрыв в доходах в большинстве стран все еще значителен. В России распространена смешанная модель распределения времени: в будние дни преобладает экономическая мотивация, в выходные — социокультурная, что делает особенно успешных женщин сверхзагруженными, свое «слабое» участие в неоплачиваемом труде в будние дни они компенсируют в выходные [Калабихина, Шайкенова, 2019].

Помимо фоновой социокультурной мотивации, на объем домашнего труда, выполняемого женщиной, влияют различные факторы на микроуровне — возраст, наличие детей и состав домохозяйства в целом, занятость и уровень

доходов, здоровье, доступ к времясберегающей технике, размер населенного пункта и жилья [там же]. Однако и макроэкономические факторы могут обуславливать объем и распределение времени, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства и уход за членами семьи. В частности, в кризисные годы, когда разрушается/сжимается система социального обслуживания и социальной поддержки, у женщин существенно увеличивается объем этого времени. Так происходило, например, в кризисный период социально-экономической перестройки конца XX в. в России [Римашевская и др., 1999].

Следовательно, мы имеем основание предположить, что современный экономический кризис, вызванный коронавирусом, также может увеличивать вклад женщин в экономику заботы и экономику домашнего хозяйства в целом. Пандемия отбросила нас назад в движении по пути к гендерному равенству. Это и рост домашнего насилия в периоды экономической нестабильности, и повышение уровня бедности [Peterman et al., 2020], и увеличение объема домашней работы из-за закрытия школ и дошкольных учреждений, и необходимость обслуживания взрослых членов семьи, находящихся на режиме самоизоляции. Статус женщин и мужчин накануне пандемии существенно влияет на ее последствия для них. Профессиональная сегрегация, относительно низкий уровень доходов, недостаточный доступ к страховым продуктам, электронным средствам и инструментам дистанционного жизнеобеспечения в условиях текущего кризиса делают женщин более уязвимыми [Kalabikhina, 2020].

Количественных данных об изменении гендерного распределения времени в период пандемии пока немного, но уверенность в глобальности этих изменений подтверждается социологическими данными из страны, в которой даже отсутствовал официальный карантин и режим самоизоляции. В Республике Беларусь в ситуации распространения COVID-19 47,3 % опрошенных женщин отметили, что они стали больше времени тратить на готовку еды и уборку, 30,6 % — что партнер стал больше помогать по дому и проявлять заботу, 42,1 % указали, что всё делают сами и никто не может им помочь с домашними делами и заботой о семье [Женщины и COVID-19... , 2020].

Нам представляется, что особенное влияние на перераспределение гендерных обязанностей в период пандемии оказал массовый переход к дистанционному режиму занятости. По оценкам исследователей, на дистанционную занятость в этот период перешло 26 % трудоустроенного населения России, чаще это были женщины, жители городов-миллионников, работники сферы услуг (консалтинг, ИТ, финансы, образование) [Мониторинг..., 2020]. Наши гипотезы состоят в следующем: 1) в период самоизоляции объем времени, которое тратится женщинами на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, увеличился; 2) мужчины, повышающие свой вклад в домашнее хозяйство, скорее помогают женам, но не заменяют их в разных видах домашнего труда, т. е. работают вместе с женой, но не вместо жены; 3) дистанционный режим работы потенциально может способствовать эгалитаризации модели разделения труда внутри домохозяйства, открывая окно возможностей для более гибкого принятия решения о распределении времени на рынке труда и в домохозяйстве.

Данные и методы

22—23 мая 2020 г. (по истечении двух месяцев реализации ограничительных мер в России) с помощью дистанционной анкеты было опрошено 1411 женщин трудоспособного возраста на платформе «Яндекс. Взгляд». Платформа предлагает услугу по проведению онлайн-опроса среди 50 млн пользователей площадок рекламной сети Яндекса с возможностью сделать случайную выборку, в том числе выборку по демографическим, географическим и некоторым социально-экономическим характеристикам [Яндекс. Взгляд, 2020]. Мы опрашивали женщин трудоспособного возраста. После отбора в базе данных осталась 1391 респондентка. Совпадение распределений с генеральной совокупностью по основным параметрам (возраст, размер населенного пункта, сфера занятости, состав домохозяйства) удовлетворительное. Наблюдаемые (незначительные) отклонения таковы: превышена доля женщин в возрастах 30—34 года, живущих в городах-миллионниках, работающих в строительстве; недостаточна — в возрастах 50—54 года, живущих в населенных пунктах с численностью менее 100 тыс. человек, работающих в сельском хозяйстве.

Использованы статистические методы (таблицы сопряженности, корреляционный анализ) и графический анализ. Данные были обработаны в статистическом пакете SPSS.

Опрос позволяет оценить влияние самоизоляции на изменение объема домашнего труда у женщин (включая разные виды деятельности), а также гендерного распределения этого труда между супругами/партнерами (по словам жены). Отдельно были рассмотрены супружеские пары для анализа гендерного распределения возросшей нагрузки. В целях установления характера участия мужей в домашней работе («вместо жены» или «вместе с женой») мы изучали комбинации увеличения и уменьшения объемов труда жен и мужей по разным видам деятельности в случае, когда участие мужа в этом труде возрастало. Кроме того, мы имели возможность проанализировать важные связи между гендерным перераспределением домашнего труда, а также ответить на вопросы, сохранился ли доход в период самоизоляции, была ли организована дистанционная занятость женщин (и их супругов), имеющих разный состав домохозяйства, работающих на предприятиях различного размера и в разных сферах деятельности, живущих в различных по размеру населенных пунктах.

Результаты исследования

Изменение объема времени, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства, и его гендерного распределения. В целом в условиях самоизоляции, неработающих детских садов и школ стало существенно больше домашней работы: почти 70 % респонденток отметили рост временных затрат на разные виды домашнего труда. В случае супружеских пар 67 % респонденток и 41 % их мужей (партнеров) констатировали рост затрат времени на эту деятельность. Среди семей с детьми доля таких респонденток еще выше: 71,4 % женщин и 43 % их мужей.

При этом около половины женщин отметили, что время, затрачиваемое ими на некоторые виды работы, не увеличилось (совершение покупок, стирка, глаженье), не изменилось оно и у трети их мужей.

Факторы, влиявшие на изменение бюджетов времени, имеют социокультурный и экономический характер. Приведем пример экономической мотивации в распределении домашних обязанностей: наличие заработка у женщин в два раза сильнее негативно коррелировало с увеличением временных затрат на домашнюю работу, чем у мужчин. Другими словами, если женщина сохранила свой доход, то, видимо, она с меньшей вероятностью начнет больше убирать и готовить в условиях самоизоляции, чем ее муж. Однако это свидетельствует не о том, что у женщин, обладающих финансовой независимостью, меньше семейных обязанностей, а о том, что до самоизоляции работающие женщины и так выполняли львиную долю домашнего труда [Калабихина, Шайкенова, 2018] и существенно увеличить время, уделяемое домашней работе, при сохранении занятости просто невозможно. Экономические мотивы обуславливали увеличение объема домашнего труда, его распределение становилось более равным. Такая корреляция позволяет выдвинуть тезис о проявлении эгалитарных тенденций, т. е. выравнивании гендерного дисбаланса в распределении домашних обязанностей, в условиях чрезвычайных обстоятельств. Но все это происходило на фоне социокультурной модели асимметричного распределения домашнего труда в российских семьях. Наличие дохода позволяло женщинам не трудиться дома больше. Это не означает, что они трудились меньше. Корреляция сохраненного дохода со снижением женских временных затрат на домохозяйство оказалась в два раза меньше, а в семьях с детьми такой корреляции не наблюдалось совсем. Другими словами, нет зависимости между наличием заработка у российских женщин, проживающих в условиях самоизоляции с мужем (партнером) и ребенком (детьми), и снижением их временных затрат на домашнюю работу. Заработок женщин давал им возможность не увеличивать затраты времени (в порядке убывания корреляции) на приготовление пищи, уборку, стирку, глаженье, менеджмент и в наименьшей степени на уход за детьми. Что касается их мужей, обнаружилась связь между наличием заработка у жены и повышением затрат времени мужа на ремонт. Это свидетельствует о поддерживающем гендерные нормы распределении обязанностей, когда мужчина, вероятно, и не зарабатывает, но все равно занят «мужским» делом.

Сохранение заработка у мужа (партнера) чаще связано с тем, что жена и он сам в кризис могли не менять объем домашней работы (это ярче проявляется среди семей с детьми в числе прочего за счет высокой загруженности женщин до пандемии).

Переход на дистанционный режим работы во многом повлиял на бюджеты времени, по сути, изменив образ жизни российских семей в этот период. Переход женщин на данный режим привел к росту затрат их времени на домашнюю работу и снижению этих затрат у их мужей. То есть жены на «удалёнке» взяли на себя часть обязанностей мужа, особенно в семьях с детьми. Переход мужчин на дистанционный режим работы, видимо, менее повлиял на рост затрат их времени и на гендерное равенство в распределении домашних обязанностей. Далее

мы покажем, в какой степени и какие респондентки были вовлечены в дистанционную занятость, чтобы понять масштаб влияния этого фактора.

Важным обстоятельством мы считаем связь между переходом мужчины на дистанционный режим работы и возрастом женщины при рождении младшего ребенка. Это косвенным образом может свидетельствовать о востребованности отцовских отпусков в старших репродуктивных возрастных группах.

Виды домашней работы, потребовавшие больших затрат времени у каждого из супругов. В данной части статьи мы рассмотрим гендерное распределение отдельных видов деятельности в домохозяйстве в период самоизоляции. Анализ изменения объема времени, затраченного на разные типы домашней работы, позволил выделить некоторые закономерности (рис. 1).

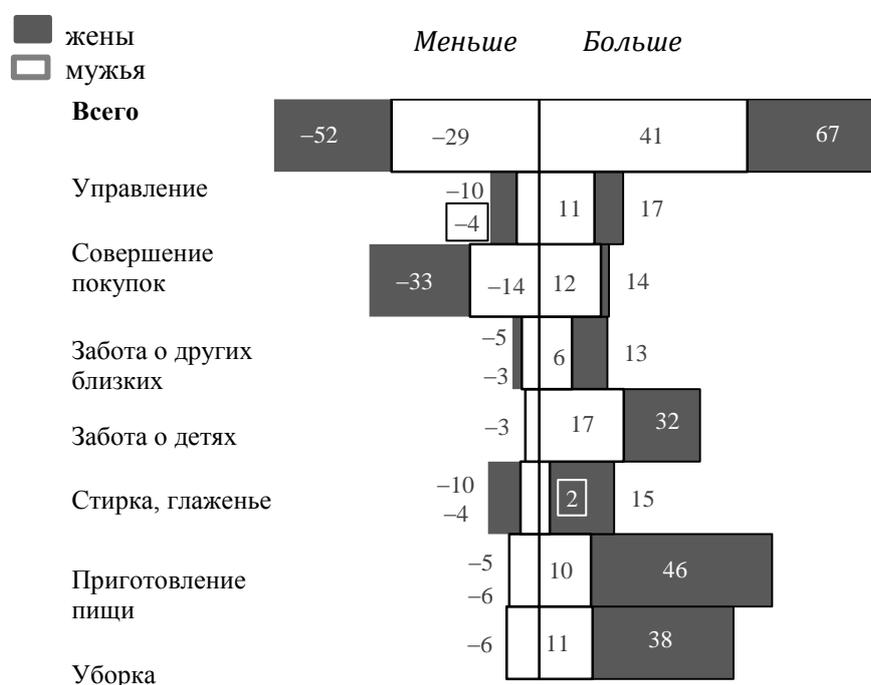

Рис. 1. Изменение затрат времени на основные виды домашнего труда в условиях самоизоляции у российских совместно проживающих пар, % (N = 813)

Гендерный разрыв в увеличении временных затрат на тот или иной вид домашней деятельности очевиден. Например, рост данных затрат на приготовление пищи отметили почти половина респонденток и всего 10 % их мужей; на уборку — 38 % женщин и 11 % мужчин; на заботу о детях — 32 % женщин и 17 % мужчин. В целом наличие несовершеннолетнего ребенка в два раза сильнее влияло на увеличение временных затрат женщин, чем мужчин. Наличие и число детей в семье обуславливают рост затрат времени не только на непосредственный уход за ними, но и на большинство других видов домашней работы.

Снижение затрат времени у женщин наблюдается на совершение покупок, стирку и глаженье, у мужчин это снижение менее значительно. Выбор в семьях того, кто занимается покупками, был в первую очередь обусловлен типом занятости супруга. Уменьшению нагрузки женщин способствовало совместное проживание с их родителями: это позволяло не увеличивать затраты времени на готовку и уход за детьми. С другой стороны, наблюдалось пропорциональное влияние совместного проживания на рост временных затрат на уход за другими близкими, т. е. за самими пожилыми родителями. При этом чем старше женщина, тем больше вероятность, что она проживает совместно с пожилыми родителями. Помогали матерям и их совершеннолетние дети, находящиеся на самоизоляции (влияние помощи детей отцам на их временные затраты не обнаружено).

Проживание супругов с родителями мужа способствовало тому, что он не тратил больше времени на домашнюю работу. Это может свидетельствовать как о помощи со стороны свекра и свекрови, так и об усилении патриархальной модели распределения домашнего труда. Более того, такое совместное проживание вело к снижению временных затрат мужей на домашний труд.

Участие мужчин в домашнем труде по-прежнему ограничивалось вторичной ролью помощника, он не являлся полноправным участником организации и обеспечения ежедневного быта домохозяйства. На рисунке 2 видно, насколько увеличение времени, уделяемого мужем тому или иному типу домашнего труда в период самоизоляции, снижало нагрузку жены. Подавляющая часть возросшего мужского вклада возникала в ситуации, когда спрос на домашний труд повышался сверх нормы и выходил за пределы физических возможностей одного человека. Другими словами, в условиях неработающих детских садов и школ и постоянного пребывания дома всех или большинства членов домохозяйства объем домашнего труда возрос так сильно, что стало невозможно придерживаться прежнего гендерного распределения обязанностей. Поэтому мужья взяли на себя часть сверхзадач их жен. Особенно ярко проявлялась забота о детях. С одной стороны, именно в этой категории домашнего труда наблюдается самый большой прирост временных затрат мужчин, а с другой — здесь же отмечена наименьшая доля женщин, которым участие мужчин действительно помогло (не более 6 %). Единственной категорией, где мужья снизили нагрузку своих жен, оказалось совершение покупок: 34,7 % мужей делали покупки чаще самостоятельно, т. е. вместо жены, и лишь 23,5 % — вместе с женой.

Переход к режиму дистанционной работы, сохранение оплачиваемой занятости, сокращение рабочих мест и потенциал дистанционной работы. Женщины чаще использовали режим дистанционной занятости в период самоизоляции. Сохранение оплачиваемой работы и переход на дистанционный режим зависели от таких факторов, как сфера деятельности, опыт работы в дистанционном формате, размер населенного пункта и размер предприятия.

Результаты корреляционного анализа показали, что крупным предприятиям переход на дистанционный режим работы дался легче, чем мелким, и тем более легче, чем индивидуальным предпринимателям и самозанятым. Но сохранить оплачиваемую работу, видимо, в большей степени удалось самозанятым женщинам, индивидуальным предпринимательницам и работницам относительно мелких предприятий.

Рис. 2. Характер участия мужей респонденток в ведении домашнего хозяйства и уходе за близкими в условиях самоизоляции, % (N = 347)

Второе место по влиянию на переход к дистанционному режиму в период пандемии занимает наличие у женщины опыта удаленной работы (у семейных пар с детьми эта корреляция выше).

Третье место принадлежит сфере занятости женщин. Сферами занятости женщин, перешедших на дистанционный режим работы (не менее 60 %), преимущественно стали образование, культура и спорт, консалтинг (финансы, аудит, юриспруденция). К сферам занятости женщин, продолживших очный режим работы, относятся госслужба (72,0 %), медицина (68,0 %), промышленность (54,3 %). В оплачиваемый отпуск сумели отправить своих работниц предприятия сферы образования (9,0 %), медицины (9,0 %) и промышленности (8,6 %). Интересно, что у женщин, проживающих с мужем (партнером) и ребенком, корреляция перехода на дистанционный режим со сферой деятельности в 2,5 раза больше, чем у респонденток, проживающих только с мужем (партнером).

Кроме того, влияние на возможность перехода к дистанционному режиму работы женщин оказал размер населенного пункта: чем больше город проживания, тем сложнее было женщине сохранить доход, но одновременно легче перейти на дистанционный режим работы. В случае российских мужчин (мужей/партнеров респонденток) корреляция перехода на дистанционный режим занятости с размером города проживания оказалась в два раза сильнее, чем у женщин.

Предсказуемым фактором, способствующим переходу на «удаленку», стал возраст женщины: чем моложе респондентка, тем легче ей было работать в дистанционном режиме.

Обратим внимание, что в период самоизоляции мы зафиксировали значительный процент уволенных мужчин. Согласно ответам респонденток, 7,3 % их мужей были уволены/сокращены к концу мая 2020 г.*

Как мы отмечали выше, переход женщин на дистанционный режим работы привел к росту затрат их времени на домашний труд и снижению этих затрат у их мужей. С одной стороны, потенциал дистанционного режима велик, поскольку он позволяет более гибко распределять время между супругами. Но с другой стороны, изначально асимметричное распределение домашней работы главенствует над меняющимися экономическими и социальными условиями. Общие «правила» женской ответственности за домашний труд будут мешать использовать этот потенциал. Мы пока получаем обратный эффект: «удаленка» увеличивает нагрузку женщин даже при условии, что мужья начинают больше помогать им.

Кроме того, потенциал удаленного режима не будет использован, если мужчины значительно отстают в его освоении. В нашей выборке в тех случаях, когда оба партнера работали дистанционно, объем домашней работы у жены и мужа в период самоизоляции чаще не менялся.

Заключение

Влияние самоизоляции на экономику и располагаемое время российских домохозяйств имеет ярко выраженную гендерную специфику и, соответственно, требует изучения. Исследование подтверждает тезис о том, что в целом режим самоизоляции повлиял на затраты времени на домашнюю работу у российских женщин сильнее, чем на эти затраты у мужчин. Женщины стали уделять существенно больше времени домашнему труду, тогда как рост мужского вклада был значительно меньше. Учитывая, что эти изменения легли на асимметричное гендерное распределение домашних обязанностей, можно утверждать, что самоизоляция привела к увеличению нагрузки женщин, особенно тех, которые перешли на дистанционный режим и были вынуждены сочетать работу и заботу о детях в условиях закрытия детских садов и школ.

Сохранение оплачиваемой работы у женщин и их переход на дистанционный режим зависели от таких факторов, как сфера деятельности, опыт работы в дистанционном формате, размер населенного пункта и размер предприятия. Неожиданной корреляцией является связь затрат времени на домашний труд с совместным переходом на дистанционный режим работы жены и мужа.

Перераспределение обязанностей в семье обусловлено как экономическими факторами (наличие заработка, переход на дистанционный режим работы), так и социокультурными (гендерные стереотипы), причем в российских семьях по-прежнему преобладают последние. Особенно это касается семей с детьми: в соответствующей выборке вообще отсутствует корреляция между заработком женщины в условиях самоизоляции и уменьшением затрат ее времени на ведение домашнего хозяйства. В целом участие мужей в домашнем труде можно по-прежнему рассматривать как дополнительное, т. е. мужья помогают своим женам вести домашнее хозяйство, а не являются полноценными участниками ежедневной работы по поддержанию быта.

* Мы не можем сравнивать этот показатель с долей уволенных женщин в силу специфики проведения опроса.

Из трех выдвинутых гипотез мы подтвердили две — о росте нагрузки на женщину и о преобладании помощи мужей женам над их самостоятельным вкладом в домашнюю работу. Гипотеза о потенциале дистанционной занятости для гендерного равенства пока не нашла подтверждения. Тем не менее она, по нашему мнению, может способствовать росту эгалитарности в случае расширения дистанционных возможностей для работы мужчин и изменения общественного гендерного порядка, который возлагает ответственность за домашнюю работу только на женщин.

Следующим нашим шагом будет регрессионный анализ факторов изменений в гендерном распределении затрат времени на ведение домашнего хозяйства и уход за близкими в период пандемии. Синхронизация стратегий супругов в вопросе дистанционной занятости также может быть интересной темой будущих исследований.

Библиографический список

- Груздева Е. В., Ржаницына Л. С., Хоткина З. А. Женщина на рынке труда // *Общественные науки и современность*. 1992. № 3. С. 178—184.
- Женщины и COVID-19 в Беларуси: потребности и проблемы // Белорусская организация трудящихся женщин. 2020. URL: https://mailchi.mp/6d0c83f8e24a/covid-19?fbclid=IwAR0hXInz4hY7w1xemZ_fmz0v8Zx5rRQ0ZgtMZQN4GEhs0-LFxzJfixKmeLE (дата обращения: 07.07.2020).
- Калабихина И. Е. Гендерный переход и качество жизни // *Уровень жизни населения регионов России*. 2011. № 8. С. 42—48.
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // *Демографическое обозрение*. 2018. Т. 5, № 4. С. 36—65.
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 3. С. 261—285.
- Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 12. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_12-114_May.pdf (дата обращения: 07.07.2020).
- Посадская А. И., Римашевская Н. М., Захарова Н. К. Как мы решаем женский вопрос // *Коммунист*. 1989. № 6. С. 56—65.
- Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., Мещеркина Е., Писклакова М. Окно в русскую частную жизнь: супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999. 272 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 3. С. 3—14.
- Яндекс. Взгляд. URL: <https://surveys.yandex.ru/> (дата обращения: 07.07.2020).
- Becker G. S. A theory of the allocation of time // *The Economic Journal*. 1965. Vol. 75, № 299. P. 493—517.
- Bianchi S. M. Family change and time allocation in American families // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 638, iss. 1. P. 21—44.
- Coltrane S. Research on household labor: modeling and measuring the social embeddedness of routine family work // *Journal of Marriage and Family*. 2000. Vol. 62, iss. 4. P. 1208—1233.
- Folbre N. *Who Pays for the Kids?: Gender and the Structures of Constraint*. London: Routledge, 1994. 335 p.

- Gronau R. Leisure, home production, and work: the theory of the allocation of time revisited // *Journal of Political Economy*. 1977. Vol. 85, № 6. P. 1099—1123.
- Grundy E., Henretta J. C. Between elderly parents and adult children: a new look at the intergenerational care provided by the “sandwich generation” // *Ageing and Society*. 2006. Vol. 26, iss. 5. P. 707—722.
- Kalabikhina I. E. Demographic and social issues of the pandemic // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4, iss. 2. P. 103—122.
- Layard R., Clark A., Cornaglia F., Powdthavee N., Vernoit J. What predicts a successful life?: a life-course model of wellbeing // *Economic Journal*. 2014. Vol. 124, iss. 580. P. 720—738.
- Peterman A., Potts A., O'Donnell M., Thompson K., Shah N., Oertelt-Prigione S., van Gelder N. Pandemics and Violence against Women and Children: CGD Working Paper 528. Washington (DC): Center for Global Development, 2020. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/pandemics-and-violence-against-women-and-girls.pdf> (дата обращения: 07.07.2020).
- Waring M. *If Women Counted*. San Francisco: Harper and Row, 1988. 314 p.

References

- Becker, G. S. (1965) A theory of the allocation of time, *The Economic Journal*, Vol. 75, no. 299, pp. 493—517.
- Bianchi, S. M. (2011) Family change and time allocation in American families, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 638, iss. 1, pp. 21—44.
- Coltrane, S. (2000) Research on household labor: modeling and measuring the social embeddedness of routine family work, *Journal of Marriage and Family*, vol. 62, iss. 4, pp. 1208—1233.
- Folbre, N. (1994) *Who Pays for the Kids?: Gender and the Structures of Constraint*, London: Routledge.
- Gronau, R. (1977) Leisure, home production, and work: the theory of the allocation of time revisited, *Journal of Political Economy*, vol. 85, no. 6, pp. 1099—1123.
- Grundy, E., Henretta, J. C. (2006) Between elderly parents and adult children: a new look at the intergenerational care provided by the “sandwich” generation, *Ageing and Society*, vol. 26, iss. 5, pp. 707—722.
- Gruzdeva, E. V., Rzhantsyna, L. S., Khotkina, Z. A. (1992) Zhenshchina na rynke truda [The woman on the labour market], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 178—184.
- Iandeks. *Vzgliad* (2020) [Yandex. Sight], available from <https://surveys.yandex.ru/> (accessed 07.07.2020).
- Kalabikhina, I. E. (2011) Gendernyi perekhod i kachestvo zhizni [Gender transition and quality of life], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 8, pp. 42—48.
- Kalabikhina, I. E. (2020) Demographic and social issues of the pandemic, *Population and Economics*, vol. 4, iss. 2, pp. 103—122.
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Zh. K. (2018) Otsenka transfertov vremeni vnutri domokhoziaistv [Estimation of intra-household time transfers], *Demograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 36—65.
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Zh. K. (2019) Zatraty vremeni na domashniuiu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva [Time spent on homework: determinants of gender inequality], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 261—285.

- Khasbulatova, O. A., Smirnova, A. V. (2008) Evoliutsiia gosudarstvennoĭ politiki v otnoshenii sem'i v Rossii v XX — nachale XXI veka: (Istoriko-sotsiologicheskii analiz) [Evolution of state policy towards the family in Russia in the XX — early XXI century: (Historical and sociological analysis)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Layard, R., Clark, A., Cornaglia, F., Powdthavee, N., Vernoit, J. (2014) What predicts a successful life?: A life-course model of wellbeing, *Economic Journal*, vol. 124, iss. 580, pp. 720—738.
- Monitoring ėkonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ėkonomicheskogo razvitiia* (2020) [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development], available from http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_12-114_May.pdf (accessed 07.07.2020).
- Peterman, A., Potts, A., O'Donnell, M., Thompson, K., Shah, N., Oertelt-Prigione, S., van Gelder, N. (2020) *Pandemics and Violence against Women and Children: CGD Working Paper 528*, Washington, DC: Center for Global Development, available from <https://www.cgdev.org/sites/default/files/pandemics-and-violence-against-women-and-girls.pdf> (accessed 07.07.2020).
- Posadskaia, A. I., Rimashevskaiia, N. M., Zakharova, N. K. (1989) Kak my reshaem zhenskii vopros [How do we solve the women's issue], *Kommunist*, no. 6, pp. 56—65.
- Rimashevskaiia, N., Vannoĭ, D., Malysheva, M., Meshcherkina, E., Pisklakova, M. (1999) *Okno v russkuiu chastnuiu zhizn': Supruzheskie pary v 1996 godu* [A window into Russian private life. Married couples in 1996], Moscow: Academia.
- Waring, M. (1988) *If Women Counted*, San Francisco: Harper and Row.
- Zhenshchiny i COVID-19 v Belarusi: potrebnosti i problemy (2020) [Women and COVID-19 in Belarus: needs and challenges], *Belorusskaia organizatsiia trudiashchikhsia zhenshchin*, available from https://mailchi.mp/6d0c83f8e24a/covid-19?fbclid=IwAR0hXInz4hY7w1xemZ_fmz0v8Zx5rRQ0ZgtMZQN4GEhs0-LFxzJfixKmeLE (accessed 07.07.2020).

Статья поступила 17.07.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofiarebrey@gmail.com (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 78—91
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.7

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 78—91
ББК 60.561.5
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.7

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИЙ

И. С. Клецина, С. А. Векилова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru

На основе идей гендерного подхода рассмотрена проблема трансформаций, которые характерны для современной российской семьи. Основное внимание уделено анализу гендерных отношений в семье, специфика которых раскрывается через наличие либо отсутствие дифференциации ролей и статусных позиций супругов. Гендерные отношения в семье изучаются как реальные практики взаимодействия мужчин и женщин, соотносимые с разделяемыми ими гендерными нормами, представлениями и установками. Выделены следующие основные тенденции изменения гендерных отношений, характерные для российских семей. Первая тенденция определяет главный устойчивый вектор изменений гендерных отношений — от традиционалистской модели к эгалитарной. Наименее выражена эгалитарная тенденция относительно исполнения женщинами роли хозяйки, а мужчинами — роли добытчика. Вторая тенденция, характеризующая гендерные отношения в современных семьях, связана с наличием у мужчин и женщин сочетания традиционалистских и эгалитарных норм, представлений и установок. Большинство современных семей находятся в промежуточной стадии — от традиционалистской модели гендерных отношений к эгалитарной.

Ключевые слова: гендерные отношения, нормы женского поведения, нормы мужского поведения, модели семейных отношений.

GENDER RELATIONS IN THE RUSSIAN FAMILY: TRANSFORMATION TRENDS

I. S. Kletsina, S. A. Vekilova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
 St. Petersburg, Russian Federation, irinaklyotsina@mail.ru

The article presents an analytical study conducted on the basis of empirical socio-psychological and sociological works of domestic authors devoted to the problem of gender relations in the family. Changes occurring to the family are considered as the evolution of the family and the transformation of family structures that naturally change over time.

The focus is on such phenomena as the differentiation of roles and status positions of the spouses. Two levels of representation of gender relations are studied: behavioral practices of spouses implemented in everyday life (objective, actually observed behavior in matrimonial roles and status positions), and perceptions and attitudes regarding what relationships between family men and women should be (subjective perceptions of matrimony). Analysis of the socio-psychological and sociological publications, which provide empirical research data, made it possible to identify the following trends in gender relations changes in the family. The first trend defines the main sustainable vector of changes in gender relations — from the traditional model to the egalitarian model. The number of families in which there is more justice between spouses in the distribution of responsibilities increases, the practice of interchangeability of roles in the family is expanding, there is a tendency to lack of primacy in the family, since the majority of family decisions are made by the spouses together. The egalitarian tendency is less pronounced in the following sphere: women continue to play the role of mistress of the house, and men — to play the role of breadwinner. Women, as before, are expected to carry out most of the household chores. The family man is expected to take on the responsibility for the financial security of the family. The second trend characterizing gender relations in modern families is associated with the presence of a simultaneous combination of traditional and egalitarian norms, ideas and attitudes among men and women. Most modern families are at an intermediate stage: from the traditional model of gender relations to the egalitarian one. Therefore, at the level of consciousness of men and women and in the actual practice of family behavior there are manifestations that characterize different models of gender family relations. The egalitarian model of gender relations in a family can act as such a normative sample, but it needs a more thorough and detailed description of all its components.

Key words: gender relations, norms of female behavior, norms of male behavior, family relations patterns.

Введение

Семья и семейные отношения являются объектом пристального внимания представителей различных научных дисциплин. Основной круг проблемных вопросов изучения семьи связан с анализом тех кардинальных преобразований, которые характерны для современных брачно-семейных отношений. В многочисленных исследованиях демографов, социологов, социальных психологов подчеркиваются следующие тенденции изменений, происходящих с семьей: современная молодежь семейную жизнь чаще начинает не с официально зарегистрированного брака, а с совместного проживания; развод становится нормой даже при наличии детей в семье; заметно растет число повторных союзов, зачастую неформальных; среднее количество детей, рожденных одной женщиной, уменьшается; дети чаще появляются на свет вне брака, их рождение откладывается на более позднее время; увеличивается количество семей одиноких родителей, особенно одиноких материнских семей [Захаров, 2007; Кон, 2011; Малева, Синявская, 2007; Попова, 2009].

В публицистической литературе и в общественном сознании указанные изменения часто трактуются как кризис семьи и форм семейной жизни. При этом в качестве эталона для сравнения приводится модель *традиционалистской* (патриархатной) семьи, для которой вышеперечисленные тенденции не характерны. Отличительной особенностью традиционалистской модели

является строгая последовательность атрибутов семейной жизни: официальная регистрация брака, совместное проживание, рождение детей (любовь — брак — коляска). Традиционалистская модель семьи характеризуется таким вариантом распределения обязанностей между женой и мужем, при котором мужчина как глава семьи исполняет роль кормильца, а женщина — хозяйки дома и воспитательницы детей независимо от того, имеет ли она работу вне дома или нет. Традиционалистская модель семейных отношений основана на жесткой дифференциации супружеских ролей, власти и подчинении [Векилова и др., 2018; Задворнова, 2013].

В настоящее время такая модель семьи не является типичной, классическая традиционная семья осталась в прошлом. Большинство современных семей находятся в стадии преобразований и изменений, которые касаются не только количественных показателей (например, возраст вступления в брак, количество детей и др.), но и многих качественных характеристик внутрисемейных отношений.

В работах специалистов, занимающихся проблемами семьи, на основе анализа многочисленных длительных исследований подчеркивается мысль о том, что трансформации, происходящие с современной семьей, не следует отождествлять с ее глубоким кризисом. Новые явления в семейной жизни свидетельствуют не о кризисе, а об *эволюции* семьи, о преобразовании семейных структур, закономерно меняющихся с течением времени [Римашевская, Доброхлеб, 2015; Эволюция семьи в Европе, 2010]. И. С. Кон, анализируя ситуацию изменений в современной семейной жизни, подчеркивал: «Вопреки опасениям традиционалистов, изменение формы брака не означает ни отмирания самого этого института, ни массового перехода россиян к “серийной моногамии”» [Кон, 2011: 61].

Отход от традиционалистской модели семейных отношений обусловлен комплексом разнообразных факторов, таких как экономические и социальные процессы индустриализации и урбанизации; разные приоритеты в социальной политике; культурные факторы — изменение жизненных ценностей и норм женского и мужского поведения, обусловленное распространением ценностей индивидуализма и повышением значимости личностной самореализации. Все эти объективные условия переопределяют содержание гендерной социализации, в процессе которой сознание молодых людей освобождается от неконструктивных гендерных стереотипов и устаревших (консервативных) норм женского и мужского поведения, что проявляется в изменяющихся поведенческих практиках межполовых отношений.

Трансформации, происходящие с семьей, затрагивают разные аспекты и стороны семейной жизни. В данной статье будут проанализированы те изменения в семейной жизни, которые касаются ее гендерной составляющей, т. е. *предметом анализа будут гендерные семейные отношения*. В качестве теоретических оснований анализа использован *гендерный подход*.

Трансформации практик семейного поведения в рамках гендерного подхода объясняются нецелесообразностью в современных условиях сохранять такой порядок отношений между полами, который основан на дифференциации ролей и статусных позиций мужчин и женщин в разных сферах жизнедеятельности, закрепляющих социальное неравенство по признаку пола. В гендерной теории акцент сделан на объяснении причин социального неравенства

между мужчинами и женщинами, на анализе последствий неравенства для личностного развития и психологического благополучия мужчин и женщин, на конкретизации путей и способов устранения этого гендерного неравенства [Словарь... , 2002].

Цель статьи — посредством теоретического анализа отечественных научных публикаций гендерной направленности выявить основные тенденции изменений гендерных отношений в семье.

Результаты исследования

Гендерные отношения — это основной феномен, который наиболее явно определяет специфику гендерных исследований как междисциплинарного научного направления, сориентированного на анализ всех явлений, связанных с гендерным неравенством. Основа методологии гендерных исследований — анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через социальные роли мужчин и женщин и их отношения [Социология гендерных отношений, 2004]. В процессе изучения гендерных отношений, как правило, проводится сравнительный анализ распределения *ролей* и *статусных позиций* мужчин и женщин. Изучение гендерных отношений позволяет представить комплексную картину особенностей ролевого поведения мужчин и женщин с учетом их статусных позиций в системе межличностных и общественных отношений [Клецина, 2004, 2013].

Гендерные отношения в семье — это межличностные отношения, поэтому им присущи такие особенности, как обязательное наличие реальных контактов и обратной связи; выраженная взаимная направленность субъектов отношений друг на друга; высокая степень значимости индивидуально-личностных особенностей субъектов этих отношений; наличие значимой эмоциональной составляющей, которая определяет специфику отношений [Векилова, 2016; Клецина, 2004]. Другими словами, гендерные отношения в семье — это эмоционально насыщенные, экспрессивные отношения, обусловленные ролевым и статусным равенством или неравенством. Исследование гендерных отношений в семье включает изучение двух сторон их проявления: реальных поведенческих практик (объективная сторона) и детерминант поведения людей в системе отношений (гендерные нормы, представления, стереотипы, установки мужчин и женщин, в которых находит отражение субъективная сторона отношений в семье). Как правило, эти гендерные характеристики мужчин и женщин и определяют содержательные составляющие гендерных отношений, т. е. стратегии, типы, модели, стили [Клецина, 2011].

Итак, гендерные отношения анализируются как реальные практики и модели межполового взаимодействия, соотносимые с существующими в сознании мужчин и женщин гендерными нормами, представлениями, стереотипами и установками. Результаты измерения этих показателей позволяют дать характеристику изучаемым отношениям, раскрыть их особенности и построить прогноз их развития.

Гендерная специфика супружеских отношений в семье имеет два измерения: вертикальное (главенство в семье, властные позиции) и горизонтальное (содержание семейных ролей), что и определило соответствующие акценты при анализе.

Для анализа гендерных отношений в семье были отобраны социологические и социально-психологические публикации ведущих специалистов по семейной проблематике (включающие результаты эмпирических исследований), в которых изучались гендерные представления и нормативные установки мужчин и женщин по поводу распределения ролей и власти в семье, а также анализировались реальные практики выполнения хозяйственно-бытовых обязанностей супругами, включая заботу о детях и их воспитание.

Первая часть аналитического исследования была связана с поиском ответа на вопрос «*В каком направлении изменяются гендерные отношения в семье? Какой общий вектор этих изменений?*».

Анализ результатов обобщающих социологических эмпирических исследований свидетельствует о выраженной тенденции изменений в семейно-брачных гендерных отношениях в направлении *от традиционалистской модели к эгалитарной* [Задворнова, 2013; Настоящее и будущее семьи... , 2015; Родители и дети... , 2007; Эволюция семьи в Европе... , 2010]. Ряд старых экономических и социальных функций семьи уходят в прошлое или становятся менее значимыми, в то время как заметно увеличивается ценность психологической близости между членами семьи. В связи с тем что внутрисемейные отношения становятся более интимными, повышается личностная автономия и ценность самовыражения каждого члена семьи, что закрепляет установки на равенство позиций партнеров в системе отношений [Кон, 2011].

В семье эгалитарного типа оба супруга принимают равное участие во всех домашних делах и в профессиональной деятельности, обеспечивая семью материально. Роль главы семьи перестает существовать, так как все значимые для семейной жизни вопросы решаются супругами совместно, на основе договоренности [Задворнова, 2013]. Поскольку в системе взглядов многих современных мужчин и женщин все более активно закрепляется идея о равноценности женских и мужских социальных ролей, в центр семейной жизни выдвигаются такие составляющие отношений, как направленность на потребности и интересы членов семьи, учет их личностных особенностей, взаимная забота о развитии и самореализации каждого из супругов. Смысл всех этих изменений — в снятии ограничений, существовавших в традиционном институте брака, в расширении возможностей развития личности независимо от половой принадлежности.

Однако процесс движения в направлении эгалитаризации гендерных семейных отношений идет неравномерно, в отдельные периоды отмечается более интенсивное продвижение в сторону эгалитарности отношений, в другие годы — менее заметное. В качестве иллюстрации названной тенденции приведем результаты исследований гендерных отношений, осуществленных социологом Н. А. Нечаевой в 1996, 2008 и 2014 гг.¹ В период с 1996 по 2008 г. вектор изменений был в основном направлен в сторону разрушения традиционалистских взглядов на гендерные отношения в семье и распространения эгалитарных представлений. К 2014 г. траектория этих изменений стала иной: увеличилось число респондентов, разделяющих традиционалистские гендерные представления

¹ По одной анкете опрашивались юноши и девушки, обучающиеся в Санкт-Петербургских вузах и колледжах (возраст от 17 лет до 21 года). В 1996 и 2008 гг. было опрошено 432 человека, в 2014 г. — 132.

о ролевом поведении мужчин и женщин в семье, и снизилось число приверженцев эгалитарной модели гендерных семейных отношений. Тем не менее «возвратное движение усиления традиционных взглядов не достигло значений 1996 года» [Нечаев, 2018: 116].

Информация о разных тенденциях в изменении характеристик ролевого поведения мужчин и женщин в семье получена в ряде других исследований [Женщины и мужчины России... , 2016; Калачикова, Груздева, 2019]. Наименьшая выраженность эгалитарной тенденции в гендерных отношениях проявляется в следующих ролевых позициях мужчин и женщин в семье: от женщин по-прежнему ожидается исполнение роли хозяйки (выполнение большей части хозяйственных забот), а от мужчины — роли добытчика. Во многих современных семьях распространено убеждение, что именно мужчина должен материально обеспечивать семье достойный уровень жизни.

Рассмотрим отражение этих тенденций при анализе результатов исследований, свидетельствующих о реальных практиках выполнения хозяйственно-бытовых обязанностей супругами, включая заботу о детях.

Так, по данным Росстата, женщины, по сравнению с мужчинами, по-прежнему тратят больше времени на ведение домашнего хозяйства. Если в 1990 г. среди жителей городской местности женщины в будние дни тратили на хозяйство в среднем 3 часа 25 минут, а мужчины — 1 час 12 минут, то в 2014 г. для женщин это время составляло 2 часа 59 минут, а для мужчин — 59 минут. Для жителей сельской местности и в выходные дни разрыв во временных затратах на хозяйственно-бытовые дела между мужчинами и женщинами увеличивается [Женщины и мужчины России... , 2016: 167]. Эти данные свидетельствуют о том, что домашняя работа в семье неравномерно распределена между мужчинами и женщинами, отдельные виды хозяйственных дел выполняются преимущественно женщинами.

В статье О. Н. Калачиковой и М. А. Груздевой приводятся результаты социологического исследования, осуществленного в Вологодской области (объем выборки — 802 человека), в ходе которого получена конкретная информация о тех видах семейных хозяйственных забот, где сохраняется гендерное неравенство [Калачикова, Груздева, 2019]. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Если Вы состоите в браке, укажите, как между Вами и Вашим/Вашей супругом/супругой распределяются следующие брачно-семейные обязанности». Результаты ответов свидетельствуют о том, что в большинстве семей значительное количество домашних дел выполняется супругами совместно. Это такие домашние обязанности, как распределение семейного бюджета, уход за детьми и их воспитание, материальное обеспечение семьи, организация семейного досуга (отдых, развлечения), забота о здоровье и благополучии членов семьи, обеспечение психологического комфорта, поддержание родственных связей, покупка продуктов и прочих товаров. Эти данные свидетельствуют о распространенности эгалитарного принципа распределения определенного типа семейных обязанностей. Однако такие повседневные дела, как приготовление пищи, уборка, стирка и глажение белья и подготовка домашних заданий совместно с детьми, в большинстве семей выполняются чаще женщинами.

Итак, результаты исследований свидетельствуют об устойчивости такой традиционалистской нормы женского поведения, как практически единоличная ответственность за выполнение повседневных домашних дел; другими словами, характер распределения домашней работы остается наиболее консервативной областью гендерных отношений в семье.

О сохранении традиционалистских взглядов по поводу мужских семейных обязанностей говорят результаты исследования, проведенного в Республике Карелия². С утверждением «Моя главная обязанность — обеспечивать семью» выразили полное согласие 82 % опрошенных мужчин, 11 % не согласились с данной нормативной установкой, 7 % не дали ответа [Римашевская и др., 2017].

Результаты работы Н. А. Нечаевой также свидетельствуют о слабой выраженности эгалитарных тенденций в плане гендерного равенства при делении обязанностей по материальному обеспечению семьи. В исследовании, проведенном в 1996 г., 64 % студентов, а в 2014 г. — 66 % студентов согласились с утверждением, что если мужская роль кормильца будет утрачена, то это плохо скажется на семейных отношениях, поскольку необходимо, чтобы мужчина достаточно зарабатывал для обеспечения своей семьи, внося главный вклад в семейный бюджет. В исследовании 1999 г. достижения материального благополучия от идеального мужчины ожидали 74 % молодежи, в 2007 г. — 76 %, в 2014 г. — 79 %, а от идеальной женщины в 1999 г. — 18 %, в 2007 г. — 20 %, в 2014 г. — 20 % [Нечаева, 2018].

В статье Е. А. Баллаевой приводится информация о результатах исследования о распространенности мнений среди мужчин и женщин по поводу роли мужа в качестве добытчика. Подчеркиваются данные о том, что 36 % опрошенных полагают, что мужчина должен зарабатывать больше женщины, иначе могут возникнуть серьезные семейные проблемы. 39 % женщин разделяют мнение, что «мужчина может чувствовать себя мужчиной, только если он глава семьи во всем». «Мужчина должен зарабатывать больше. Он по натуре добытчик» — так считает третья часть опрошенных мужчин (34 %) [Баллаева, 2015].

Ситуация, при которой у мужчины не получается соответствовать роли кормильца, стимулирует возникновение у него внутреннего конфликта мужской роли, вызванного утратой общепринятого социального статуса. Мужчина часто не может реализовать навязываемую ему функцию единственного кормильца в силу не субъективных причин, а объективных экономических условий, так как его роль на рынке труда определяется не столько индивидуальными предпочтениями, сколько экономической необходимостью.

В соответствии с идеями гендерного равенства в современной семье эгалитарного типа отношения между супругами должны быть выстроены на основе паритета, равноценности вкладов, поэтому в связи с различными обстоятельствами и условиями жизни семейные роли должны быть взаимозаменяемыми. Такой вариант распределения семейных обязанностей будет способствовать достижению баланса между профессиональной занятостью и заботой о семье и у женщин и у мужчин.

² Исследование было проведено в 2015—2016 гг. по двум репрезентативным выборкам. В первую вошли 789 мужчин 18—49 лет, 54 % из которых имели детей. Во вторую выборку вошли исключительно отцы в возрасте 18—64 лет, проживающие со своими детьми. Объем выборки составил 1000 человек.

Вторая часть исследования была связана с поиском ответа на вопрос «Какая модель гендерных отношений в семье (традиционалистская или эгалитарная) является наиболее распространенной?».

Анализ результатов позволяет прийти к заключению, что наибольшее распространение имеет *смешанная модель гендерных семейных отношений*, другими словами, мужчинам и женщинам одновременно присущи и традиционалистские, и эгалитарные нормы, представления и установки, характеризующие их гендерные отношения. Эта тенденция отмечена в работах многих авторов [Задворнова, 2014; Ковтун, Куперман, 2017; Пищик, Спивачук, 2017; Ростовская, Заярская, 2017; Тихомандрицкая, Мельникова, 2018].

Противоречивость взглядов заключается в том, что люди поддерживают традиционалистскую норму гендерных семейных отношений и в то же время выражают толерантное отношение к эгалитарной (более современной норме отношений). И наоборот, не разделяют конкретные и традиционалистские, и эгалитарные установки по поводу нормативного ролевого поведения мужчин и женщин в семье.

В статье Г. С. Ковтун, А. А. Куперман приведены результаты исследования гендерных представлений студентов в разных сферах современной жизни: политической, трудовой, семейной³. Они подтвердили гипотезу о том, что гендерные представления современной студенческой молодежи соединяют в себе традиционалистские и эгалитарные взгляды относительно распределения ролей и статусных позиций мужчин и женщин в разных сферах жизнедеятельности, семейно-брачной в том числе.

Так, например, на вопрос «Должны ли семейные обязанности делиться на мужские и женские?» почти половина опрошенных юношей — 42 % — и более половины девушек — 55 % — ответили отрицательно: по сути дела, мужские и женские семейные роли должны быть взаимозаменяемыми. Данные ответы выявляют эгалитарные взгляды у половины участников исследования. В то же время более половины студентов демонстрируют традиционалистские представления по поводу статусных позиций в семье. На вопрос «Кто должен быть главой семьи?» были получены следующие ответы: 63 % девушек считают, что главой семьи должен быть мужчина, у юношей этот показатель равен 75 %. На необходимость равноправия в семье указали только 31 % девушек и 35 % юношей [Ковтун, Куперман, 2017].

Результаты, опубликованные в статье Т. К. Ростовской и Г. В. Заярской, позволили авторам сделать вывод о том, что в представлениях студентов одновременно сосуществуют две идеальные модели семьи: патриархальная и партнерская (эгалитарная) [Ростовская, Заярская, 2017].

Авторы статьи о кризисе маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи О. А. Тихомандрицкая и О. Т. Мельникова также приходят к выводу об одновременном принятии юношами и девушками традиционалистских и современных (эгалитарных) норм мужского поведения [Тихомандрицкая, Мельникова, 2018].

³ Социологическое исследование «Гендерные представления студенческой молодежи» было проведено в 2015 г. в двух университетах г. Владивостока. В нем приняли участие 100 девушек и 100 юношей в возрасте от 17 до 22 лет.

Противоречивость мнений, свидетельствующих о сочетании традиционалистских и эгалитарных типов гендерных отношений, находит отражение не только в гендерных представлениях, но и при сравнении гендерных установок и реальных практик ролевого поведения в семье.

В статье Ю. С. Задворновой приведены результаты, подтверждающие данный вывод. Социологическое исследование было осуществлено в Ивановской области⁴. Результаты опроса показали, что 69 % супругов придерживаются эгалитарных взглядов по поводу распределения гендерных ролей в семье. По их мнению, постоянного лидера в семье не существует, все решения принимаются совместно, а в конфликтных ситуациях супруги стремятся прийти к компромиссу. Однако ответы респондентов на вопрос о выполнении домашних дел противоречат эгалитарным установкам по поводу гендерных отношений в семье. Женщины выполняют две трети домашней работы, причем, как правило, это такие виды дел, из которых складываются ежедневные домашние обязанности. Так, приготовление пищи считают своей обязанностью 70 % женщин, уборку дома — 65 %, стирку — 88 %, мытье посуды — 89 %. Мужчина занимается работой, необходимость в которой возникает лишь изредка. По мнению 79 % мужчин, их постоянная обязанность — это мелкий ремонт по дому, 70 % считают своей обязанностью ремонтно-строительные работы. Результаты свидетельствуют о том, что мужчины воспринимают свое участие в домашней работе как помощь жене, в то время как женщина рассматривает свою работу по дому как необходимость.

Итак, Ю. С. Задворновой зафиксирована иллюзия эгалитарных отношений, проявляющаяся в рассогласовании гендерных установок и реальных поведенческих практик в семье: в целом, по мнению респондентов, домашние обязанности делятся поровну, а в ходе конкретного анализа выясняется, что большая их часть лежит на женщине [Задворнова, 2014].

Заключение

При изучении тенденций трансформаций гендерных отношений в российской семье были учтены общие принципы гендерных исследований, такие как *междисциплинарность* и учет *социокультурного контекста*. Использование результатов различных научных дисциплин социогуманитарной направленности позволило выделить динамические аспекты гендерных семейных отношений. Изучение гендерных отношений в семье проводилось с учетом существующего социокультурного контекста и изменяющихся социальных условий, в которых оказалась современная семья.

В качестве базовой теории в исследовании использовался гендерный подход. Полученные результаты согласуются с основными идеями гендерного подхода о том, что мужчины и женщины как представители социальных групп и субъекты семейных отношений скорее похожи, чем различны. Это касается подавляющего числа тех социально-психологических характеристик мужчин

⁴ Были опрошены 1200 мужчин и женщин, состоящих в браке, проживающих в областном центре, среднем и малом городах. Социальный портрет семей, участвующих в исследовании, — это супруги, состоящие в зарегистрированном браке более 10 лет, имеющие, как правило, одного ребенка, работающие по найму полный рабочий день в качестве рядовых сотрудников.

и женщин, которые обуславливают исполнение разнообразных социальных ролей. Основное содержание гендерного подхода базируется на идее о том, что не существует убедительных обоснований для жесткой дифференциации мужских и женских ролей; социальные роли мужчин и женщин в семье взаимозаменяемы и похожи. Партнерская модель отношений между мужчинами и женщинами должна стать основной, а эгалитарные установки о равенстве статусных позиций мужчин и женщин должны получить самое широкое распространение [Бэм, 2004].

В процессе исследования были выделены две основные тенденции трансформаций гендерных отношений в российской семье.

Первая тенденция определяет главный устойчивый вектор изменений гендерных отношений — *от традиционалистской модели к эгалитарной*. Увеличивается количество семей, в которых распределение обязанностей между супругами характеризуется большей справедливостью, расширяется практика взаимозаменяемости ролей в семье, имеет место тенденция к отсутствию главенства, поскольку большинство семейных решений принимается супругами сообща, содержательные характеристики отцовской роли и материнской все меньше различаются.

Менее выражена эгалитарная тенденция относительно исполнения женщинами роли хозяйки, а мужчинами — роли добытчика. От женщин по-прежнему ожидается, что именно они будут выполнять большую часть повседневных хозяйственно-бытовых забот. От семейного мужчины ожидается, что он возьмет на себя материальные обязанности по обеспечению семье достойного уровня жизни.

Вторая тенденция, характеризующая гендерные отношения в современных семьях, связана с наличием у мужчин и женщин *сочетания традиционалистских и эгалитарных норм, представлений и установок, определяющих их поведение в семье*. Процесс достижения гендерного равенства в семье сложный и длительный, поэтому большинство современных российских семей находятся в промежуточной стадии — на пути от традиционалистской модели гендерных отношений к эгалитарной. Противоречивость гендерных представлений и нормативных установок на уровне индивидуального сознания мужчин и женщин в реальной практике семейного поведения порождает проявления, обуславливающие разные модели гендерных семейных отношений. Широкое распространение получила смешанная модель гендерных отношений, включающая характеристики традиционалистской и эгалитарной моделей.

Обозначенная цель исследования, направленного на выявление основных тенденций изменений гендерных отношений в семье, достигнута.

Использование гендерного подхода в качестве теоретического основания при анализе исследований гендерных семейных отношений позволяет говорить: 1) о социокультурной обусловленности изменений в системе семейных отношений; 2) зависимости гендерных отношений в семье от общественных условий; 3) динамичности моделей семейного поведения; 4) влиянии изменяющихся гендерных норм мужского и женского поведения на психологическое благополучие мужчин и женщин при исполнении ими семейных ролей.

Существует выраженная необходимость в большей детализации содержательных характеристик модели семейных отношений, соответствующей реалиям современной жизни. Такая модель могла бы стать эталоном для семейных мужчин и женщин и представителей молодого поколения, которые собираются

создавать свои семьи. Эгалитарная модель гендерных отношений в семье может выступать в качестве образца, но она нуждается в более тщательном и детализированном описании всех ее составляющих, а также в разработке необходимого диагностического инструментария. Для этого необходима интенсификация междисциплинарной коммуникации исследователей, изучающих различные проблемы семьи и внутрисемейных отношений [Солодников, 2018].

Библиографический список

- Баллаева Е. А.* Устойчивость современной семьи в России и гендерные отношения // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. М.: Экон-Информ, 2015. С. 7—13.
- Бэм С.* Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 336 с.
- Векилова С. А.* Психология семьи: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 308 с.
- Векилова С. А., Клецина И. С., Семенова Г. В.* Профессиональные и семейные роли женщин в истории многопоколенной семьи // *Женщина в российском обществе.* 2018. № 4. С. 140—150.
- Женщины и мужчины России, 2016: статистический сборник.* М.: Росстат, 2016. 318 с.
- Задворнова Ю. С.* Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 2. С. 32—40.
- Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // *Женщина в российском обществе.* 2014. № 1. С. 51—58.
- Захаров С. В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 75—126.
- Калачикова О. Н., Груздева М. А.* Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины: (на материалах социологического исследования) // *Женщина в российском обществе.* 2019. № 1. С. 64—76.
- Клецина И. С.* Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
- Клецина И. С.* Гендерный подход в психологических исследованиях современных семейных отношений // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.* 2011. Т. 5, № 4. С. 107—119.
- Клецина И. С.* Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 2. С. 3—13.
- Ковтун Г. С., Куперман А. А.* Гендерные представления современной студенческой молодежи: (на материале г. Владивостока) // *Женщина в российском обществе.* 2017. № 1. С. 53—63.
- Кон И. С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2011. Т. 14, № 1. С. 51—65.
- Малева Т. М., Синявская О. В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 171—216.
- Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире.* М.: Экон-Информ, 2015. 318 с.

- Нечаева Н. А. Представления студенческой молодежи о гендерных и семейно-брачных отношениях // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая. СПб.: Реноме, 2018. С. 114—141.
- Пищик В. И., Спивачук З. В. Отношения мужчины и женщины в условиях псевдопатриархальной семьи: социально-психологический взгляд // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18, № 3. С. 108—114.
- Попова Д. О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2009. С. 163—184.
- Римашевская Н. М., Доброхлеб В. Г. Введение // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. М.: Экон-Информ, 2015. С. 7—13.
- Римашевская Н. М., Мальшева М. М., Писклакова-Паркер М. П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества // Народонаселение. 2017. № 2. С. 28—40.
- Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. 336 с.
- Ростовская Т. К., Заярская Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 75—85.
- Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация — XXI век, 2002. 256 с.
- Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 269—332.
- Социология гендерных отношений: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. З. Х. Саралиевой. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 270 с.
- Тихомандрицкая О. А., Мельникова О. Т. Исследование проблемы кризиса маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи методом фокус-группы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 187—196.
- Эволюция семьи в Европе: Восток — Запад / под науч. ред. С. В. Захарова, Л. М. Прокофьевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2010. 392 с.

References

- Ballaeva, E. A. (2015) Ustoïchivost' sovremennoï sem'i v Rossii i gendernye otnosheniia [Sustainability of the modern family in Russia and gender relations], *Nastoiashchee i budushchee sem'i v meniaiushchemsia mire*, Moscow: Ékon-Inform, pp. 7—13.
- Bém, S. (2004) *Linzy gendera: Transformatsiia vzgliadov na problemu neravenstva polov* [The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality], Moscow: Rossiiskaia politicheskaia éntsiklopediia.
- Évoliutsiia sem'i v Evrope: Vostok — Zapad* (2010) [Evolution of the family in Europe: East — West], Moscow: Nezavisimyĭ institut sotsial'noĭ politiki.
- Kalachikova, O. N., Gruzdeva, M. A. (2019) Gendernye stereotipy v sovremennoĭ sem'e: zhenshchiny i muzhchiny: (Na materialakh sotsiologicheskogo issledovaniia) [Gender stereotypes in the modern family: women and men: (Based on the materials of a sociological study)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 64—76.
- Kletsina, I. S. (2004) *Psikhologiia gendernykh otnoshenii: Teoriia i praktika* [Psychology of gender relations: Theory and practice], St. Petersburg: Aleteiia.

- Kletsina, I. S. (2011) Gendernyi podkhod v psikhologicheskikh issledovaniakh sovremennykh semeinykh otnoshenii [Gender approach in psychological research of modern family relations], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, vol. 5, no. 4, pp. 107—119.
- Kletsina, I. S. (2013) Sovremennoe sostoianie i perspektivy issledovaniĭ gendernykh otnoshenii v sfere sotsiologicheskogo i psikhologicheskogo znaniia [Current state and prospects of research on gender relations in the field of sociological and psychological knowledge], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—13.
- Kon, I. S. (2011) Tri v odnom: seksual'naia, gendernaia i semeinaia revoliutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 14, no. 1, pp. 51—65.
- Kovtun, G. S., Kuperman, A. A. (2017) Gendernye predstavleniia sovremennoi studencheskoĭ molodĕzhi: (Na materiale g. Vladivostoka) [Gender representations of modern student youth: (Based on the material of Vladivostok)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 53—63.
- Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (2007) Sotsial'no-ekonomicheskie faktory rozhdaemosti v Rossii: ėmpiricheskie izmereniia i vyzovy sotsial'noi politike [Socio-economic factors of birth rate in Russia: empirical measurements and challenges to social policy], in: *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, Moscow: Nezavisimyiĭ institut sotsial'noi politiki, pp. 171—216.
- Nastoiashchee i budushchee sem'i v meniaiushchemsia mire* (2015) [The present and future of the family in a changing world], Moscow: Ėkon-Inform.
- Nechaeva, N. A. (2018) Predstavleniia studencheskoĭ molodĕzhi o gendernykh i semeino-brachnykh otnosheniakh [Representations of students about gender and family and marriage relations], in: *Novaia znachimost' sem'i i mezhpokolennykh otnoshenii dlia Rossii i Kitaia*, St. Petersburg: Renome, pp. 114—141.
- Pishchik, V. I., Spivachuk, Z. V. (2017) Otnosheniia muzhchiny i zhenshchiny v usloviakh psevdopatriarkhal'noi sem'i: sotsial'no-psikhologicheskiiĭ vzgliad [Relations between men and women in a pseudo-patriarchal family: a socio-psychological view], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, vol. 18, no. 3, pp. 108—114.
- Popova, D. O. (2009) Transformatsiia semeinykh tsennostei i vtoroiĭ demograficheskoiĭ perekhod v Rossii: kto v avangarde? [Transformation of family values and the second demographic transition in Russia: who is in the vanguard?], in: *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, Moscow: Nezavisimyiĭ institut sotsial'noi politiki, pp. 163—184.
- Rimashevskaiia, N. M., Dobrokhleb, V. G. (2015) Vvedenie [Introduction], in: *Nastoiashchee i budushchee sem'i v meniaiushchemsia mire*, Moscow: Ėkon-Inform, pp. 7—13.
- Rimashevskaiia, N. M., Malysheva, M. M., Pisklakova-Parker, M. P. (2017) Balans professional'nykh i semeinykh rolei otsov kak zalog ustoichivosti sem'i i obshchestva [Balance of professional and family roles of fathers as a guarantee of stability of the family and society], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 28—40.
- Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* (2007) [Parents and children, men and women in the family and society], Moscow: Nezavisimyiĭ institut sotsial'noi politiki.
- Rostovskaiia, T. K., Zaiarskaia, G. V. (2017) Semeinye ustanovki i semeinye praktiki v sovremennoi rossiiskoiĭ studencheskoĭ srede [Family attitudes and family practices in the modern Russian student environment], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—85.
- Slovar' gendernykh terminov* (2002) [Dictionary of gender terms], Moscow: Informatsiia — XXI vek.
- Solodnikov, V. V. (2018) Rossiiskie sotsiologicheskie i psikhologicheskie issledovaniia sem'i v XXI veke: meta-analiz [Russian sociological and psychological studies of the family in XXI century: meta-analysis]

- in the XXI century: meta-analysis], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 269—332.
- Sotsiologiia gendernykh otnoshenii*: Uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii (2004) [Sociology of gender relations: a textbook for students of higher educational institutions], Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia.
- Tikhomandritskaia, O. A., Mel'nikova, O. T. (2018) Issledovanie problemy krizisa maskulinnosti v gendernoĭ kartine mira sovremennoĭ molodezhi metodom fokus-gruppy [Research of the problem of the crisis of masculinity in the gender picture of the world of modern youth by the method of a focus group], *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo*, vol. 9, no. 3, pp. 187—196.
- Vekilova, S. A. (2016) *Psikhologiia sem'i*: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata [Family psychology: textbook and workshop for academic undergraduate studies], Moscow: Iurait.
- Vekilova, S. A., Kletsina, I. S., Semenova, G. V. (2018) Professional'nye i semeĭnye roli zhenshchin v istorii mnogopokolenoĭ sem'i [Professional and family roles of women in the history of a multi-generational family], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 140—150.
- Zadvornova, Iu. S. (2013) Tendentsii transformatsii gendernykh roleĭ v sovremennoĭ rossiiskoi sem'e [Trends in the transformation of gender roles in the modern Russian family], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 32—40.
- Zadvornova, Iu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian family: gender stereotypes and current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.
- Zakharov, S. V. (2007) Transformatsiia brachno-partnerskikh otnoshenii v Rossii: "zolotoĭ vek" traditsionnogo braka blizitsia k zakatu? [Transformation of marriage and partnership relations in Russia: the "golden age" of traditional marriage is nearing its end?], in: *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, Moscow: Nezavisimyĭ institut sotsial'noi politiki, pp. 75—126.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* (2016) [Women and men of Russia], Moscow: Rosstat.

Статья поступила 09.02.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Векилова Севиль Афрасябовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, vekilova@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Клецина Ирина Сергеевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 92—102
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.8

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 92—102
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.8

СТИЛЬ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ МАМАЛАНСЕРОВ

Е. В. Кожевникова^a, В. С. Харченко^b

^a Детский сад № 5, г. Березовский, Свердловская область, Россия

^b Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия, verakharchenko@yandex.ru

Рассматривается специфическая группа фрилансеров — мамы-фрилансеры, или мамалансеры — с точки зрения особенностей стиля жизни и формирования стилежизненных установок. Мамалансеры — это женщины с детьми, которые используют фриланс в качестве оплачиваемой занятости. Представлены методологические основания изучения стиля жизни мамалансеров, результаты эмпирического исследования, выполненного в стратегии «кейс-стади». Описаны мамы-фрилансеры (мамалансеры) как тип фрилансеров и их стилежизненные характеристики: занятость, трудовые ценности и ценностные ориентации, планы на будущее, представления мамалансеров об успехе в фрилансе и в роли матери, проанализирован баланс семьи и работы. Результаты исследования показали, что именно свободная занятость позволяет создавать баланс между работой и выполнением функций матери. Предпринята попытка дифференциации типов мам-фрилансеров на основе их мотивации и стратегий занятости: вынужденные, совместители, «декретные» и «чистые».

Ключевые слова: фриланс, фрилансеры, мамалансеры, стиль жизни, ценности, занятость, успех, мамы, женщины с детьми.

LIFESTYLE OF MAMA-LANCERS IN CONTEMPORARY SOCIETY

E. V. Kozhevnikova^a, V. S. Kharchenko^b

^a Kindergarten № 5, Berezhovsky, Sverdlovsk Region, Russian Federation

^b Ural State University of Economics, Ekaterinburg,
Russian Federation, verakharchenko@yandex.ru

The article considers a specific group of freelancers — mom freelancers, or mama-lancers — in terms of their lifestyle characteristics and the formation of lifestyle settings. Mama-lancers are women with children who use freelance as paid employment. The methodological foundations of studying the lifestyle of mama-lancers, the results of an empirical study performed in the case study strategy are presented. Mothers-freelancers (mama-lancers) are described as a type of freelancers and their lifestyle characteristics: employment, work values and value orientations, plans for the future, representations of mama-lancers about success

in freelance and in the role of mother, the balance of family and work are analyzed. The results of the study showed that it is free employment that allows one to create a balance between work and mother functions. An attempt was made to differentiate the types of mom freelancers based on their motivation and employment strategies: forced, part-time, “maternity” and “clean”.

Key words: freelance, freelancers, mama-lancers, lifestyle, values, employment, success, mothers, women with children.

Переход к информационному обществу обусловил развитие информационных технологий, появление новых профессий, форм занятости и изменение ценностей отдельных социальных групп и общностей. Сегодняшние изменения приводят к прекаризации, распространению нестандартных форм занятости, в частности фрилансу. *Фрилансеры* являются независимыми работниками, которые не состоят в штате организаций и не включены в традиционные трудовые отношения (постоянный найм), а самостоятельно реализуют свои услуги на рынке различным клиентам. Число фрилансеров постоянно увеличивается: в 2005 г. в пространстве Рунета появилась русскоязычная биржа удаленной работы FL.ru, которая до сих пор не теряет лидерских позиций по количеству пользователей, в настоящее время на бирже зарегистрировано более 1 млн человек [Русскоязычная биржа...]. Другая крупная русскоязычная биржа фриланса — Freelance.ru в 2018 г. насчитывала в «каталоге фрилансеров» более 857 тыс. пользователей [Сервис поиска...].

Несмотря на то что среди русскоязычных фрилансеров, работающих через Интернет, преобладают мужчины, доля женщин уверенно растет: если в 2009 г. мужчин было в 2 раза больше, чем женщин (67 и 33 % соответственно), то в 2014 г. диспропорция существенно сократилась (58 и 42 %). По данным 2014 г., почти 40 % женщин-фрилансеров имели несовершеннолетних детей [Стребков, и др., 2016: 104], мы их определяем как *мамы-фрилансеры* или *мамалансеры*.

Термин «мамалансер» — неологизм, появление которого связано с обозначением новой реалии. Он широко распространен в среде независимых работников и представляет их профессиональный жаргон; он встречается в названиях десятков интернет-ресурсов — специализированных сайтов для мамалансеров; сайтах, посвященных поиску работы; на форумах, в сообществах в социальных сетях и др. (сообщество «Mamalancer. Работа в декрете и в Интернете» в «ВКонтакте» насчитывает почти 18 тыс. участников) (см., напр.: [Mamalancer. Работа в декрете... , MAMALANCER.RU... , Женский фриланс форум... , Сайт для поиска работы...]). Однако понятие «мамалансер» до сих пор почти не используется в научной литературе, что объясняется прежде всего ограниченным вниманием исследователей к категории работников, идентифицирующих себя подобным образом, и как следствие — недостаточной разработанностью самого понятия.

Появление этой группы фрилансеров показывает, что среди свободных занятых формируется особый тип занятых, для которых постоянный уход за детьми сочетается не только с оплачиваемой занятостью, но и с процессами прекаризации женского труда [Клименко, Посухова, 2017]. В фокусе анализа данной группы — определение причин, по которым женщины отказываются от стабильной работы и самостоятельно выстраивают трудовую биографию с ее рисками

и неопределенностью. Центральным понятием, раскрывающим особенности мамалансеров, становится *стиль жизни*, понимаемый как тип жизнедеятельности, обусловленный социальным пространством, в котором действуют индивиды или группа, появлением и функционированием новых социальных институтов, складывающимися правилами и нормами действия, а также субъективными устремлениями — ценностями, социальным самочувствием, представлениями о жизненном успехе, потребностями, мотивами, социальным капиталом.

Для определения стилежизненных характеристик мамалансеров важно понять, при помощи каких механизмов и действий они выстраивают свою повседневную жизнь, каким образом проявляются их личностные изменения, находящие отражение в ценностных ориентациях, социальном самочувствии, трудовой занятости и жизненном успехе, и как мамалансеры сочетают свою работу с другими типами жизнедеятельности, особенно с семейными обязанностями и уходом за детьми. Отметим, что баланс между работой и заботой о детях выступает главным элементом анализа при определении стилежизненных характеристик мамалансеров; анализ родительских установок и сценариев стал одним из важных элементов в осмыслении их специфики. Для определения родительских сценариев, которых придерживались мамалансеры, использовался подход к анализу моделей родительства Ж. Черновой и Л. Шпаковской [Чернова, Шпаковская, 2013].

Целью нашего исследования является описание стиля жизни современных российских мамалансеров через анализ ценностей (в том числе трудовых), специфику занятости, представления об успехе и репрезентацию статуса в публичном пространстве (социальные сети).

Методы исследования

Для изучения стиля жизни мамалансеров была выбрана стратегия «кейс-стади», которая позволила соотнести полученные сведения о единичном объекте с информацией из различных источников об изучаемом явлении в целом, чтобы понять, как в уникальном реализуется социально типичное. В рамках кейс-стади в 2017—2018 гг. были проведены глубинные фокусированные интервью с 14 мамалансерами Свердловской области, контент-анализ и визуальный анализ информации с их страниц в социальной сети «ВКонтакте».

Типология мамалансеров

Фриланс может занимать различное место и роль в жизни мамалансеров. Для мам с детьми фриланс может являться единственным источником дохода, но может совмещаться с другими формами занятости. Опираясь на полученные в ходе исследования результаты, мы выделили 4 различающиеся в зависимости от типа занятости группы мамалансеров:

1) вынужденные — имеющие небольшой материальный достаток при отсутствии возможности выйти на наемную работу из-за ухода за ребенком. Они могут быть официально трудоустроены, но после достижения ребенком 1,5 лет уже не получают декретное пособие ($n = 2$);

2) совместители — совмещающие наемную работу в штате организаций и фриланс ($n = 2$);

3) «декретные» — имеющие детей до 3 лет и находящиеся в официальном отпуске по уходу за ребенком по месту постоянной работы (n = 4);

4) «чистые» — те, для кого фриланс является основной занятостью и единственным источником дохода (n = 8).

Предложенная типология условна, женщина может быть отнесена к двум группам — вынужденным и «чистым» мамалансерам одновременно. Кроме того, мамы-фрилансеры могут переходить из одной группы в другую: при увольнении с наемной работы женщина становится «чистым» мамалансером или, наоборот, из «чистого» переходит в совместителя.

Трудовые ценности мамалансеров

Мамы-фрилансеры имеют определенные представления о значимости различных аспектов трудовой деятельности и трудовых ценностях. Они формируются под влиянием внутренних потребностей индивида, его жизненных обстоятельств и социально-культурной среды. Для изучения трудовых ценностей мамалансеров мы обратились к их набору, используемому в международном проекте «Всемирное исследование ценностей» [World Values Survey]; информантки составляли свой личный рейтинг трудовых ценностей. Мы сопоставили полученные результаты с данными всероссийской переписи фрилансеров Д. О. Стребкова и А. В. Шевчука 2014 г. [Стребков, Шевчук, 2014] и результатами национального репрезентативного опроса российского населения, проведенного в 2007 г. [Магун, 2009].

Сравнительный анализ ответов опрошенных нами мамалансеров и данных всероссийской переписи фрилансеров показал, что и у самозанятых профессионалов и у мамалансеров лидируют 3 позиции: *интересная работа, хорошая оплата, удобный график работы*. У мамалансеров слабее выражена материальная мотивация, «хорошая оплата», которая и у российского населения в опросе 2007 г., и у фрилансеров занимает первое место. Многие мамалансеры на первое место ставили «интересную работу».

Для более глубокого понимания причин выбора мамалансерами фриланса мы сформировали 3 группы — в зависимости от причин перехода информанток на фриланс.

1. Добровольное решение (n = 6). Основано на личном желании, интересе к той или иной деятельности, превращении хобби в оплачиваемую работу: *С помощью вязания я расслабляюсь, мне это необходимо для того, чтобы не погрязнуть в бытовых делах. А то, что это приносит доход, — это является приятным бонусом (3)*.*

2. Вынужденное обращение к фрилансу (n = 5). Мамалансеры начали заниматься фрилансом из-за потребности в дополнительном заработке или из-за рождения ребенка: *Сподвигло пособие, потому что с полутора лет государство платит 57 руб. 50 коп. Задуматься можно (5); Она (дочь) до сих пор часто болеет. <...> 12—14 дней в месяц мы сидим дома, это вообще-то как бы еще тоже такой пунктик, из-за которого вряд ли офлайн-работа мне подойдет (8).*

* Здесь и далее цифра в круглых скобках после цитаты из интервью обозначает номер информантки в Приложении.

3. Стремление получить новый профессиональный опыт или найти себя (n = 6). Мамалансеры занялись фрилансом, когда не знали, какую сферу выбрать, и обратились к фрилансу «случайно», чтобы попробовать себя в той или иной деятельности, которая в результате стала постоянной: *Я просто... случайно страничку у какого-то фотографа увидела (12); Пришел у меня муж с работы и говорит: «А ты не хочешь попробовать <позаниматься> воздушными шарами? (4).*

Отметим, для некоторых мамалансеров выбор карьеры фрилансера был одновременно добровольным и вынужденным, когда появилось спонтанное увлечение и родился ребенок.

Преимущества и недостатки фриланса

Для мам-фрилансеров наиболее привлекательной чертой фриланса является возможность совмещения занятости с уходом за ребенком, а также организационная автономия (возможность работать дома, гибкий график). Среди недостатков свободной занятости мамалансеры так же, как и фрилансеры, отмечают нестабильность и непредсказуемость будущих доходов. Для того чтобы обезопасить себя от обмана со стороны заказчиков, многие мамалансеры минимизируют риски заключением договора или предварительной платой за работу. Оценивая работу по найму, мамалансеры выделили в качестве преимуществ стабильную заработную плату, общение и коллектив, наличие определенного распорядка дня. Недостатки найма мамы-фрилансеры видят в графике работы, низкой заработной плате и наличии начальства.

На вопрос о том, устраивает ли их сейчас работа, 8 мамалансеров ответили утвердительно, 5 — неоднозначно. Информантки отмечали, что им хотелось бы иметь больше клиентов (*Я хочу, чтобы у меня было больше клиентов, потому что мне это нравится (2)*), больший заработок (*Пока сижу в декрете, для меня это нормально. Потом ребенок пойдет в садик, да, конечно, это будет уже маловатый доход (5)*). Как карьерное развитие мамалансеры планируют официально зарегистрировать свою деятельность — оформить индивидуальное предпринимательство, открыть свой офис и т. п.

Баланс семьи и работы в представлении мам-фрилансеров

В ходе глубинных интервью информанткам задавался вопрос о достаточности времени на работу и семью, который позволил определить не только особенности выстраивания баланса между работой и заботой о детях, но и модель родительской заботы. Мнения мамалансеров о балансе семьи и работы разделились: 6 ответили, что им удастся совмещать работу и семейные обязанности, 8 — не всегда. Некоторые мамалансеры стараются приложить больше сил для выполнения семейных обязанностей и работают в ущерб своему отдыху, развлечениям и сну, а некоторые мамалансеры, наоборот, занимаются рабочими делами в ущерб каким-либо семейным делам и домашним обязанностям: *Вот тут приходится чем-то поступаться, в том числе и чистым полом (1).*

Анализируя выстраивание мамалансерами баланса между семьей, заботой о детях и работой, мы выделили 4 стратегии:

1) работа во время дневного сна ребенка либо пока ребенок в садике (n = 7): *Я укладываю ребенка спать, и какой-то промежуток времени я могу уделить своей работе (7);*

2) совмещение времяпрепровождения с ребенком/детьми и выполнения работы (n = 5): *Я шарики надула, фонтан сделала, и мы в соседний дом вместе — все дружной семьей с двумя собаками и с двумя детьми — несли фонтан (4);*

3) оставление на время работы ребенка с мужем или бабушками (n = 5): *У меня муж на сутках — я сижу с детьми, это мой как выходной день получается... когда муж отдыхает; сутки через трое он работает — и три дня я работаю; получается, у меня каждый день расписаны клиенты (6);*

4) выполнение заказов в ночное время суток, в ущерб своему сну (n = 5): *С маленьким ребенком на руках — это очень сложно, поэтому работаешь по ночам, пока она спит (13).*

Выделенные стратегии баланса между работой и заботой о детях могут у мамалансеров смешиваться — в зависимости от имеющихся в данный момент времени ресурсов (родственники, детский сад и др.). Родственники относятся к нестандартной занятости мамалансеров достаточно противоречиво. Они рады дополнительному заработку в семейный бюджет, но до тех пор, пока работа не начинает мешать семейному времяпрепровождению. В целом дискурс заботы о детях, представленный в интервью с мамалансерами, свидетельствует о том, что наиболее распространенной является модель «Родительство как один из жизненных проектов» [Чернова, Шпаковская, 2013: 21].

Все мамалансеры посещают какие-либо курсы для своего профессионального развития, занимаются обучением, повышают квалификацию: *Именно повышение по маникюру получается... Для своего опыта больше (6); Я покупаю видео — мастер-классы в Интернете, я таким образом учусь вязать новые изделия (3); Я сейчас учусь еще на психолога арт-терапевта... Мне нравится это (4).*

Анализируя обучение и развитие детей мамалансеров, мы заметили разницу в оценке его необходимости. Обычно не посещали никаких занятий дети мам-фрилансеров, которым меньше 3 лет, и дети школьного возраста (мамалансеры объясняют это тем, что у них высокая нагрузка в школе); все дети мам-фрилансеров детсадовского возраста посещают различные кружки (танцы, бассейн, футбол). Мы пришли к выводу, что для мам-фрилансеров в одинаковой мере важно развитие своих детей и свое собственное.

Репрезентация семьи и работы в публичном пространстве

В рамках контент-анализа страниц мамалансеров в социальной сети мы выяснили, как они репрезентируют семью и работу, что сообщают аудитории через изучение публикуемых на страницах постов и списка сообществ, в которых они состоят.

Мамы-фрилансеры охотнее демонстрируют свою профессиональную деятельность, нежели личную жизнь: среднее число проанализированных постов на стене мамалансеров, посвященных теме семьи, — 22 %, посвященных работе — 30 %. Только у 5 информанток больше половины записей связаны с работой, остальные крайне редко пишут о работе и семье. Лишь у одного мамалансера большинство постов (53 %) были связаны с темой семьи.

Анализ сообществ, в которых состоят мамалансеры, показал, что они посвящены преимущественно нейтральным темам, не связанным ни с семьей, ни с работой. Редко встречались случаи, когда сообщества связаны только с работой

или только с семьей. Среднее количество сообществ с семейной проблематикой — 11 %, связанных с профессиональной деятельностью — 29 %. Число нейтральных записей и сообществ — 48 и 60 % соответственно.

Результаты изучения репрезентации мамалансеров в социальной сети показали, что профессиональная деятельность отображается на их страницах гораздо чаще, чем тема семьи и материнства. Репрезентация в публичном пространстве не совпадает с высказываниями мамалансеров в интервью о балансе. Так, для многих информанток семья важнее работы, но упоминаний о семье на страницах пользователей меньше, чем о работе. Мы объясняем этот факт тем, что мамы-фрилансеры не хотят демонстрировать свою личную жизнь и детей, а публикация информации о своей профессиональной деятельности в социальных сетях может привлечь новых клиентов.

Жизненные ценности мам-фрилансеров

В ходе глубинных интервью мамам-фрилансерам задавался вопрос о жизненных ценностях. Большинство мамалансеров назвали главной ценностью семью (дети, отношения в семье, здоровье ее членов). После семейных ценностей информантки называли работу, самореализацию и саморазвитие, общественное признание, материальный достаток, свободу и творчество: *Семья — это главная жизненная ценность, и здоровье, и благополучие какое-то семейное и душевное. Ну, а дальше — это, конечно, как и всем нам хочется, материальный достаток, целеустремленность, саморазвитие (7); Семья, самое главное — здоровье семьи, а потом уже и работа, успешность, бизнес, потому что все идет от семьи (12).*

У некоторых мамалансеров была четко выражена трансформация ценностей, связанная с рождением детей: если до рождения ребенка у них преобладали ценности занятости и работы, то после рождения детей стали превалировать семейные. Встречалась обратная трансформация, когда семейные ценности сменялись на важность самореализации и карьерного роста. Такие изменения были связаны с взрослением детей: они не нуждались в постоянном уходе, и мамалансеры все больше отдавали приоритет своему развитию в работе, карьере.

Жизненные ценности мамалансеров в целом не отличаются от «общероссийских». Сравнив результаты опроса ВЦИОМ о ценностных ориентациях россиян [Жизненные приоритеты россиян... , 2017] с информацией из интервью, мы обнаружили совпадения. Прежде всего они касались важности здоровья, отношений в семье и безопасности. Большинство мам-фрилансеров ставили эти ценности в первую тройку рейтинга. Мнения о наименее важных ценностях также совпали: в конце рейтинга оказались такие позиции, как участие в общественной и политической жизни и продвижение по карьерной лестнице.

Представление мамалансеров об успехе

Определяя «успех», никто из мамалансеров не связывал его только с семьей, а половина считают, что баланс профессиональной деятельности и семьи — и есть успех: *Это, наверное, такой баланс всего и сразу: это и хорошая атмосфера в семье и самореализация, когда ты добился того, чего ты хотел*

действительно (7). Некоторые мамы-фрилансеры связывали успех с личной самореализацией, профессионализмом и финансовым благосостоянием, никак не связывая с семейной жизнью и детьми. Редко мамалансеры определяли успех как достижение поставленных целей, но сами цели могут быть связаны только с профессиональной деятельностью или с балансом семьи и работы.

Для мамалансеров в целом успехом в жизни являются семейные, личностные и профессиональные аспекты жизни в совокупности: *Это то, что у меня есть, — семья; это то, что есть возможность развиваться и как специалисту, и как человеку; признание людей, друзей и клиентов; признание членами семьи (1).*

Говоря обобщенно, успех определяется мамалансерами как достижение поставленных целей, направленных на семью, определенный финансовый достаток, саморазвитие и профессионализм, при сохранении баланса между этими составляющими. Успешный фрилансер, по их мнению, это опытный специалист, который занимается любимым делом и отвечает за качество своих услуг, обладает высоким заработком и большой клиентской базой, при этом у него достаточное количество свободного от работы времени. Успешная мама — это та, которая занимается детьми и работой, не забывая про себя как личность, и у нее счастливые дети, которым она может помочь реализоваться в будущем.

Изучение ценностных ориентаций и успешности мамалансеров мы связали с анализом планов на будущее. Все озвученные участницами исследования планы мы разделили на 3 группы:

- 1) семейные (новая или дополнительная жилплощадь, рождение еще одного ребенка, совместный семейный отпуск);
- 2) профессиональные (расширить и официально оформить бизнес, развиваться как специалист, повысить заработок, иметь финансовую стабильность);
- 3) личные (самореализация, получение высшего образования, занятия спортом, получение водительских прав и покупка автомобиля).

У некоторых мамалансеров профессиональные планы пересекаются с семейными: в будущем они планируют организовать со своими супругами совместный бизнес. Отметим, что у многих мамалансеров нет личных планов на будущее, которые не касаются работы и семьи, а половина информанток не рассказали о своих профессиональных планах вообще.

Основные выводы

Мы предприняли попытку описать особый тип фрилансеров — мамы-фрилансеры, или мамалансеры — женщин, имеющих детей и сочетающих фриланс как оплачиваемую занятость с уходом за детьми. Зачастую мамалансеры пришли в фриланс в результате добровольного решения, но для некоторых это было вынужденной мерой — способом заработка. Для мамалансеров фриланс является возможностью сделать свои увлечения источником дохода, способом освоить новую профессию, создать собственный проект. Важное преимущество свободной занятости, по мнению мам-фрилансеров, — возможность создавать баланс между оплачиваемой работой и заботой о детях, но, несмотря на это, им не всегда хватает времени на семейные обязанности.

Недостатками фриланса мамалансеры традиционно, как и фрилансеры, считают нестабильность и непредсказуемость будущих доходов, но в целом

их устраивает работа, поэтому они планируют официально зарегистрировать свою деятельность.

Трудовые ценности мамалансеров отличаются от ценностей российских фрилансеров (по данным их всероссийской переписи): они в большей степени ценят интересную работу с удобным графиком и хорошей оплатой. Главная жизненная ценность современных мамалансеров — семья и дети. Представления об успехе у мам-фрилансеров связаны в основном с субъективными факторами — счастливой семьей, ребенком, самореализацией и др.

Установленные в стиле жизни мам-фрилансеров различия позволили выявить типологию мамалансеров: вынужденные, совместители, «декретные» и «чистые».

Полагаем, что представленные результаты и выводы являются одной из первых попыток осмыслить сформированный сегодня тип занятых и социальную группу — мамалансеров. Продолжение исследований образа жизни мам-фрилансеров, способов работы, стратегий материнства и пр., а также детальный анализ типов мамалансеров позволит понять, как социетальные, социальные, институциональные и локальные изменения отражаются на положении женщины в российском обществе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список информанток

1. Альбина, 33 г. Два ребенка, 5 и 7 лет. Оказывает юридические услуги для онлайн-бизнеса: помогает выстраивать безопасные и защищенные интернет-проекты. Фрилансер.

2. Виктория, 36 лет. Один ребенок, 2 г. 4 мес. На 4-м месяце беременности. Парикмахер-колорист, делает женские прически, стрижки и окрашивание у себя на дому. Совместитель. Официально трудоустроена в ювелирном магазине. Находится в отпуске по уходу за ребенком.

3. Екатерина, 30 лет. Два ребенка, 5 с половиной лет и 1 г. 7мес. Занимается вязанием на заказ, считает это больше своим хобби. Официально работает инженером в военной организации. Находится в отпуске по уходу за ребенком.

4. Екатерина, 33 г. Два ребенка, 6 лет и 4 г. Аэродизайнер (создает фигуры из воздушных шаров). Учится на арт-психолога. Фрилансер.

5. Елена, 28 лет. Один ребенок, 1 г. 4 мес. Лэшмейкер (мастер по ресницам). Совместитель. Официально трудоустроена в банке. Находится в отпуске по уходу за ребенком.

6. Анастасия, 25 лет. Два ребенка, 7 лет и 4 мес. Мастер маникюра. Фрилансер.

7. Анастасия, 23 г. Два ребенка, 8 лет и 2 г. Занимается вязанием игрушек на заказ. Фрилансер.

8. Наталья, 41 г. Два ребенка, 16 и 6 лет. Занимается транскрипцией аудио в текст, заполнением групп в соцсетях и др. Фрилансер.

9. Наталья, 30 лет. Один ребенок, 5 лет. Куратор сообщества для мам в социальной сети «Instagram». Запускает новый онлайн-проект о развитии детей (вебинары, онлайн-семинары и т. д.). Фрилансер.

10. Наталья, 22 г. Один ребенок, 2 г. 8 мес. Менеджер смс-флешмобов — поздравлений с помощью смс-рассылки. Совмещает официальную работу психологом в отделении временного проживания с фрилансом. Фрилансом начала заниматься во время декретного отпуска.

11. Ольга, 32 г. Один ребенок, 2 г. 10 мес. Автор онлайн-школы развития способностей у детей и их родителей. Креативный психолог. Занимается написанием на заказ статей для журналов в рамках развития творческих способностей. Официально трудоустроена в университете. Находится в отпуске по уходу за ребенком.

12. Ольга, 27 лет. Один ребенок, 1 г. 11 мес. Фотограф. Официально трудоустроена в банке менеджером. Находится в отпуске по уходу за ребенком.

13. Роза, 26 лет. Один ребенок, 1 г. 8 мес. SMM-специалист, занимается маркетингом и продвижением различных проектов в соцсетях. Фрилансер.

14. Татьяна, 26 лет. Один ребенок, 4 г. Визажист-парикмахер и мастер маникюра. Фрилансер.

Библиографический список

- Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество?: опрос ВЦИОМ 7 июня 2017 г. 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264> (дата обращения: 12.01.2018).
- Женский фриланс форум «Мама-фрилансер». URL: <https://freelancemama.ru/> (дата обращения: 12.01.2018).
- Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 29—40.
- Магун В. С. Динамика трудовых ценностей российского населения (1991—2007) // Социально-трудовые отношения: проблемы и перспективы: материалы Первого германо-российского форума «Формирование социальной политики». М., 2009. С. 88—101.
- Русскоязычная биржа удаленной работы Fl.ru. URL: <https://www.fl.ru> (дата обращения: 09.10.2017).
- Сайт для поиска работы Jooble. URL: <https://ru.jooble.org/> (дата обращения: 12.01.2018).
- Сервис поиска удаленной работы Freelance.ru. URL: <https://freelance.ru/> (дата обращения: 12.01.2018).
- Стребков Д. О., Шевчук А. В. Мониторинг рынка удаленной работы — масштабный количественный онлайн-опрос независимых профессионалов (фрилансеров) и заказчиков их услуг: исследование в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.: проект ТЗ-156. 2014. URL: <https://www.hse.ru/org/projects/124122620> (дата обращения: 12.01.2018).
- Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 89—106.
- Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 14—26.
- Mamalancer. Работа в декрете и в Интернете. Сообщество в социальной сети «В контакте». URL: <https://vk.com/mamalancer> (дата обращения: 12.01.2018).
- MAMALANCER.RU — первая в Рунете профессиональная биржа, предназначенная для мам-фрилансеров. URL: <http://mamalancer.ru/> (дата обращения: 12.01.2018).
- World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 15.01.2018).

References

- Chernova, Zh. V., Shpakovskaia, L. L. (2013) Diskursivnye modeli sovremennoego rossiiskogo roditel'stva [Discursive models of modern Russian parenting], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 14—26.
- Klimenko, L. V., Posukhova, O. Iu. (2017) Gendernye aspekty prekariatizatsii truda v rossiiskom obshchestve [Gender aspects of precarization of labour in Russian society], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 29—40.
- Magun, V. S. (2009) Dinamika trudovykh tsennosteĭ rossiiskogo naseleniia (1991—2007) [Dynamics of labor values of the Russian population (1991—2007)], *Sotsial'no-trudovye otnosheniia: problemy i perspektivy: Materialy Pervogo Germano-Rossiiskogo foruma "Formirovanie sotsial'noi politiki"*, Moscow, pp. 88—101.
- Mamalancer. *Rabota v dekrete i v Internetе. Soobshchestvo v sotsial'noi seti "V kontakte"* (2018) [Mamalancer. Work on maternity leave and on the Internet. Community in the social network "In Contact"], available from <https://vk.com/mamalancer> (accessed 12.01.2018).
- MAMALANCER.RU — *pervaia v Runete professional'naia birzha, prednaznachennaia dlia mam-frilanserov* (2018) [MAMALANCER.RU — the first professional exchange in Runet designed for freelance moms], available from <http://mamalancer.ru/> (accessed 12.01.2018).
- Strebkov, D. O., Shevchuk, A. V. (2014) *Monitoring rynka udal'noi raboty — masshtabnyi kolichestvennyi onlain-opros nezavisimyykh professionalov (frilanserov) i zakazchikov ikh uslug* [Remote work market monitoring — a large-scale quantitative online survey of independent professionals (freelancers) and customers of their services], available from <https://www.hse.ru/org/projects/124122620> (accessed 12.01.2018).
- Strebkov, D. O., Shevchuk, A. V., Spirina, M. O. (2016) Samostoiatel'naia zaniatost' na rynke udal'noi raboty: rasprostraneniie innovatsionnoi trudovoi praktiki [Self-employment in the remote work market: spreading innovative labor practices], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 89—106.
- Zhiznennye priority rossiian: sem'ia, den'gi ili tvorchestvo?* (2017) [Life priorities of Russians: family, money, or creativity?], available from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264> (accessed 13.02.2020).

Статья поступила 15.06.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Харченко Вера Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, verakharchenko@yandex.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation).

Кожевникова Елена Валерьевна — бакалавр социологии, магистр педагогического образования, воспитатель детского сада № 5, г. Березовский, Свердловская область, Россия, lenakozhevnikova1994@gmail.com (Bachelor of Sociology, Master of Pedagogical Education, Teacher of the Kindergarten № 5, Berезovsky, Sverdlovsk Region, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 103—114
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.9

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 103—114
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.9

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РАБОТАЮЩИХ МАТЕРЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Т. В. Блинова, А. А. Вяльшина

Институт аграрных проблем, Российская академия наук,
г. Саратов, Россия, ruandre@mail.ru

Исследуются проблемы взаимного влияния оплачиваемой занятости и материнства, анализируются различия в позициях сельских и городских женщин, имеющих детей, на рынке труда. Показано, что вероятность незанятости повышается вместе с увеличением числа детей в семье. Сделан вывод о высокой обеспокоенности сельских женщин риском потери работы, сложностями трудоустройства и низким материальным благополучием семей. Вместе с тем работающие матери, проживающие в сельской местности, в большей степени удовлетворены жизнью, чем горожанки. Эмпирической базой исследования являются данные 26-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Сделан вывод о необходимости усиления социальной защищенности женщин, имеющих детей, расширения возможностей их трудоустройства и развития рынка социальных услуг в сельской местности.

Ключевые слова: женщина, дети, занятость, тревоги и ожидания, риск потери работы, удовлетворенность, сельская Россия.

WORKING MOTHERS' SOCIAL WELL-BEING: PRESENT-DAY PROBLEMS

T. V. Blinova, A. A. Vyal'shina

Institute of Agrarian Problems, Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russian Federation, ruandre@mail.ru

The article investigates problems of combining paid employment and maternity. The theoretical approaches presented in the economic and sociological literature explaining the conflict of social roles of women's "work and maternity" are analyzed. The differences in the positions of rural and urban mothers with children in the labor market are estimated. The empirical base of the study is the data of 26 waves (2017) of the Russian Longitudinal Monitoring Survey RLMS-HSE. The article discusses the socio-demographic and economic factors that promote and hinder the effective combination of work and motherhood. It is noted that discrimination of working mothers in the labor market is not a new form of social inequality. It is shown that the risk of unemployment increases with the increase in the number of children in the family. It is concluded that rural women are highly concerned about the risks of job

loss, difficulties in employment and low material well-being of families. At the same time, working mothers living in rural areas are more satisfied with life than urban women. It is concluded that it is necessary to strengthen the social protection of women with children, increase their employment opportunities and develop the social services market in rural areas.

Key words: women, children, employment, anxieties and expectations, risk of job loss, satisfaction, rural Russia.

Постановка проблемы

Исследованию проблем взаимного влияния профессиональной занятости женщин, рождаемости, материнства посвящены работы российских и зарубежных авторов, среди которых социологи, экономисты, демографы [Векилова и др., 2018; Калабихина, 2017; Исупова, 2015; Григорьева и др., 2014; Савинская, 2011; Strain, 2016; Fang, 2013; Duflo, 2012]. Предметами дискуссий выступают как проблемы совмещения материнства и оплачиваемой занятости, так и сложности трудоустройства матерей, их дискриминация на рынке труда, конфликт социальных ролей. Кроме того, анализируются возможности совмещения семьи и работы, оценивается потенциал фертильности работающих женщин.

С точки зрения демографов, профессиональная занятость женщин влияет на сокращение числа детей в семье. Зарубежные авторы считают, что спад рождаемости в развитых странах объясняется в том числе низким уровнем гендерного равенства и недостаточной поддержкой работающих матерей, воспитывающих детей [McDonald, 2013]. Анализируя влияние гендерной революции на рождаемость, исследователи приходят к выводу, что в тех странах, где домашнюю занятость работающих матерей удалось снизить, рождаемость сократилась в меньшей степени, а там, где женщина несет непомерную двойную нагрузку, спад рождаемости оказался более высоким [Frejka et al., 2018].

По данным социологов, наличие детей до трехлетнего возраста существенно сокращает шансы выхода женщины на рынок труда [Карабчук, Нагерняк, 2013]. Более того, работающие матери уступают в конкурентной борьбе за рабочее место не только мужчинам, но и женщинам без детей. Женщины, имеющие малолетних детей, ниже позиционируются на рынке труда, их выталкивают в сегмент низкооплачиваемой занятости и неформальный сектор, они подвергаются дискриминации при приеме на работу и увольнении [Исупова, 2015]. Исследователями выявлены типы дискриминационного поведения работодателей в отношении работающих матерей, среди которых настоятельные «просьбы» уволиться по собственному желанию, предложения «откупных» за увольнение, «выдавливание» после возвращения на работу [Калабихина, 2017]. Авторы приходят к выводу, что «в современной России общество постепенно избавляется от мифов о гендерном равенстве» [Хасбулатова, 2018: 57].

Выход большинства матерей с детьми на рынок труда мотивирован не только планами профессиональной самореализации, но и крайней необходимостью дополнительного дохода для пополнения семейного бюджета. Вместе с тем экономисты считают, что с рождением ребенка повышается риск незанятости женщин, а частичная утрата профессиональной квалификации затрудняет

возможности трудоустройства [Пишняк, 2015]. Как пишет Л. С. Ржаницына, репродуктивные ситуации: беременность, роды, появление новорожденного — делают женский труд менее выгодным для работодателя при наличии свободных мужских рабочих рук. В период кризиса «женщина становится первым кандидатом на увольнение, несмотря на относительную дешевизну ее рабочей силы» [Ржаницына, 2012: 44].

Неравенство и дискриминация работающих матерей на рынке труда являются не новыми, а традиционными формами социального неравенства, актуальные аспекты которого находятся в центре внимания российских ученых. Вместе с тем изучению проблем сельских женщин, стремящихся работать, совмещая заботы по дому, уход за детьми и профессионально-трудовые функции, в социологической и экономической литературе уделяется значительно меньше внимания. Наше исследование посвящено проблемам занятости сельских матерей, имеющих несовершеннолетних детей. Его задачи — выявление сельско-городских различий в позициях на рынке труда, проведение сравнительного анализа субъективного восприятия риска потери работы и возможностей дальнейшего трудоустройства, сопоставление степеней удовлетворенности работой и жизнью сельчанок и горожанок с детьми.

Методы и информационная база исследования

Информационную базу исследования составляют результаты 26-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2017 г. [Российский мониторинг... , 2018]. Анализ многомерных распределений проводился с использованием пакета статистической обработки данных STATISTICA Advanced for Windows 10.0.

В сформированной в соответствии с целями исследования выборке представлены 1502 женщины с несовершеннолетними детьми в семье, из них 976 матерей на момент опроса имели оплачиваемую занятость (65,0 %), остальные 526 (35,0 %) — не были трудоустроены. В составе работающих матерей 757 проживали в городской местности, а 219 в сельской. Сравнительный анализ показывает, что возрастная структура занятости опрошенных женщин сходна как в городской, так и сельской местности. В составе занятых матерей доля лиц 20—29 лет составляет 11,1 % в городе и 11,4 % в селе, 30—39 лет — 49,7 и 49,8 %, а 40—49 лет — 35,4 и 34,7 % соответственно. Брачный статус женщин в значительной степени определяет стратегии жизнеобеспечения домохозяйств и влияет на глубину конфликта между оплачиваемой занятостью и материнством. Незамужние женщины составляют 7,4 % в городе и 7,8 % в селе, находящиеся в гражданском браке — 11,4 и 11,9 % соответственно. Значительные численные различия наблюдаются среди состоящих в официальном браке и разведенных женщин. В сельской местности удельный вес женщин, состоящих в официальном браке, выше, чем в городской (70,8 и 64,1 %), в то время как в городе больше, чем в селе, разведенных (14,0 и 6,8 %).

Городских работающих матерей с несовершеннолетними детьми отличает более высокий уровень образования. Почти каждая вторая имеет высшее образование (49,1 %), около 24,2 % — среднее профессиональное, 16,9 % — начальное профессиональное. В сельской местности высшее образование только

у 30,2 % работающих матерей, среднее профессиональное — у 32,2 %, начальное профессиональное — у 18,1 %. Важно отметить, что в городе в два раза ниже доля работающих женщин, не имеющих профессии. Уровень полученного образования влияет на профессионально-квалификационный и должностной состав занятости женщин. Среди городских работающих женщин удельный вес руководителей выше, чем среди сельских (6,5 и 4,8 % соответственно). В сельской местности больше доля женщин — неквалифицированных работниц по сравнению с городом (11,9 и 4,3 % соответственно).

Результаты исследования

Структура детности работающих матерей. Исследования показали, что работающие женщины, проживающие в сельской местности, имеют большее количество детей, чем городские женщины.

Как следует из данных, среднее число детей в сельских семьях, где матери работают, составляет 1,97, в то время как в городских только 1,63. При этом одного ребенка имеют 55,3 % сельских семей и 68,4 % городских, двоих детей — 37,9 и 27,2 % соответственно. Удельный вес многодетных работающих матерей низок: 6,8 % в сельской местности, 4,4 % в городской. Риск незанятости женщин повышается как в городе, так и в селе вместе с увеличением числа детей в семье, особенно высоким он является для трехдетных (многодетных) матерей. Полученные эмпирические результаты согласуются с данными других авторов, показывающими, что риск незанятости существенно возрастает с появлением третьего ребенка [Пишняк, 2015].

Структура занятости работающих матерей. Россия относится к странам с традиционно высоким уровнем занятости женщин (60,1 %) [Российский статистический ежегодник, 2018: 110]. При этом в городах, особенно крупных, больше женщин, ориентированных на работу, профессиональную самореализацию, выше уровень женской занятости. Причинами выступают, во-первых, более диверсифицированная структура рабочих мест в городе, обеспечивающая возможность выбора сферы приложения труда, во-вторых, относительно высокая доступность социальных услуг по уходу за детьми, детских садов и ясельных групп, в-третьих, отличающее городских женщин стремление к карьерному росту. Для сельской местности характерны как более узкая сфера приложения труда и ограниченное число свободных рабочих мест для женщин, так и недостаточно развитая инфраструктура поддержки материнства и детства.

Данные проведенного исследования показывают, что в городе выше доля женщин, имеющих работу (67,4 %), по сравнению с сельскими поселениями (57,8 %). Однако в обоих случаях вместе с ростом числа детей в семье доля работающих матерей сокращается (табл. 1).

В сельской местности работают 62,7 % однопородных матерей, 61,5 % двухдетных и 29,4 % многодетных. В составе городских женщин доля работающих выше, но она также снижается с увеличением числа детей в семье — 73,4 % однопородных женщин, 60,4 % двухдетных и 43,4 % многодетных. При этом среди многодетных женщин велика доля тех, кто находится в отпуске по уходу за ребенком, что повышает риск незанятости. В отличие от города, в сельской местности выше процент матерей, не имеющих работы. Так, примерно каждая третья

сельская женщина на момент опроса не была трудоустроена, в то время как в городе — только каждая пятая. Максимальная доля женщин, не имеющих работы, приходится на сельских многодетных матерей (56,9 %), что объясняется, как их загруженностью домашним хозяйством и обязанностями воспитания детей, так и слабым развитием социальной инфраструктуры в сельской местности, особенно сектора бытовых услуг.

Таблица 1

**Занятость женщин в зависимости от количества детей
в семье и места проживания, %**

	Город			Село		
	Один ребенок	Два ребенка	Три ребенка и более	Один ребенок	Два ребенка	Три ребенка и более
Вы сейчас работаете	73,5	60,4	43,4	62,7	61,4	29,4
Вы находитесь в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком	7,9	15,2	25,0	3,1	11,9	13,7
Вы находитесь в другом отпуске, оплачиваемом или неоплачиваемом	0,5	0,6	1,3	0,0	0,0	0,0
У Вас сейчас нет работы	18,1	23,8	30,3	34,2	26,7	56,9

Проблемы профессиональной сегрегации, когда женский труд сосредоточен в определенных отраслях с более низкой оплатой (торговля, сервис, образование, здравоохранение, легкая промышленность), неоднократно обсуждались в литературе [Ржаницына, 2012]. По результатам нашего исследования, в здравоохранении, образовании, торговле, бытовом обслуживании, легкой и пищевой промышленности работают 63,6 % городских женщин и 58,0 % сельских. Рассматривая структуру занятости по видам экономической деятельности, следует отметить более высокую долю городских женщин, работающих в промышленности (13,4 %), строительстве, транспорте и связи (8,2 %), торговле и бытовом обслуживании (30,9 %). В сельской местности гораздо выше удельный вес занятых в сельском хозяйстве (6,8 %). Значительная доля сельских матерей занята в бюджетных сферах — образовании (22,4 %), здравоохранении (11,4 %), культуре (7,8 %), отличающихся низкой оплатой труда.

Уровень оплаты труда и финансовые возможности семей. Концентрация в городах рабочих мест с лучшими условиями найма определяет более высокую заработную плату городских работающих матерей по сравнению с сельскими. По данным опроса, среднегодовая зарплата работающей матери в городе достигала 24 613 руб., в то время как в сельской местности только 16 971 руб. Отношение средней зарплаты работающей матери к величине прожиточного минимума трудоспособного населения составляет в городе 2,35, в сельской местности — 1,62*. Значительный разрыв в уровнях оплаты труда городских и сельских работающих матерей влияет на различие финансовых возможностей

* Величина прожиточного минимума на момент опроса (IV квартал 2016 г.) для трудоспособного населения по Российской Федерации составляла 10 466 руб. (<https://www.fedstat.ru/indicator/30957>).

семей с несовершеннолетними детьми. Члены сельских домохозяйств чаще отмечают, что имеют средства для улучшения жилищных условий. Это объясняется более низкими ценами на жилье из-за слабого развития сельского рынка недвижимости. Полученные данные показывают, что правильно питаться (хотя бы через день есть мясо, курицу или рыбу) могут позволить себе 93,8 % городских домохозяйств и 84,5 % сельских. Оплачивать дополнительные занятия с детьми в состоянии 81,9 % городских и 75,3 % сельских семей, но обучение ребенка в вузе имеют возможность финансировать только 21,9 и 20,1 % семей. Еще меньше семей могут себе позволить откладывать деньги на крупные покупки (17,4 % городских и 15,5 % сельских). Значительные различия между сельскими и городскими домохозяйствами проявляются в возможностях оплаты летнего отдыха: 37,6 % городских и 21,9 % сельских семей ответили, что у них есть средства, чтобы провести отпуск с детьми на российском курорте. Гораздо ниже удельный вес тех, кто имеет возможность оплатить отпуск за границей — 19,7 % городских семей и только 7,3 % сельских. Полученные данные свидетельствуют о более низком уровне жизни сельских семей с работающей матерью и несовершеннолетними детьми по сравнению с городскими.

Тревоги и ожидания сельских женщин. Для работающих сельских матерей характерен высокий уровень беспокойства о будущем финансовом положении семьи, потере работы и сложностях последующего трудоустройства. Так, 80,8 % опрошенных волнуются о том, смогут ли они обеспечивать свою семью самым необходимым, среди городских женщин эта доля меньше, но тоже велика (74,2 %). Прежде всего различия обусловлены более низким уровнем доходов сельских домохозяйств и ограниченным числом высокооплачиваемых рабочих мест в сельской местности. Наличие детей является фактором усиления беспокойства не только о материальном благополучии семьи, но и о потере работы, поиске новой в случае увольнения. Испытывают беспокойство по поводу возможной потери работы 69,8 % сельских и 63,3 % городских женщин. При этом только 23,7 % сельских и 42,6 % городских женщин думают, что в случае увольнения смогут найти работу не хуже нынешней. Кроме того, среди сельчанок в 2,5 раза выше доля тех, кто совершенно не уверен в том, что сможет найти новую работу (26,7 % сельских и 10,6 % городских работающих матерей).

Сельские женщины предпочитают стабильную занятость, большинство из них работают на предприятиях государственной формы собственности (65,8 %), в то время как большая часть горожанок заняты в организациях частной собственности (57,6 %). За последний год не меняли работу 85 % сельских и 80 % городских женщин. В поиске подходящей вакансии в течение последнего года находились 10,0 % сельчанок и 15,9 % горожанок. Сельчанки реже меняли как работу, так и профессию, что объясняется не только особенностями сельского рынка труда с ограниченным числом рабочих мест, но и консервативным укладом сельской жизни. Тем не менее результаты исследования показывают, что каждая шестая опрошенная женщина хотела бы найти другую работу (17,4 % сельских работающих женщин и 16,8 % горожанок).

Удовлетворенность работой и жизнью. Исследователи отмечают, что «удовлетворенность трудом — сложный психологический феномен с многокомпонентной структурой, способной динамично изменяться как в связи с личностным

развитием человека, так и в силу воздействий внешней среды» [Сунгурова, Ильина, 2019: 53]. Степень удовлетворенности работой отражает меру соответствия реальных возможностей, предоставляемых экономикой региона и структурой рабочих мест, трудовым предпочтениям женщин с детьми. Диверсификация городского рынка труда, наличие свободных рабочих мест, лучшая оплата труда обуславливают более высокую удовлетворенность городских женщин условиями найма по сравнению с сельскими. Около 66,8 % городских женщин, имеющих несовершеннолетних детей, в целом удовлетворены своей работой, в том числе 17,7 % полностью удовлетворены, среди сельских женщин довольны работой 65,8 %, из них 16,0 % полностью удовлетворены (табл. 2).

Таблица 2

**Степень удовлетворенности матерей работой
и жизнью, доля ответивших «в целом удовлетворена»**

Степень удовлетворенности	Город	Село
Работой в целом:		
полностью удовлетворена	17,7	16,0
скорее удовлетворена	49,1	49,8
Условиями труда:		
полностью удовлетворена	18,8	15,5
скорее удовлетворена	50,9	48,4
Возможностями профессионального роста:		
полностью удовлетворена	11,6	13,2
скорее удовлетворена	37,0	33,3
Оплатой труда:		
полностью удовлетворена	8,7	5,9
скорее удовлетворена	25,9	19,2
Материальным положением семьи:		
полностью удовлетворена	1,6	0,5
скорее удовлетворена	15,9	13,7
Жизнью в целом:		
полностью удовлетворена	9,5	11,0
скорее удовлетворена	41,7	44,3

Из данных таблицы 2 видно, что городские работающие женщины по сравнению с сельскими в большей степени удовлетворены условиями труда (69,7 и 63,9 % соответственно) и возможностями профессионального роста (48,6 и 46,5 %). Однако удовлетворенность заработной платой является низкой как в городской, так и сельской местности: ею довольны только 34,6 % горожанок и 25,1 % сельчанок. При этом каждая третья работающая сельская женщина не очень довольна оплатой своего труда (33,4 %), 12,8 % она совсем не устраивает. Низкий уровень заработной платы влияет, в свою очередь, на низкую удовлетворенность сельских женщин материальным положением своих семей — около 30,6 % не очень удовлетворены, 33,4 % совсем не удовлетворены.

Вместе с тем среди сельских женщин по сравнению с городскими выше доля тех, кто в целом удовлетворены своей жизнью, — около 55,3 % работающих

сельчанок и 51,2 % горожанок. При низких субъективных оценках материального положения семей, недовольстве заработной платой и опасениях потери работы сельчанки демонстрируют высокую степень удовлетворенности жизнью в целом. Указанный «парадокс» свидетельствует о более глубоких различиях в системе жизненных ценностей и уровнях «притязаний» и «достижений» городских и сельских женщин. Полученные результаты исследования показывают, что 60,3 % сельских матерей с несовершеннолетними детьми в целом счастливы (11,9 % очень счастливы и 48,4 % довольно счастливы), среди горожанок счастливых (47,1 %) и довольно счастливых (33,2 %) меньше, однако больше очень счастливых (13,9 %). Низкие доходы домохозяйств в меньшей степени повлияли на субъективную оценку удовлетворенности жизнью и ощущение счастья работающих матерей в сельской местности.

Можно предположить, что проявляется «эффект относительности доходов», поскольку сельчане, так же как и горожане, оценивают свой доход относительно близкого окружения (родственники, соседи, знакомые). Влияние на субъективную оценку оказывает социальное сравнение с другими сельчанами (а не горожанами), но в сельской местности большинство жителей, в том числе ближайшие соседи и родственники, живут небогато. Другим объяснением может служить «эффект краткосрочной перспективы», действие которого проявляется в том, что низкие доходы, связанные с временной незанятостью женщины из-за наличия малолетних детей, субъективно оцениваются как временные трудности и не оказывают негативного влияния на общую удовлетворенность жизнью. Еще одним объяснением может оказаться высокая субъективная оценка значимости нерыночных факторов счастья для сельских матерей с несовершеннолетними детьми. В структуре ценностей сельской женщины наибольшую важность всегда имели семья, дети, духовное и физическое здоровье.

В научной литературе обсуждается парадокс Истерлина [Easterlin, 1974], состоящий в том, что, хотя высокие доходы и уровень благосостояния вызывают большую удовлетворенность жизнью, их рост не ведет к пропорциональному повышению уровня удовлетворенности и счастья. Взаимосвязь доходов и субъективной удовлетворенности жизнью не является линейной, прямой и непосредственной. Она обусловлена множеством других условий и факторов, в том числе неэкономических. Экономический вклад в повышение удовлетворенности жизнью и уровня счастья является значительным, но не всеобъемлющим, а рост доходов выступает условием необходимым, но недостаточным. Субъективное благополучие и субъективное ощущение удовлетворенности жизнью зависят о комплекса факторов и условий, причем не только экономических, но и социальных, демографических, психологических, сложившихся как на микро- и мезо-, так и на макроуровне. Однозначная интерпретация выявленного парадокса требует проведения специального исследования и сбора дополнительных данных.

Заключение

Полученные результаты еще раз подтвердили тесную взаимосвязь между занятостью матерей и числом детей: чем больше семья, тем выше риск незанятости женщины как в сельской, так и в городской местности. При этом выход

на рынок труда объясняется не только планами профессиональной самореализации, но и необходимостью дополнительного заработка. Городские работающие матери имеют более высокий уровень образования по сравнению с сельскими, они чаще занимают рабочие места, требующие высокой квалификации, в промышленности, строительстве, транспорте, связи. Максимальное число занятых горожанок сосредоточено в сфере торговли и бытового обслуживания. Сельские работающие матери чаще заняты на работах среднего уровня квалификации (реже высокого) в основном в сельском хозяйстве и бюджетных сферах (образование, здравоохранение, культура).

Сравнительный анализ сельско-городских различий в занятости работающих матерей, имеющих несовершеннолетних детей, позволяет сделать следующие выводы.

1. Указанные различия обусловлены, с одной стороны, особенностями локальных рынков труда, с другой — уровнем образования и профессиональным составом работающих матерей. Сельский рынок труда характеризуется ограниченным числом работодателей, узостью сферы приложения труда, сезонностью многих видов деятельности, отсутствием подходящих рабочих мест для людей с разными трудовыми предпочтениями.

2. Для сельских женщин приоритетом является стабильность занятости, что обуславливает как редкую смену места работы, так и стремление трудоустроиться в организациях государственной формы собственности. Рабочие места, доступные сельским женщинам, отличаются менее благоприятными условиями труда и более низкой заработной платой, чем рабочие места горожанок. Отмечена высокая неудовлетворенность сельских женщин материальным положением своих семей и имеющимися финансовыми ограничениями.

3. Сельские женщины сильнее обеспокоены риском потери работы и в меньшей степени надеются найти новую, что объясняется более низкими инвестициями в человеческий капитал и ограниченностью рабочих мест на сельском рынке труда.

4. Несмотря на материальные проблемы сельских семей, ограниченные возможности трудоустройства, слабое развитие рынка социальных услуг, субъективная удовлетворенность жизнью сельских работающих матерей с несовершеннолетними детьми выше, чем горожанок. В сельской местности больше счастливых женщин.

Кроме того, село сохраняет потенциал роста рождаемости, здесь выше доля женщин, ориентированных на семью и детей. Это обстоятельство важно учитывать при разработке и реализации социальных программ поддержки семей с детьми в России. Необходима система мер, направленных на усиление социальной защищенности женщин, имеющих несовершеннолетних детей, расширение возможностей их трудоустройства и развитие рынка социальных услуг в сельской местности.

Библиографический список

- Векилова С. А., Клецина И. С., Семенова Г. В. Профессиональные и семейные роли женщин в истории многопоколенной семьи // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 140—150.
- Григорьева Н., Дюпра-Куштанова В., Шарова М. Социальная политика в области родительства: сравнительный анализ (Россия — Франция) // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. Т. 12, № 1. С. 21—38.
- Исупова О. Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // *Социологические исследования*. 2015. № 10. С. 185—194.
- Калабихина И. Е. Родительские обязанности и дискриминация в сфере занятости // *Население и экономика*. 2017. Т. 1, № 1. С. 89—116.
- Карабчук Т. С., Нагерняк М. А. Детерминанты занятости для матерей в России // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11, № 1. С. 25—48.
- Пишняк А. И. Возможности и ограничения занятости женщин в Москве // *Народонаселение*. 2015. № 1. С. 69—81.
- Ржаницына Л. С. Россия: методология и практика программно-целевого гендерного бюджета. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 400 с.
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://hse.ru/rlms>; <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (дата обращения: 14.09.2018).
- Российский статистический ежегодник, 2018: статистический сборник. 2018. URL: http://gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm (дата обращения: 07.02.2019).
- Савинская О. Б. Ценность занятости и предпочтения в условиях труда московских матерей дошкольников // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 4. С. 75—87.
- Сунгурова Н. Л., Ильина Е. В. Особенности удовлетворенности трудом и представлений о временной перспективе работающих женщин среднего возраста // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 52—61.
- Хасбулатова О. А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 49—59.
- Duflo E. Women empowerment and economic development // *Journal of Economic Literature*. 2012. Vol. 50, № 4. P. 1051—1079.
- Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot?: some empirical evidence // *Nations and Households in Economic Growth* / ed. by P. A. David, M. W. Reder. New York: Academic Press, 1974. P. 89—125.
- Fang H., Eggleston K. N., Rizzo J. A., Zeckhauser R. J. Jobs and kids: female employment and fertility in China // *IZA Journal of Labor & Development*. 2013. Vol. 2. P. 1—25.
- Frejka T., Goldscheider F., Lappegard T. The two-part gender revolution, women's second shift and changing cohort fertility // *Comparative Population Studies*. 2018. Vol. 43. P. 99—130.
- McDonald P. Societal foundations for explaining low fertility: gender equity // *Demographic Research*. 2013. Vol. 28. P. 981—994.
- Strain A. Discrimination Against Mothers in the Workplace on the Increase. 2016. URL: <https://www.dcslegal.com/news-and-insights/discrimination-against-mothers-workplace-increase> (дата обращения: 14.09.2018).

References

- Duflo, E. (2012) Women empowerment and economic development, *Journal of Economic Literature*, vol. 50, no. 4, pp. 1051—1079.
- Easterlin, R. A. (1974) Does economic growth improve the human lot?: Some empirical evidence, in: David, P. A., Reder, M. W. (eds.), *Nations Are Households in Economic Growth*, New York: Academic Press, pp. 89—125.
- Fang, H., Eggleston, K. N., Rizzo, J. A., Zeckhauser, R. J. (2013) Jobs and kids: female employment and fertility in China, *IZA Journal of Labor & Development*, vol. 2, pp. 1—25.
- Frejka, T., Goldscheider, F., Lappegard, T. (2018) The two-part gender revolution, women's second shift and changing cohort fertility, *Comparative Population Studies*, vol. 43, pp. 99—130.
- Grigor'eva, N., Diupra-Kushtanina, V., Sharova, M. (2014) Sotsial'naiia politika v oblasti roditel'stva: sravnitel'nyi analiz (Rossiia — Frantsiia) [Social policy in the field of parenting and childlessness: a comparative analysis of Russia and France], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 12, no. 1, pp. 21—38.
- Isupova, O. G. (2015) Materinskaia kar'era: deti i trudovye strategii [Maternal career: children and labor strategies], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 185—194.
- Kalabikhina, I. E. (2017) Roditel'skie obiazannosti i diskriminatsiia v sfere zaniatosti [Parental responsibilities and discrimination in employment], *Naselenie i ekonomika*, vol. 11, no. 1, pp. 89—116.
- Karabchuk, T. S., Nagerniak, M. A. (2013) Determinanty zaniatosti dlia materei v Rossii [Employment determinants for mothers in Russia], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 11, no. 1, pp. 25—48.
- Khasbulatova, O. A. (2018) Tekhnologii sozdaniia mifa o ravnopravii polov: sovetskie praktiki [Technologies of gender equality myth creation: Soviet practices], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 49—59.
- McDonald, P. (2013) Societal foundations for explaining low fertility: gender equity, *Demographic Research*, vol. 28, pp. 981—994.
- Pishniak, A. I. (2015) Vozmozhnosti i ogranicheniia zaniatosti zhenshchin v Moskve [Opportunities and limitations of women's employment in Moscow], *Narodonaselenie*, no. 1, pp. 69—81.
- Rzhanitsyna, L. S. (2012) *Rossiia: metodologiia i praktika programmno-tselevogo gendernogo biudzheta* [Russia: methodology and practice of a program-targeted gender budget], Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik, 2018: Statisticheskii sbornik (2018)* [Russian statistical year book, 2018: Statistical book], available from www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm (accessed 07.02.2019).
- Savinskaia, O. B. (2011) Tsennost' zaniatosti i predpochteniiia v usloviakh truda moskovskikh materei doshkol'nikov [Employment value and preferences in working conditions of Moscow mothers of preschoolers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 75—87.
- Strain, A. (2017) *Discrimination Against Mothers in the Workplace on the Increase*, available from <https://www.dcslegal.com/news-and-insights/discrimination-against-mothers-workplace-increase> (accessed 14.09.2018).
- Sungurova, N. L., Il'ina, E. V. (2019) Osobennosti udovletvorĕnnosti trudom i predstavleniia o vremenoĭ perspective rabotaiushchikh zhenshchin srednego vozrasta [Work satisfaction and time outlook peculiarities of working middle-aged women], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 52—61.

- Rossiiskii monitoring ekonomicheskogo polozheniia i zdorov'ia naseleniia Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshiaia shkola ekonomiki"* (2018) [The Russian longitudinal monitoring survey — National Research University "Higher School of Economics" (RLMS-HSE)], available from www.hse.ru/rlms, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (accessed 14.09.2018).
- Vekilova, S. A., Kletsina, I. S., Semenova, G. V. (2018) Professional'nye i semeinye roli zhenshchin v istorii mnogopokolennoi sem'i [Professional and family roles of females in the history of multigenerational family], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 140—150.

Статья поступила 02.12.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Блинова Татьяна Викторовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, Институт аграрных проблем РАН, г. Саратов, Россия, ruandre@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Laboratory for Social Development of Agriculture and Rural Areas, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russian Federation).

Вяльшина Анна Александровна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, Институт аграрных проблем РАН, г. Саратов, Россия, anvyal@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Leading Researcher at the Laboratory for Social Development of Agriculture and Rural Areas, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 115—127
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.10

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 115—127
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.10

ЖЕНЩИНЫ В НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЯХ ТРУДА: СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

А. В. Попов

Вологодский научный центр, Российская академия наук,
г. Вологда, Россия, ai.popov@yahoo.com

Статья посвящена актуальным проблемам женщин в современной России, занятых в неблагоприятных условиях труда. Для достижения поставленной цели качество производственной среды и трудового процесса рассматриваются в контексте субъективного восприятия и объективных обстоятельств, в которых ключевым фактором выступает санитарно-гигиеническая обстановка. Проведенный анализ показал, что неблагоприятные условия труда не только негативно сказываются на состоянии здоровья женщин, но и приводят к недоиспользованию накопленного потенциала, незаинтересованности в результатах своей деятельности, общей социальной пассивности и т. д. В то же время трансформационные процессы в сфере занятости способствуют увеличению числа женщин, работа которых сопряжена с высокой тяжестью трудового процесса, и нарастанию неопределенности в области обеспечения достойных условий труда в целом.

Ключевые слова: условия труда, здоровье женщин, производственный травматизм, женский труд, трансформация занятости, производственная среда.

WOMEN IN UNFAVORABLE WORKING CONDITIONS: SYSTEM PROBLEMS AND NEW CHALLENGES

A. V. Popov

Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences,
Vologda, Russian Federation, ai.popov@yahoo.com

Despite the notable success of the Russian authorities in improving working conditions, a large number of people continue to work in unfavorable conditions. This problem is particularly important when we speak about women, since their status in terms of labor and employment is more vulnerable than that of men. On the one hand, women have many restrictions related to reproductive health, and on the other hand, they are in a state of a “double burden”, when they have to combine paid work and family responsibilities. This fact predetermined the main idea of the article, which is to identify some actual problems of women in modern

Russia who face poor working conditions. In order to achieve this goal, the quality of working environment and work process was considered in the context of subjective perception and objective circumstances, with sanitary conditions being the key factor. The study is based on the official statistics and monitoring data of the qualitative state of labor potential of the Vollogda region population. The analysis showed that unfavorable working conditions not only have a negative impact on women's health, but also lead to underutilization of accumulated potential, lack of career focus, avoidance of creative activity, perception of work as a necessary need, and common social passivity. The reasons for this are closely related to the subjective perception of the environment, where individual labor market behavior has an important role to play. At the same time, transformational processes in the sphere of employment contribute to increasing both the number of women whose work is associated with a high burden of the work process and uncertainty in the area of promoting decent work as a whole.

Key words: working conditions, women's health, occupational injuries, female labor, labor transformation, working environment.

Введение

Когда говорят о проблемах труда и занятости, женщины традиционно рассматриваются в качестве уязвимой группы. Согласно докладом Международной организации труда, на протяжении всей жизни они сталкиваются со множеством препятствий на пути к достойному труду, что отражается не только на возможностях их трудоустройства и перспективах карьерного роста, но и на качестве рабочих мест в целом [Women at Work... , 2016]. В этом отношении большое значение отводится условиям труда, которые оказывают заметное воздействие на репродуктивную и экономическую функции женщин [Providing Safe... , 2009]. Если в первом случае это во многом касается и мужской части населения [Bonde, Storgaard, 2002: 263], то во втором — речь идет о «двойном бремени» женщин, в результате чего им приходится больше времени уделять оплачиваемой и неоплачиваемой работе (в среднем на 50 мин в день) [The Global Gender Gap... , 2016]. Кроме того, выполнение трудовых функций наравне с мужчинами в аналогичных условиях зачастую оборачивается для женщин дополнительными рисками¹, затрагивающими различные стороны жизнедеятельности [Courville et al., 1991; Building Healthy... , 2011].

Как показывает мировая практика, вопросы охраны труда населения, и в частности женщин, являются предметом активного обсуждения в обществе и пристального внимания органов власти. Данное утверждение в полной мере относится и к России, и на настоящий момент можно с уверенностью говорить о том, что за последние 20 лет в этом направлении была проделана действительно большая работа, результатом которой стало заметное улучшение условий труда и снижение производственного травматизма в стране. Об этом свидетельствуют данные официальной статистики, которые, хоть и вызывают определенный скепсис [Тихонова и др., 2012: 106], отчетливо демонстрируют позитивную

¹ Стоит отметить, что еще в начале 2000-х гг. активно применялся гендерно-нейтральный подход к вопросам гигиены и безопасности труда, в соответствии с которым учитывались скорее индивидуальные особенности работников, а не физиологические различия между полами [Охрана труда... , 2004].

динамику. В период 2000—2017 гг. численность пострадавших при несчастных случаях на производстве сократилась с 151,8 до 25,4 тыс. человек, а численность лиц с впервые установленным профессиональным заболеванием — с 9,3 до 4,7 млн человек. В то же время серьезную обеспокоенность вызывает сохранение большой доли работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (45 % среди мужчин и 27 % среди женщин)², негативные последствия которых сложно переоценить. В связи с этим целью данного исследования стало изучение положения российских женщин, находящихся в неблагоприятных условиях труда.

Теоретические основы и методика исследования

Условия труда на протяжении длительного периода являются предметом междисциплинарных исследований, проводящихся на стыке различных общественных наук (экономика, социология, психология, медицина), и преимущественно рассматриваются в качестве детерминирующего фактора здоровья [Johnson, Hall, 1988; Theorell, Karasek, 1996], удовлетворенности работой [Arvey et al., 1989; Erro-Garcés, Ferreira, 2019], производительности труда [Leblebici, 2012], социального самочувствия [Lennon, 1994; Van der Doef, Maes, 1999] и благополучия населения в целом [De Jonge et al., 2000; Grebner et al., 2003]. В результате в академическом сообществе сформировался широкий спектр воззрений на структуру условий труда, количество элементов которой варьируется от нескольких [Loscocco, Spitze, 1990] до десяти и более [Drobníč et al., 2010]. Как правило, к ним относят: санитарно-гигиеническую обстановку, размер заработной платы, безопасность, продолжительность рабочего времени, перспективы карьерного роста, социальную защищенность и т. д. Несмотря на то что в последние годы все большее внимание уделяется социально-психологическим факторам, качество производственной среды остается ключевым звеном в обеспечении благоприятных условий труда и сохранении здоровья работников [Laaksonen et al., 2010: 337]. Вследствие этого фокус настоящего исследования направлен прежде всего на производственную среду, основу которой составляет санитарно-гигиеническая обстановка.

В современной отечественной научной литературе тематика изучения условий труда женщин имеет в основном медико-социальную направленность³ и, как следствие, затрагивает вопросы влияния различных факторов на здоровье работниц (в том числе репродуктивное). При этом в качестве объекта исследования выступают женщины, занятые на конкретном предприятии [Смирнова, 2007; Пичугина, Елисеев, 2011] или в определенной отрасли экономики [Потапенко и др., 2008; Чеботарев, Прохоров, 2012], что позволяет более обоснованно подойти к оценке воздействия тех или иных элементов производственной среды на человека. В рамках же настоящей статьи мы делаем акцент на работающих

² Данные Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).

³ Согласно данным научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU» (май 2019 г.), среди 758 научных работ, в наименовании, аннотации или ключевых словах которых употребляется словосочетание «условия труда женщин», 40 % публикаций относятся к разделу «Медицина и здравоохранение».

женщинах в целом, характеризуя тем самым процессы, протекающие в социуме. С одной стороны, это несколько сужает возможности применения полученных результатов на практике, а с другой — способствует формированию общего представления о положении женщин, находящихся в неблагоприятных условиях труда.

В ходе анализа мы ориентировались не только на объективные оценки состояния производственной среды, которые имеют четкую интерпретацию в нормативно-правовых актах, но и на субъективные. Для этого нами использовались показатели удовлетворенности условиями труда, рассчитываемые на основе данных социологического опроса. Это позволило проследить конкретные взаимосвязи между негативным восприятием женщинами качества производственной среды, что оценивалось нами как неблагоприятные условия труда, и особенностями их поведения.

Информационной базой исследования выступили материалы официальной статистики и данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области⁴. Помимо наличия богатого социологического материала, необходимого для оценки субъективного восприятия условий труда, рассматриваемый регион также характеризуется одними из самых высоких в стране значений показателей производственного травматизма среди женщин (5-е место в 2017 г.) и занятости во вредных и (или) опасных условиях труда (2-е место)⁵, в результате чего многие тенденции здесь выражены более ярко.

Результаты исследования

Субъективное восприятие условий труда. Как было сказано ранее, данные официальной статистики красноречиво свидетельствуют об улучшении условий труда в России. Косвенным подтверждением этого является позитивная динамика субъективного восприятия населением происходящих изменений (табл. 1).

За последние 10 лет в Вологодской области работающие женщины отметили улучшение технической оснащенности, психологического климата в коллективе, безопасности труда и санитарно-гигиенической обстановки, продемонстрировав достаточно схожие взгляды в различных возрастных группах. Рост доли негативных суждений был зафиксирован только в части размера заработной платы (за исключением женщин до 30 лет, ответы которых, напротив, показали ее снижение), что может быть связано с падением реальных доходов населения в последние годы [Гражданское общество..., 2018: 124—125]. Аналогичные тенденции наблюдаются и в отношении мужчин, которые традиционно ниже оценивают условия труда, что находит подтверждение в исследованиях как на региональном, так и на федеральном уровне⁶.

⁴ Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Опросы проводятся в городах Вологде и Череповце, а также в восьми районах области. Метод выборки — районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Выборка квотная по полу и возрасту. Ее объем составляет 1500 человек, ошибка не превышает 3—4 %.

⁵ Данные Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).

⁶ Согласно итогам комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Федеральной службой государственной статистики.

Таблица 1

Динамика положительных ответов работающего населения различных возрастных групп в отношении отдельных элементов условий труда, %

Вариант ответа	Моложе 30 лет		30—49 лет		Старше 50 лет		В среднем	
	2008 г.	2017 г.	2008 г.	2017 г.	2008 г.	2017 г.	2008 г.	2017 г.
	<i>Женщины</i>							
Санитарно-гигиеническая обстановка	53,1	64,4	56,0	66,2	47,3	59,3	53,8	64,7
Безопасность	53,8	61,5	54,3	63,7	52,8	57,0	53,9	62,1
Психологическая обстановка	52,5	55,6	54,2	61,3	44,4	62,8	52,2	60,1
Техническая оснащённость	54,4	58,5	55,7	61,3	48,9	57,0	54,3	60,0
Размер заработной платы	26,7	29,6	35,7	29,0	35,2	29,9	33,1	29,3
	<i>Мужчины</i>							
Санитарно-гигиеническая обстановка	40,6	44,8	42,9	51,6	47,2	42,4	43,2	47,9
Безопасность	43,3	47,6	47,4	50,7	40,3	45,7	44,7	48,8
Психологическая обстановка	43,3	45,8	47,0	51,9	46,5	46,4	45,9	49,2
Техническая оснащённость	47,2	43,4	45,9	54,0	45,1	47,0	46,1	49,9
Размер заработной платы	36,3	30,8	37,1	36,1	39,6	28,3	37,4	33,0

Примечание. Ранее 2008 г. вопрос не задавался.

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод о том, что по состоянию на 2017 г. более половины работающих вологжанок удовлетворены качеством производственной среды (хотя фактически их занятость может быть связана с воздействием вредных или опасных условий труда). Вместе с тем около 35 % женщин негативно воспринимают сложившуюся санитарно-гигиеническую обстановку, что непосредственно сказывается на их жизнедеятельности. Согласно данным опроса:

— они чаще других испытывают проблемы со здоровьем — на 9 % (головные боли, общая слабость, обострение хронических заболеваний и другие недомогания, снижающие возможность нормально работать, однако не требующие больничного листа);

— ощущают незаинтересованность в результатах своей деятельности (невыполнение норм выработки и неудовлетворительное качество выполняемых работ выше на 11 %, допущение срывов в работе — на 10 %);

— недоиспользуют накопленные знания и умения (средний уровень реализации качества трудового потенциала⁷ ниже на 7 %, а субъективная оценка производительности своего труда — на 6 %);

⁷ Более подробно о методике расчета показателя см.: [Леонидова и др., 2018].

— избегают проявления творческих способностей на рабочем месте (случаи отсутствия подачи рационализаторских предложений реже на 56 %);

— воспринимают работу прежде всего как вынужденную необходимость (например, стремление реализовать себя как личность было отмечено только у 24 %, среди тех, кто работает в благоприятных условиях, — у 41 %, желание достичь посредством трудовой деятельности успеха — у 22 против 37 % соответственно);

— характеризуются общей социальной пассивностью (намерение заняться общественно-политической деятельностью встречается реже на 65 %, добиться признания в обществе — на 40 %, расширить круг общения — на 39 %, стать высококлассным специалистом — на 31 %).

Результаты мониторинга также показывают, что неудовлетворенность состоянием производственной среды тесно связана с поведением на рынке труда (табл. 2). С одной стороны, среди данной категории женщин в большей степени распространено использование неформальных каналов трудоустройства, и в частности поиск работы через друзей и знакомых (38,2 против 26,6 % тех, кто позитивно оценивает санитарно-гигиеническую обстановку). Зачастую это приводит к тому, что трудовые отношения с работодателем закрепляются на основе устной договоренности, в результате чего обязательные социальные гарантии по месту работы, предусмотренные ТК РФ, предоставляются им заметно реже (например, оплата временной нетрудоспособности: 66 против 73 %).

Таблица 2

**Субъективное восприятие условий труда и поведение на рынке труда (2017 г.),
% от числа женщин**

Вариант ответа	Восприятие производственной среды	
	как неблагоприятной	как благоприятной
	<i>Как Вы устроились на последнюю работу?</i>	
Через государственную службу занятости	11,6	14,7
Через кадровое агентство	9,4	13,3
Через родственников	12,0	16,4
Через друзей и знакомых	38,2	26,6
Разместили/увидели рекламное объявление	17,8	15,1
Другое	11,0	13,9
	<i>Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации?</i>	
Да, работаю по схожей специальности	39,8	57,2
Нет, работаю по другой специальности	44,9	34,7
Не получала специальности	15,3	8,1
	<i>Соответствует ли Ваша профессия (основная работа) Вашим способностям и склонностям?</i>	
Да	39,1	63,4
Нет	30,5	15,2
Затрудняюсь ответить	30,5	21,3

С другой стороны, неблагоприятная производственная среда может являться следствием работы не по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации, впрочем, как и несоответствия профессии способностям и склонностям в целом. И в том и в другом случае женщины более позитивно оценивают санитарно-гигиеническую обстановку, если выбранный род деятельности согласуется с их образовательным профилем и внутренней предрасположенностью к ней. Похожим образом обстоят дела и в отношении женщин с высоким уровнем образования, которые, как правило, могут рассчитывать на сравнительно лучшие условия труда. Так, подавляющее большинство вологжанок, удовлетворенных состоянием производственной среды, имеют высшее профессиональное образование (51 %), в то время как в обратной ситуации — начальное профессиональное образование или ниже (41 %).

В общем и целом женщины, находящиеся в неблагоприятных условиях производственной среды, относят данный фактор к числу важнейших барьеров реализации трудового потенциала (после несправедливого начисления заработной платы и отсутствия интереса к работе), а ухудшение состояния здоровья — к одной из основных причин, по которым они могут потерять работу.

Объективная сторона неблагоприятных условий труда. С объективной точки зрения неблагоприятные условия труда в основном рассматриваются через призму негативного воздействия факторов производственной среды и трудового процесса. В этом отношении интересным представляется тот факт, что наблюдаемое со второй половины XX в. глобальное перераспределение рабочей силы между первичным, вторичным и третичным секторами экономики обуславливает изменение параметров занятости [The World Employment... , 2018]. Концентрация населения в сфере услуг (где традиционно представительство женщин заметно выше) способствует формированию нового «облика» профессиональной заболеваемости. Несмотря на то что основной вклад до сих пор вносят факторы производственной среды (повышенный уровень шума, ультразвука, инфразвука и т. д.), все большая роль отводится факторам трудового процесса, преимущественно отражающим нагрузку на опорно-двигательный аппарат и функциональные системы организма. Об этом свидетельствует динамика удельного веса женщин, занятых на работах с высокой тяжестью трудового процесса. В период 2009—2017 гг. значения показателя в России увеличились с 4 до 10 % (с 9 до 20 % в Вологодской области), тогда как среди мужчин изменения были не столь существенны. В результате, как показывают данные Роспотребнадзора⁸, растет и частота заболеваний, связанных с физическими перегрузками и перенапряжением отдельных органов и систем (2-е место в структуре профессиональной патологии после воздействия физических факторов). К ним относятся: радикулиты различной локализации (пояснично-крестцовая, шейно-плечевая и т. д.), моно-, полинейропатии, периартрозы, деформирующие остеоартрозы и другие заболевания.

Сохранение здоровья работников вредных производств требует строгого соблюдения трудового законодательства, что зачастую оборачивается наруше-

⁸ Данные Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: https://rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=10145 (дата обращения: 10.10.2019).

нием законов со стороны работодателей или формальным исполнением норм в ущерб их смыслу и содержанию. Например, это касается случаев перевода беременных женщин на другую должность с сохранением прежних трудовых обязанностей или на более легкую работу, выполнение которой осуществляется в тех же производственных условиях [Назарова, 2007: 340]. Кроме того, нельзя забывать о нормативной возможности замены некоторых льгот денежной компенсацией, что по своей сущности противоречит международным нормам (в частности, п. 4 ст. 2 Европейской социальной хартии), поскольку более длительное воздействие негативных факторов производственной среды может нанести дополнительный вред здоровью работников.

Подобные практики вызывают особое беспокойство в условиях нарастающей дестабилизации занятости [Quinlan et al., 2001], когда риски и ответственность, связанные с организацией трудового процесса, перекладываются на работника. При этом именно женщины оказываются более подверженными данным практикам, что делает их положение еще менее устойчивым в сфере труда и занятости [Попов, 2018: 282]. По нашему мнению, дальнейшее развитие нестандартных форм занятости, которое должно способствовать смягчению сложившейся ситуации (за счет повышения гибкости трудовых отношений), напротив, приведет к еще большей неопределенности в области обеспечения достойных условий труда. Несмотря на дефицит такого рода исследований, изыскания отдельных научных работ уже сейчас позволяют с осторожностью сделать вывод о том, что неустойчивая занятость сильнее сказывается на здоровье женщин, нежели мужчин [Menéndez et al., 2007: 778—779].

Заключение

Проведенный анализ показал, что на фоне заметного улучшения условий труда в постсоветской России сохраняется достаточно большая доля работников, занятых в неблагоприятной производственной среде. Результаты исследования подтвердили негативное влияние неудовлетворительной санитарно-гигиенической обстановки на состояние здоровья женщин, что выражается в увеличении количества случаев недомогания. Кроме того, женщины, работающие в таких условиях, чаще других ощущают незаинтересованность в результатах своей деятельности, избегают творческой активности на рабочем месте, характеризуются общей социальной пассивностью и т. д. Причины этого зачастую выходят за рамки объективных обстоятельств и являются следствием субъективного восприятия окружающей обстановки, немаловажная роль принадлежит индивидуальному поведению на рынке труда. Обращение к неформальным каналам трудоустройства, закрепление трудовых отношений на основе устной договоренности, поиск вакансий без учета полученной специальности и игнорирование внутренних интересов во многом предопределяют отношение к будущему месту работы.

Некоторые коррективы вносит и сама производственная среда, претерпевающая изменения под воздействием глобального процесса трансформации занятости. С одной стороны, межсекторальное перераспределение рабочей силы в сторону сферы услуг приводит к увеличению удельного веса женщин, занятость которых сопряжена с высокой тяжестью трудового процесса. Это, в свою

очередь, обуславливает формирование нового «облика» профессиональной заболеваемости, связанного с физическими перегрузками и перенапряжением отдельных органов и систем. С другой стороны, развитие нестандартных форм занятости способствует дестабилизации трудовых отношений, что с учетом практик недобросовестного соблюдения работодателями норм трудового законодательства, а также их несовершенства в целом оборачивается для женщин повышением личной ответственности за обеспечение благоприятных условий труда.

На этом фоне вызывает беспокойство инициируемое Министерством труда России значительное сокращение с 1 января 2021 г. перечня производств, работ и должностей с неблагоприятными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин⁹. Несмотря на широкую критику действующей нормы в этой области, признаваемой многими экспертами устаревшей и дискриминационной [Lyutov, 2016: 32—33], расширение возможностей занятости женщин на вредных и опасных производствах может только усугубить текущее состояние. В данном случае речь идет не о гендерных различиях в физиологических реакциях человеческого организма на воздействие различных факторов производственной среды и трудового процесса, а об особенностях положения женщин в российском обществе, поскольку они не только имеют множество ограничений, связанных с репродуктивным здоровьем, но и вынуждены совмещать оплачиваемую работу с домашними обязанностями и уходом за детьми, испытывают больше проблем с трудоустройством и доступом к достойным рабочим местам. В результате может сложиться такая ситуация, когда цель достижения гендерного равенства на рынке труда за счет преодоления институциональной сегрегации будет сопровождаться увеличением занятости женщин в неблагоприятных условиях труда с весьма неопределенными профессиональными перспективами, что повлечет за собой прямо противоположные последствия. В этой связи государственная политика в области охраны труда не может осуществляться без учета гендерных различий в сфере социально-трудовых отношений.

Библиографический список

- Гражданское общество — общество граждан / под науч. рук. В. А. Ильина. Вологда: Волог. науч. центр РАН, 2018. 206 с.
- Леонидова Г. В., Россошанская Е. А., Попов А. В. Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследований / под ред. А. А. Шабуновой. Вологда: Волог. науч. центр РАН, 2018. 192 с.
- Назарова И. Б. Занятость на работах с неблагоприятными условиями труда // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 3. С. 335—350.
- Охрана труда в цифрах и фактах. Направления совершенствования глобальной культуры охраны труда. 2003. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/genericdocument/wcms_305834.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

⁹ Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.07.2019 г. № 512н. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331608/ (дата обращения: 10.10.2019).

- Пичугина Н. Н., Елисеев Ю. Ю.* Влияние условий труда на репродуктивное здоровье работниц, занятых в производстве бумажных обоев // *Здоровье населения и среда обитания.* 2011. № 6. С. 36—39.
- Попов А. В.* Распространение неустойчивой занятости как ограничитель экономического роста России // *Труды Вольного экономического общества России.* 2018. № 4. С. 270—293.
- Потапенко А. А., Сивочалова О. В., Денисов Э. И.* Условия труда и состояние здоровья женщин — медицинских работников // *Медицина труда и промышленная экология.* 2008. № 4. С. 12—19.
- Смирнова Е. В.* Гигиенические особенности условий труда и их влияние на здоровье женщин, занятых в современном швейном производстве: автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2007. 18 с.
- Тихонова Г. И., Чуранова А. Н., Горчакова Т. Ю.* Производственный травматизм как проблема социально-трудовых отношений в России // *Проблемы прогнозирования.* 2012. № 3. С. 103—118.
- Чеботарев А. Г., Прохоров В. А.* Современные условия труда и профессиональная заболеваемость металлургов // *Медицина труда и промышленная экология.* 2012. № 6. С. 1—7.
- Arvey R. D., Bouchard T. J., Segal N. L., Abraham L. M.* Job satisfaction: environmental and genetic components // *Journal of Applied Psychology.* 1989. Vol. 74, iss. 2. P. 187—192.
- Bonde J. P., Storgaard L.* How work-place conditions, environmental toxicants and lifestyle affect male reproductive function // *International Journal of Andrology.* 2002. Vol. 25, iss. 5. P. 262—268.
- Building Healthy and Equitable Workplaces for Women and Men: a Resource for Employers and Worker Representatives.* 2011. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/77350/9789241501736_eng.pdf (дата обращения: 25.05.2019).
- Courville J., Vezina N., Messing K.* Comparison of the work activity of two mechanics: a woman and a man // *International Journal of Industrial Ergonomics.* 1991. Vol. 7, iss. 2. P. 163—174.
- De Greef M., Van den Broek K., Jongkind R., Kenny L., Shechtman O., Kuhn K.* Quality of the Working Environment and Productivity: Research Findings and Case Studies / European Agency for Safety and Health at Work. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2004. 82 p.
- De Jonge J., Bosma H., Peter R., Siegrist J.* Job strain, effort-reward imbalance and employee well-being: a large-scale cross-sectional study // *Social Science & Medicine.* 2000. Vol. 50, iss. 9. P. 1317—1327.
- Drobníč S., Beham B., Präg P.* Good job, good life?: working conditions and quality of life in Europe // *Social Indicators Research.* 2010. Vol. 99, iss. 2. P. 205—225.
- Erro-Garcés A., Ferreira S.* Do better workplace environmental conditions improve job satisfaction? // *Journal of Cleaner Production.* 2019. Vol. 219. P. 936—948.
- Grebner S., Semmer N., Faso L., Gut S., Kälin W., Elfering A.* Working conditions, well-being, and job-related attitudes among call centre agents // *European Journal of Work and Organizational Psychology.* 2003. Vol. 12, iss. 4. P. 341—365.
- Johnson J., Hall E.* Job strain, work place social support, and cardiovascular disease: a cross-sectional study of a random sample of the swedish working population // *American Journal of Public Health.* 1988. Vol. 78, iss. 10. P. 1336—1342.
- Laaksonen M., Pitkänieniemi J., Rahkonen O., Lahelma E.* Work arrangements, physical working conditions, and psychosocial working conditions as risk factors for sickness absence: bayesian analysis of prospective data // *Annals of Epidemiology.* 2010. Vol. 20, iss. 5. P. 332—338.

- Leblebici D. Impact of workplace quality on employee's productivity: case study of a bank in Turkey // *Journal of Business Economics and Finance*. 2012. Vol. 1, iss. 1. P. 47—60.
- Lennon M. Women, work, and well-being: the importance of work conditions // *Journal of Health and Social Behavior*. 1994. Vol. 35, iss. 3. P. 235—247.
- Loscocco K., Spitze G. Working conditions, social support, and the well-being of female and male factory workers // *Journal of Health and Social Behavior*. 1990. Vol. 31, № 4. P. 313—327.
- Lytov N. Russian law on discrimination in employment: can it be compatible with international labor standards? // *Russian Law Journal*. 2016. Vol. 4, № 3. P. 7—50.
- Menéndez M., Benach J., Muntaner C., Amable M., O'Campo P. Is precarious employment more damaging to women's health than men's? // *Social Science & Medicine*. 2007. Vol. 64, iss. 4. P. 776—781.
- Providing Safe and Healthy Workplaces for Both Women and Men. 2009. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@gender/documents/publication/wcms_105060.pdf (дата обращения: 25.05.2019).
- Quinlan M., Mayhew C., Bohle P. The global expansion of precarious employment, work disorganization, and consequences for occupational health: a review of recent research // *International Journal of Health Services*. 2001. Vol. 31, iss. 2. P. 335—414.
- The Global Gender Gap Report 2016. 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf (дата обращения: 25.05.2019).
- The World Employment and Social Outlook: Trends 2018. 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_615594.pdf (дата обращения: 25.05.2019).
- Theorell T., Karasek R. A. Current issues relating to psychosocial job strain and cardiovascular disease research // *Journal of Occupational Health Psychology*. 1996. Vol. 1, iss. 1. P. 9—26.
- Van der Doef M., Maes S. The job demand-control (-support) model and psychological well-being: a review of 20 years of empirical research // *Work & Stress*. 1999. Vol. 13, iss. 2. P. 87—114.
- Women at Work: Trends 2016. 2016. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_457317.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

References

- Arvey, R. D., Bouchard, T. J., Segal, N. L., Abraham, L. M. (1989) Job satisfaction: environmental and genetic components, *Journal of Applied Psychology*, vol. 74, iss. 2, pp. 187—192.
- Bonde, J. P., Storgaard, L. (2002) How work-place conditions, environmental toxicants and lifestyle affect male reproductive function, *International Journal of Andrology*, vol. 25, iss. 5, pp. 262—268.
- Building Healthy and Equitable Workplaces for Women and Men: A Resource for Employers and Worker Representatives* (2011), available from https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/77350/9789241501736_eng.pdf (accessed 25.05.2019).
- Chebotarev, A. G., Prokhorov, V. A. (2012) Sovremennye usloviia truda i professional'naiia zaboлеваemost' metallurgov [Contemporary work conditions and occupational morbidity in metallurgists], *Meditcina truda i promyshlennaia ekologiia*, no. 6, pp. 1—7.
- Courville, J., Vezina, N., Messing, K. (1991) Comparison of the work activity of two mechanics: a woman and a man, *International Journal of Industrial Ergonomics*, vol. 7, iss. 2, pp. 163—174.

- De Greef, M., Van den Broek, K., Jongkind, R., Kenny, L., Shechtman, O., Kuhn, K. (2004) *Quality of the Working Environment and Productivity: Research Findings and Case Studies*, European Agency for Safety and Health at Work, Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.
- De Jonge, J., Bosma, H., Peter, R., Siegrist, J. (2000) Job strain, effort-reward imbalance and employee well-being: a large-scale cross-sectional study, *Social Science & Medicine*, vol. 50, iss. 9, pp. 1317—1327.
- Drobníč, S., Beham, B., Präg, P. (2010) Good job, good life?: Working conditions and quality of life in Europe, *Social Indicators Research*, vol. 99, iss. 2, pp. 205—225.
- Erro-Garcés, A., Ferreira, S. (2019) Do better workplace environmental conditions improve job satisfaction?, *Journal of Cleaner Production*, vol. 219, pp. 936—948.
- Grebner, S., Semmer, N., Faso, L., Gut, S., Kälin, W., Elfering, A. (2003) Working conditions, well-being, and job-related attitudes among call centre agents, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, vol. 12, iss. 4, pp. 341—365.
- Ильин, В. А. (ed.) (2018) *Гражданское общество — общество граждан* [Civil society — a society of citizens], Vologda: Vologodskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk.
- Johnson, J., Hall, E. (1988) Job strain, work place social support, and cardiovascular disease: a cross-sectional study of a random sample of the swedish working population, *American Journal of Public Health*, vol. 78, iss. 10, pp. 1336—1342.
- Laaksonen, M., Pitkaniemi, J., Rahkonen, O., Lahelma, E. (2010) Work arrangements, physical working conditions, and psychosocial working conditions as risk factors for sickness absence: bayesian analysis of prospective data, *Annals of Epidemiology*, vol. 20, iss. 5, pp. 332—338.
- Leblebici, D. (2012) Impact of workplace quality on employee's productivity: case study of a bank in Turkey, *Journal of Business Economics and Finance*, vol. 1, iss. 1, pp. 47—60.
- Lennon, M. (1994) Women, work, and well-being: the importance of work conditions, *Journal of Health and Social Behavior*, vol. 35, no. 3, pp. 235—247.
- Leonidova, G. V., Rossoshanskaia, E. A., Popov, A. V. (2018) *Monitoring kachestva trudovogo potentsiala: 20 let regional'nykh issledovaniĭ* [Monitoring the quality of labor potential: 20 years of regional research], Vologda: Vologodskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk.
- Loscocco, K., Spitze, G. (1990) Working conditions, social support, and the well-being of female and male factory workers, *Journal of Health and Social Behavior*, vol. 31, no. 4, pp. 313—327.
- Lyutov N. (2016) Russian law on discrimination in employment: can it be compatible with international labor standards?, *Russian Law Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 7—50.
- Menéndez, M., Benach, J., Muntaner, C., Amable, M., O'Campo, P. (2007) Is precarious employment more damaging to women's health than men's?, *Social Science & Medicine*, vol. 64, iss. 4, pp. 776—781.
- Nazarova, I. B. (2007) Zaniatost' na rabotakh s neblagopriyatnymi usloviiami truda [Employment in the adverse working conditions], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 5, no. 3, pp. 335—350.
- Okhrana truda v tsifrakh i faktakh. Napravleniia sovershenstvovaniia global'noi kul'tury okhrany truda* (2003) [Labor protection in numbers and facts. directions for improving the global culture of labor protection], available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/genericdocument/wcms_305834.pdf (accessed 25.05.2019).
- Pichugina, N. N., Eliseev, Iu. Iu. (2011) Vliianie usloviĭ truda na reproduktivnoe zdorov'e rabotnits, zaniatykh v proizvodstve bumazhnykh oboev [Influence of working conditions on reproductive health of the working women occupied in manufacture of paper wall-paper], *Zdorov'e naseleniia i sreda obitaniia*, no. 6, pp. 36—39.

- Popov, A. V. (2018) Rasprostranenie neustoichivoi zaniatosti kak ogranichitel' ekonomicheskogo rosta Rossii [The expansion of precarious work as a constraint on Russia's economic growth], *Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, no. 4, pp. 270—293.
- Potapenko, A. A., Sivochalova, O. V., Denisov, E. I. (2008) Usloviia truda i sostoianie zdorov'ia zhenshchin — meditsinskikh rabotnikov [Work conditions and health state of female medical staffers], *Meditsina truda i promyshlennaia ekologiia*, no. 4, pp. 12—19.
- Providing Safe and Healthy Workplaces for Both Women and Men* (2009), available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@gender/documents/publication/wcms_105060.pdf (accessed 25.05.2019).
- Quinlan, M., Mayhew, C., Bohle, P. (2001) The global expansion of precarious employment, work disorganization, and consequences for occupational health: a review of recent research, *International Journal of Health Services*, vol. 31, iss. 2, pp. 335—414.
- Smirnova, E. V. (2007) *Gigienicheskie osobennosti usloviĭ truda i ikh vliianie na zdorov'e zhenshchin, zaniatykh v sovremennom shveiĭnom proizvodstve*: Avtoref. dis. ... kand. med. nauk [Hygienic features of working conditions and their impact on the health of women employed in modern garment production: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- The Global Gender Gap Report 2016* (2016), available from http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf (accessed 25.05.2019).
- The World Employment and Social Outlook: Trends 2018* (2018), available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_615594.pdf (accessed 25.05.2019).
- Theorell, T., Karasek, A. (1996) Current issues relating to psychosocial job strain and cardiovascular disease research, *Journal of Occupational Health Psychology*, vol. 1, iss. 1, pp. 9—26.
- Tikhonova, G. I., Churanova, A. N., Gorchakova, T. Y. (2012) Occupational injuries as a problem of social and labor relations in Russia, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 3, pp. 282—292.
- Van der Doef, M., Maes, S. (1999) The job demand-control (-support) model and psychological well-being: a review of 20 years of empirical research, *Work & Stress*, vol. 13, iss. 2, pp. 87—114.
- Women at Work: Trends 2016* (2016), available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_457317.pdf (accessed 25.05.2019).

Статья поступила 14.10.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Попов Андрей Васильевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия, ai.popov@yahoo.com (Cand. Sc. (Econ.), Research Fellow, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 128—141
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.11

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 128—141
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.11

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН
В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ

Т. И. Барсукова^а, Л. А. Саенко^б, Б. М. Тайсаева^с

^а Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия, ti94@yandex.ru

^б Северо-Кавказский социальный институт,
г. Ставрополь, Россия

^с Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Россия

Сквозь призму субъективного подхода изучается положение женщин в региональном сообществе Республики Северная Осетия — Алания. Исследование основано на опросе женщин, самооценке их положения в системе социально-профессиональных отношений. Ответы респонденток структурированы и позволяют выявить основные тенденции: женщины испытывают в некоторой мере гендерную дискриминацию на рынке труда, они стремятся к профессиональному развитию, трудовая деятельность и экономическая независимость позволяют женщинам чувствовать себя увереннее, они нацелены на продвижение по карьерной лестнице. Женщины отмечают, что государство и работодатели не заинтересованы в их продвижении в профессии. Определив фактор развития потенциала профессионального роста и самореализации женщины в качестве основного критерия оценки ее положения в системе социально-профессиональных отношений регионального сообщества Республики Северная Осетия — Алания, авторы разработали показатели и выявили характеристики социально-профессионального статуса женщин.

Ключевые слова: женщины регионального сообщества, женщины на рынке труда, женщины в профессиональном сообществе, женская безработица.

THE SITUATION OF WOMEN IN THE SOCIO-PROFESSIONAL RELATIONS WITHIN THE REGIONAL COMMUNITY OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA — ALANIA

T. I. Barsukova^a, L. A. Saenko^b, B. M. Taisaeva^c

^a North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russian Federation, ti94@yandex.ru

^b North Caucasus Social Institute, Stavropol, Russian Federation

^c Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation

The position of women in the regional community of North Ossetia — Alania is studied through the prism of a subjective approach. The study is based on a survey of women, their self-assessment of their position in the system of social and professional relations. The respondents' answers are structured and allow to identify the main trends: women experience to some extent gender discrimination in the labor market; strive for professional development, labor activity and economic independence allows women to feel more confident; they are aimed at career advancement. Women note that the state and employers are not interested in promoting women in the profession. Having defined the factor of development of potential of professional growth and self-realization of the woman as the main criterion of an assessment of her position in system of the social and professional relations of regional community of the Republic of North Ossetia — Alania, the authors developed indicators and revealed characteristics of the social and professional status of women.

Key words: women of the regional community, women in the labor market, women in the professional community, female unemployment.

Постановка проблемы

В современной социологии существуют различные подходы к изучению положения женщины в обществе. Нам представляется значимым субъективный подход, взгляд через призму самоощущений, оценок женщинами своего положения в различных общественных системах, их удовлетворенности своим положением, своей жизнью, профессиональными и статусными позициями. Это обуславливается тем, что объективные критерии в ситуации перманентных изменений в обществе весьма условны и достаточно подвижны.

В Северо-Кавказском федеральном округе проблемы, связанные с положением современной женщины в системе социально-профессиональных отношений регионального сообщества, стоят достаточно остро, отражая как общие для российского общества тенденции, так и тенденции, связанные с традиционным укладом жизни народов Северного Кавказа. Несмотря на прогрессирующую эмансипацию, женщины Республики Северная Осетия — Алания (РСО — Алания) продолжают оставаться неравноправными с мужчинами по ряду позиций в социально-профессиональной структуре Республики (см.: [Республика Северная Осетия — Алания... , 2018]).

Цели и методология исследования

Цель статьи — выявить основные тенденции и факторы, оказывающие влияние на положение женщин РСО — Алания в системе социально-профессиональных отношений.

Объектом исследования стали женщины трудоспособного возраста (18—55 лет), проживающие в РСО — Алания. Социологическое исследование проводилось в форме опроса, в котором отражалось видение женщинами своего социального положения в региональном сообществе и тенденции к его изменению. Всего в опросе приняли участие 495 респонденток. При отборе респонденток учитывались следующие показатели: семейное положение, уровень образования, возраст.

Представляется важным выяснить, от каких факторов зависит социально-профессиональное положение женщин в РСО — Алания, определить тенденции и возможности влияния на текущую ситуацию.

Результаты исследования

Операционализация социального положения женщин в региональном сообществе, с точки зрения определения базовых характеристик их социально-профессионального статуса, охватывает: показатель уровня полученного образования (в том числе и профессиональное образование), профессионально-карьерные ориентиры, уровень занимаемой должности.

В качестве критерия, с помощью которого возможно определить тенденции изменения социального положения женщин в региональном сообществе, нами выбран фактор развития потенциала профессионального роста и самореализации женщин.

В качестве характеристик социально-профессионального статуса женщин регионального сообщества РСО — Алания выбраны следующие показатели:

- уровень трудовой активности (занятость);
- удовлетворенность профессиональной деятельностью в организации;
- профессиональное образование и его востребованность в регионе, значение повышения профессиональной квалификации в построении карьеры;
- гендерное равенство или дискриминация женщин в сфере социально-профессиональных отношений (занятость);
- уровень женской безработицы в региональном сообществе;
- материально-экономическая самостоятельность женщин, их личный доход.

При реализации исследования социального положения женщин регионального сообщества РСО — Алания была разработана программа, включающая ряд задач:

- 1) дать социологическую характеристику положения современной женщины РСО — Алания в социально-профессиональной сфере;
- 2) определить положение женщины РСО — Алания в политико-управленческой сфере;
- 3) выявить тенденции социального изменения ролей и функций женщины в сфере семейно-бытовых отношений в региональном сообществе;

4) дать социологическую интерпретацию оценки женщинами своего социально-профессионального статуса и статусно-ролевой позиции в семье.

Выявляя оценку женщиной своего социально-профессионального статуса и собственной статусно-ролевой позиции в семье, мы опирались на тот факт, что социальное положение женщины в региональном сообществе выступает детерминантой общей удовлетворенности жизнью, что включает ее самооценку, опасения, стремления и надежды.

Представим результаты панельных мониторинговых исследований 2010 и 2018 гг., осуществленных в РСО — Алания. По ряду позиций мы приводим данные, полученные в разные годы — 2010 г. и 2018 г., с целью выявления тенденций и социальных проблем.

Возрастной диапазон женщин, принявших участие в опросе, следующий: 21 % — от 18 до 30 лет, 35 % — от 30 до 40 лет, 44 % — от 40 до 55 лет. Преобладающий уровень образования — высшее (52 %) и среднее профессиональное (34 %).

Результаты опроса по показателю «Уровень трудовой занятости», отражающему положение женщин в социально-трудовой сфере, продемонстрированы на рисунке 1. В данном контексте под трудовой занятостью будем понимать степень занятости респондентки какой-либо трудовой деятельностью.

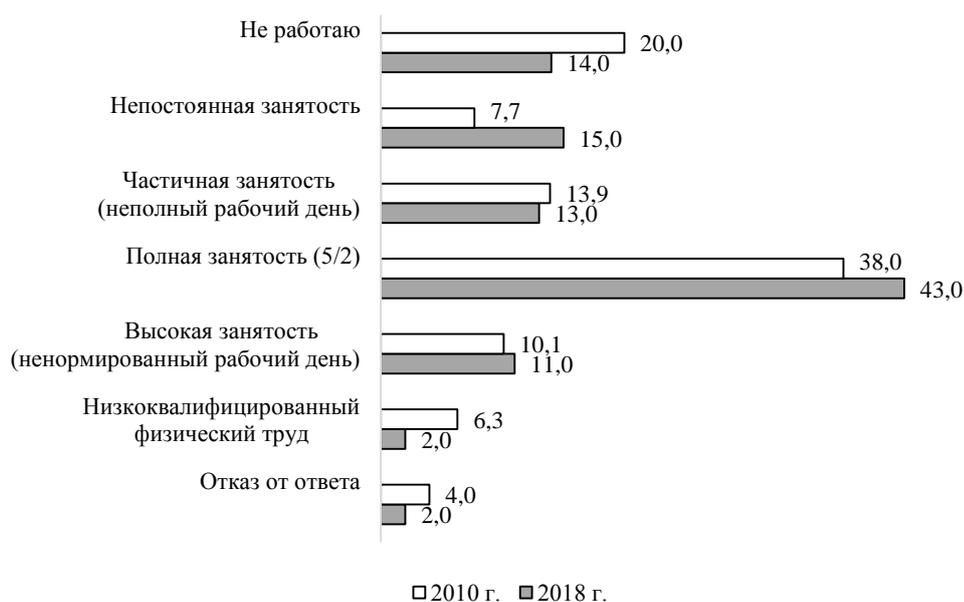

Рис. 1. Уровень трудовой занятости женщин РСО — Алания по результатам опросов 2010 и 2018 гг., %

Ответы респонденток свидетельствуют о следующем:

— отмечается значительное сокращение неработающих женщин (с 20,0 % в 2010 г. до 14,0 % в 2018 г.);

— снизилось число женщин, занятых низкоквалифицированным физическим трудом (с 6,3 до 2 %).

Данные опроса 2018 г. показывают, что работают около 84 % женщин; это на 8 % больше, чем в 2010 г. (около 76 %), т. е. количество работающих женщин стремительно растет. Также растет количество женщин, имеющих высокую занятость с ненормированным рабочим днем. Если количество домохозяйек (неработающие женщины) в 2010 г. составляло примерно 20 %, то в 2018 г. — уже 14 %.

Вопрос об удовлетворенности респондентками своей профессиональной квалификацией и профессиональным статусом показал, что 64 % в целом ими удовлетворены (выбор «да» и «скорее да»), а 36 % в целом ими не удовлетворены (выбор «нет» и «скорее нет»). Это характерно для опросов и 2010 г., и 2018 г. Следовательно, сохраняется потребность женщин в повышении квалификации и профессиональном росте.

Определим степень удовлетворенности женщин регионального сообщества в сфере профессионально-трудовой занятости. Для выявления ценности трудовой занятости (работа) для женщин РСО — Алания в современных условиях, нами установлены причины, способствующие снижению удовлетворенности от работы. Результаты опроса отражены на рисунке 2.

Рис. 2. Причины, способствующие снижению удовлетворенности женщин профессионально-трудовой деятельностью, %

Как видно из ответов, основные причины, влияющие на неудовлетворенность женщин своей работой, связаны с нерешенными материально-бытовыми проблемами. В первую очередь, это низкая заработная плата, на которую в 2018 г. указали 52,0 % опрошенных. По сравнению с 2010 г., этот показатель

увеличился вдвое. За прошедшие годы, вполне вероятно, возросла самооценка респонденток, однако возможно влияние экономического кризиса и общее снижение доходов в семье. Кроме того, возросла неудовлетворенность женщин отсутствием перспектив профессионального роста, построения профессиональной карьеры (с 11,1 до 15,0 % респонденток). Такая позиция объясняется, видимо, недостаточной феминизацией профессионально-служебных отношений, наличием в сознании граждан национально-территориальных образований фактора «женского вопроса».

Далее отметим, в какой мере женщины регионального сообщества РСО — Алания удовлетворены своей профессиональной квалификацией, как они представляют и с чем связывают возможный профессиональный рост, поскольку социальный статус личности зависит от престижа профессии в общественном сознании. Ответы женщин относительно их удовлетворенности полученной профессией в 2010 г. и в 2018 г. остались практически неизменными: около 70 % удовлетворены своим выбором профессии (выбор «да» и «скорее да»), остальные — нет.

В настоящее время женщины вполне могут трудоустроиться по полученной специальности, имеют все возможности для карьерного роста, им доступно повышение уровня профессионального образования, в связи с чем актуален вопрос «С чем Вы связываете успех в профессиональной деятельности?». Ответы респонденток в 2018 г. представлены на рисунке 3.

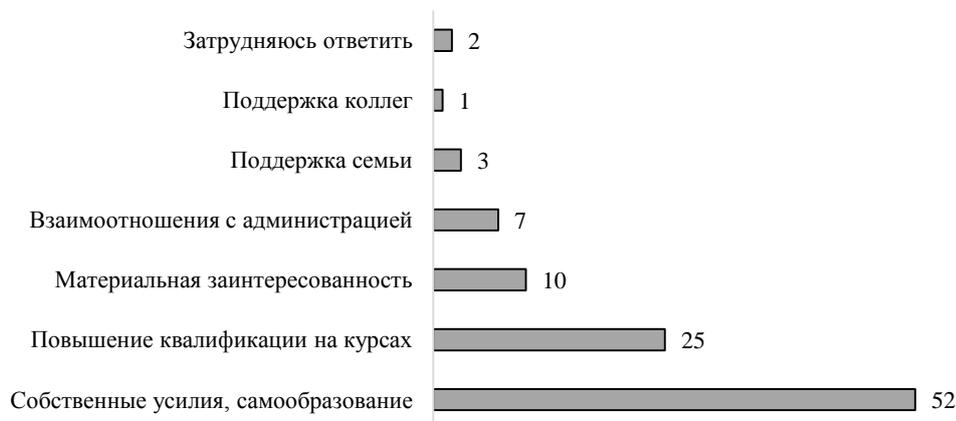

Рис. 3. Факторы успеха в профессиональной деятельности по мнению женщин РСО — Алания в 2018 г., %

Результаты показывают, что 52 % опрошенных соотносят свой успех в профессиональной деятельности с собственными усилиями, с собственным самообразованием и саморазвитием, а 25 % — с получением знаний при повышении квалификации на специальных курсах. Отметим высокую потребность женщин Республики в получении новых профессиональных знаний на различных курсах. Такая тенденция отражает общее требование работодателей к специалистам в любой отрасли.

Определенный интерес вызывает вопрос о востребованности профессиональных знаний женщин, которые включены в общественное производство и социально-профессиональную сферу. Ответы респонденток распределились следующим образом: профессиональные знания полностью востребованы — 31 %; профессиональные знания используются не в полной мере — 39 %; профессиональные знания совсем не используются — 20 %; затруднились с ответом — 10 %. Отметим, что невнимание руководства к профессиональным возможностям, умениям и компетенциям отметили 54 % респонденток. В этой связи объясним тот факт, что некоторые женщины не желают повышать свою квалификацию, так как не видят профессиональных перспектив.

Одной из задач исследования было выявление конкурентоспособности женщин РСО — Алания по сравнению с мужчинами. В опросах 2010 и 2018 гг. был задан вопрос «Являются ли женщины, на Ваш взгляд, наиболее уязвимой группой на рынке труда?», который отражал мнение женщин относительно их возможной конкуренции с мужчинами при поиске работы. Ответы представлены на рисунке 4.

Рис. 4. Распределение ответов респонденток на вопрос о наибольшей уязвимости женщин на рынке труда, %

Результаты позволяют сделать вывод, что трудоустройство для женщин в РСО — Алания более затруднительно, чем для мужчин. По сравнению с 2010 г. эта тенденция значительно усилилась. Если такую точку зрения разделял в 2010 г. 31 % респонденток, то в 2018 г. — уже 49 %. Вероятно, это связано с тем, что женщины получают образование более высокого уровня, следовательно, их притязания также более высокие. А рынок труда в региональном сообществе нуждается в работниках более низкой квалификации и с образованием более низкого уровня (рабочие специальности).

Проблема дискриминации в профессионально-трудовой сфере также нами рассматривалась. На вопрос «Считаете ли Вы, что на рынке труда РСО — Алания имеет место факт дискриминации женщин?» в 2010 г. и 2018 г. были даны идентичные ответы: 14 % респонденток высказались утвердительно; 43 % указали, что в отдельных случаях имеет место дискриминация женщин; 27 % ответили отрицательно и 16 % затруднились с ответом.

Проводя корреляцию ответов на последние два вопроса, можно сделать вывод, что, по мнению женщин, трудно найти работу как мужчинам, так и женщинам; проявления дискриминации в трудовой сфере не являются тотальными.

В целом наблюдается снижение количества респонденток, которые отмечают неравное положение мужчин и женщин в социально-трудовой сфере: если в 2010 г. их было 60,2 %, то в 2018 г. — 51,0 %.

Отмечая гендерное неравноправие на рынке труда, женщины выделяют следующие причины такого положения вещей: меньшая оплата труда у женщин в сравнении с мужчинами; нежелание работодателей платить пособия женщинам при выходе в декрет; возможные выходы на больничный лист при болезни ребенка; предубеждение, что женщина не обладает управленческими качествами; мнение, что мужчины сильнее и выносливее; распространение увольнений в первую очередь на женщин и др. Обобщая и систематизируя результаты опроса, можно выделить 3 группы причин: предубеждения работодателей (32 %), монополистическую власть (25 %), профессиональную сегрегацию (35 %) (8 % респонденток уклонились от ответа).

Открытый вопрос о факторах, которые можно считать признаками гендерного неравенства, был задан и в 2010 г., и в 2018 г. В ответах наблюдается существенная разница. В 2010 г. наиболее часто встречались такие: уровень занятости и безработицы среди женщин, навязывание мужских стандартов и подходов, формальность равноправия среди мужчин и женщин, сексуальные домогательства со стороны начальства. В 2018 г. — такие ответы: низкая квалификация женщин по сравнению с мужчинами, ограниченный выбор профессий для женщины на рынке труда, затрудненная вертикальная профессиональная мобильность для женщин, отстранение женщин от принятия управленческих решений, низкая оплата труда, отстранение женщин от участия в политической жизни.

Положение женщины регионального сообщества в социально-профессиональной сфере позволяет определить, в частности, женская безработица и сравнительные показатели мужской и женской безработицы.

Безработица среди женщин — это аспекты не только материального статуса, но и поиска своего места в жизни, утверждения своего социального статуса.

Нас интересовало мнение женщин (занятых и незанятых) по вопросам стабильности их профессиональной занятости, их конкурентоспособности по сравнению с мужчинами, эффективности мер, направленных на снижение уровня женской безработицы и смягчение ее последствий.

Мнение респонденток относительно эффективности мер по снижению безработицы женщин и общего уровня безработицы в регионе РСО — Алания, по снижению последствий безработицы оказалось невысоким. Абсолютную неэффективность отметили 43 % респонденток, на частичную действенность мер указали 46 %, на общую эффективность всех мер — 9 %, затруднились с ответом — 2 %.

В 2010 г. и в 2018 г. при выявлении основных факторов, приводящих к женской безработице, ответы респонденток распределились, как показано в таблице 1.

Основным фактором, по мнению женщин, выступает доминирование в общественном сознании патриархальных взглядов на положение женщины.

Таблица 1

Причины женской безработицы в РСО — Алания по мнению респонденток

Причины женской безработицы	Количество ответов, %	
	2010 г.	2018 г.
Патриархальные взгляды	33	35
Дополнительные издержки на содержание женщин	25	28
Низкая мобильность женщин	24	27
Настороженное отношение женщин к новым формам хозяйствования	9	5
Невысокий уровень квалификации	9	3
Другое	0	2

На втором месте — дополнительные издержки работодателя на содержание женщин на производстве или в другой профессиональной сфере. Такой выбор свидетельствует о присутствии у самих женщин патриархального сознания, о признании среди своих социальных ролей доминирующей роли домохозяйки. Иначе как воспринимать мнение женщины о самой себе как «обузе» для представителей работодателей, особенно при наличии профессионального образования, равного с мужчиной или более высокого уровня.

Ответ, касающийся низкой мобильности женщин как одного из факторов женской безработицы, является весьма правдивым. К современной сложной экономической ситуации, периоду последствий рыночных реформ и экономического кризиса (безработица, материальные трудности, снижение социального статуса) женщины значительно тяжелее приспосабливаются, поскольку на них лежит еще и выполнение семейных ролей (жена, мать и др.). Следовательно, женщине значительно труднее сменить профессию, род профессиональной деятельности, использовать иные возможности, построить профессиональную карьеру в новой области. Все эти факты мешают женщине быть социально мобильной и конкурировать с мужчинами. В то же время в 2018 г. 12 % респонденток отметили, что выходом из сложившейся ситуации может быть открытие собственного дела.

35 % респонденток указали, что при потере работы женщина может себя реализовать в семье, а 10 % — что мужчина менее болезненно переносит последствия безработицы и может быстро найти другую работу.

Женщины отмечали, что рассматривают потерю работы как фактор размывания гендерной идентичности. Они утверждали, что при потере работы ощущение себя женщиной заметно уменьшилось. Значит, экономическая самостоятельность/несамостоятельность женщины оказывает влияние на наличие/потерю гендерной идентичности. По мнению опрошенных, потеряв работу, став полностью зависимыми, они утрачивают собственную значимость, уникальность, возможность и желание следить за собой и т. п. Можно сделать вывод, что занятые и незанятые трудовой деятельностью женщины имеют существенные расхождения в социальных самоощущениях и самооценках.

В ходе исследования было целесообразным выявить причины, по которым респондентки потеряли работу. Опрос 2018 г. показал следующие результаты:

- реорганизация, закрытие предприятия (15 %);
- невыплата или задержки заработной платы (7 %);

— штатное сокращение (35 %);
— выход на пенсию (15 %);
— ухудшение здоровья (5 %);
— прием на работу более квалифицированного специалиста (3 %);
— конфликт с руководством (7 %);
— значительное увеличение объема работы при отсутствии роста заработной платы (13 %).

Ответы респонденток вполне совпадают с данными официальной статистики, согласно которой при реорганизации производства женщин сокращают в первую очередь. Об этом свидетельствует исследование Л. А. Саенко: при равной квалификации женщин и мужчин женщин оставляют на производстве лишь 7 % работодателей. Причем 54 % работодателей считают женщин менее значимыми работниками и не видят ничего страшного в их уходе из профессиональной сферы [Саенко, 2010].

Относительно вопроса о поиске работы. Если опираться на данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РСО — Алания за 2018 г., период поиска работы длится около 8 месяцев для всех категорий граждан, женщин в том числе. Значительно быстрее (около 5—6 месяцев) находят работу женщины до 27 лет с низкой профессиональной квалификацией. Похожая картина отмечается и у мужского населения [Республика Северная Осетия — Алания в цифрах... , 2018: 87].

Возможные способы поиска работы у женщин с течением времени практически не изменились. Приведем результаты опроса 2018 г. на рисунке 5.

Рис. 5. Каналы поиска работы женщинами в региональном сообществе РСО — Алания, %

Представим ответы женщин на вопрос «Что для Вас наиболее ценно в работе?». Такой вопрос был задан с целью определения, что же собой являет работа для женщины, кроме материального дохода, способа решить экономические проблемы и способа внесения вклада в семейный бюджет (рис. 6).

Рис. 6. Ценности в работе по мнению участниц опроса, %

Помимо материальной составляющей, женщины отмечают, что работа для них — это социальная защищенность (16 %) и благоприятный климат в коллективе (12 %). Такой ответ интересен прежде всего тем, что влияние рыночных отношений не привело к распаду личностных отношений в коллективе, не уничтожило стремления к обмену информацией, к обсуждению каких-либо проблем, как профессиональных, так и личных. Данные установки и приоритеты объясняются еще и тем, что открытость и эмоциональность россиян являются выражением социокультурных особенностей, особенностей менталитета.

Ответы женщин старшей возрастной группы (после 40 лет) были связаны преимущественно с общением, т. е. работу они рассматривают как место общения, обмена различной информацией. Потеря работы для них — это прежде всего потеря общения (дефицит общения), среды обитания. У более молодой возрастной группы женщин — иная мотивация работы. Они рассматривают ее как средство самореализации, возможность построения профессиональной карьеры, повышения своего социального статуса.

Интересным, на наш взгляд, были ответы респонденток на вопрос «Насколько Вам важно обеспечить свою экономическую самостоятельность, независимость?» (рис. 7).

Экономическая независимость женщин — это возможность отстаивать равные права с мужчинами. Она способствует развитию ответственности за принятие решений, соблюдению собственных интересов. Отметим, что женщины

все более высоко оценивают значение собственной экономической независимости: если в 2010 г. об уверенности в будущем при собственной экономической независимости говорили 41,8 % респонденток, то в 2018 г. — уже 53,2 %.

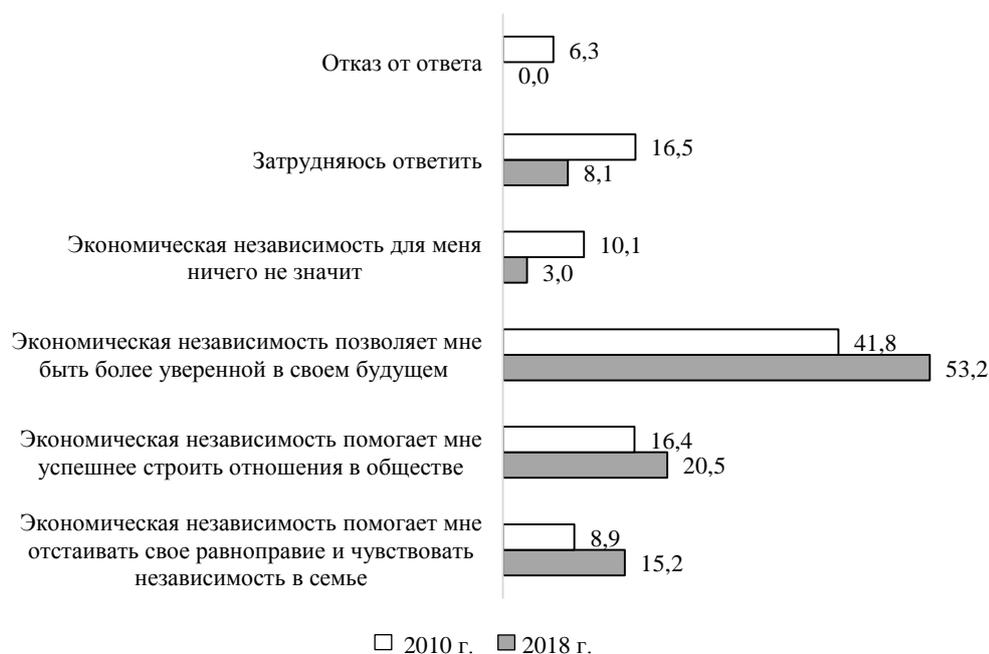

Рис. 7. Распределение ответов респонденток на вопрос «Насколько Вам важно обеспечить свою экономическую самостоятельность, независимость?», %

Отметим позитивные и негативные стороны наличия экономической независимости, о которых говорили респондентки. Она способствует развитию способности женщин отстаивать свои права в семье и не подвергаться насилию со стороны мужа. С другой стороны, возникает вероятность распада (развод) семьи, приводящая к одинокому материнству, поскольку женщина становится способной обеспечить себя и своего ребенка.

Изучая экономическое положение женщин, мы рассматривали возможность работы в системе фриланса (удаленная работа, временная или проектная в сети Интернет). Задавая вопрос о готовности женщин работать в системе фриланса, мы понимали, что не все знают, что это за система, кто такой фрилансер. Особенности национальной культуры Северного Кавказа, где в большей мере сохраняется традиционный уклад жизни, при котором женщина остается неравноправной с мужчиной по многим социальным позициям, в особенности в крупных домохозяйствах, в многодетных семьях, проживающих в отдаленных селениях, обуславливают неприемлемость такого вида занятости. В то же время традиционные кавказские ремесла, которыми занимались женщины, например вязание, ковроткачество, обработка шкур, а также изготовление традиционных кавказских блюд и молочных продуктов могут стать основой для фриланса. В Интернете можно разместить рецепты изготовления кавказских национальных блюд, показать соответствующее видео, выставить образцы национальных рисунков вязания.

Результаты опроса 2018 г. в отношении возможности работы респондентов в качестве фрилансера отражены в таблице 2.

Таблица 2

Готовность респонденток работать фрилансером, 2018 г.

Варианты ответов	Количество ответов, %
Полностью готова	7,6
Готова, но только если не найду постоянную, стабильную работу	10,1
Готова, но только в случае отсутствия постоянной работы и острой материальной необходимости	16,5
Готова, но только при условии совмещения с постоянной работой	10,1
Не готова ни при каких условиях	26,6
Отказ от ответа	29,1

Ответы показывают, что лишь небольшая часть опрошенных (всего 7,6 %) без всяких оговорок готовы работать в системе фриланса. Большая часть женщин все же отдают предпочтения традиционным формам занятости.

Личный доход и материальное положение женщин отражает вопрос, связанный с уровнем дохода респонденток. 25,3 % опрошенных указывают на низкий уровень своего личного дохода, благосостояние их семей обусловлено доходами супруга. Отсутствие собственных источников дохода отмечают 15,2 % респонденток. О равных уровнях доходов с супругом заявили 25,3 %. На высокий личный доход указали 12,7 %. Отказались от ответа 21,5 % женщин.

Свое материальное положение как удовлетворительное (удается сделать накопления на крупную покупку, отдых и др.) и неудовлетворительное (денежных средств хватает только на самые необходимые расходы) оценили по 32,5 % респонденток. На стабильное (хорошее) материальное положение указали 16,8 % женщин, а на полную обеспеченность — лишь 3,8 %. Остальные респондентки (14,4 %) не ответили на заданный вопрос.

Некоторые выводы

Результаты исследования показали, что женщины в региональном сообществе РСО — Алания, несмотря на традиционный взгляд на положение женщин Северного Кавказа, стремятся к экономической независимости, нацелены на построение карьеры, заинтересованы в профессиональной переподготовке. Несмотря на низкую заинтересованность работодателей, они выказывают интерес к освоению новых профессиональных компетенций. Стремление женщин к проявлению себя в профессиональной сфере не влияет на их семейный статус и реализацию семейных ролей.

Библиографический список

- Республика Северная Осетия — Алания в цифрах, 2018: краткий статистический сборник. Владикавказ: Северо-Кавказстат по РСО — Алания, 2018. 230 с.
- Саенко Л. А. Женщина в кризисе занятости // Аспирантский вестник Поволжья. 2010. № 1—2. С. 210—213.

References

- Respublika Severnaia Osetiia — Alaniia v tsifrakh, 2018: Kratkii statisticheskiĭ sbornik* (2018) [Republic of North Ossetia — Alania in figures, 2018: Brief statistical collection], Vladikavkaz: Severo-Kavkazstat po RSO — Alaniia.
- Saenko, L. A. (2010) Zhenshchina v krizise zaniatosti [A woman in an employment crisis], *Aspirantskiĭ vestnik Povolzh'ia*, no. 1—2, pp. 210—213.

Статья поступила 13.11.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Барсукова Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, ti94@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation).

Саенко Людмила Александровна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь, Россия, la-saenko@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, North Caucasus Social Institute, Stavropol, Russian Federation).

Тайсаева Белла Максимовна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия, btaisaeva@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Senior Lecturer at the Department of Social Work, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 142—155
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.12

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 142—155
ББК 60.542.21
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.12

ИНВАЛИДНОСТЬ В ФОКУСЕ УРБАНФЕМИНИЗМА

Э. К. Наберушкина

Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
г. Москва, Россия, ellana777@mail.ru

Используется фокус урбанфеминизма как нового междисциплинарного исследовательского поля, которое возникло для поощрения учета гендерных аспектов в политике развития городов. Мы исходим из того, что стигма женщины с инвалидностью не равна стигме женщины и стигме инвалида. Это пограничная зона, параллельное гражданство, которое, реализуясь в условиях большого города, приобретает особые черты уникальности. Исследование позволило сделать ряд выводов: выявленные проблемы и психологические фрустрации девушек с инвалидностью не являются сугубо личными, они укоренены как в сфере стереотипов и стигм, так и в моделях гендерного порядка общества; помощь горожан людям с инвалидностью встроена в работающие матрицы представлений о фемининности и маскулинности; фигура женщины с инвалидностью вызывает поведение и эмоции, связанные с социокультурными кодами межполовых отношений; страхи женщин относительно своей телесности в городе зависят от трех характеристик пространства — неподнадзорности, недоступности, наполненности людьми с негативной идентичностью.

Ключевые слова: урбанфеминизм, гендер, инвалидность, городское пространство.

DISABILITY IN THE FOCUS OF URBAN FEMINISM

E. K. Naberushkina

Moscow State University of Humanities and Economics,
Moscow, Russian Federation, ellana777@mail.ru

The research focus of the article is defined by three scientific categories — gender, urbanism, disability. The issues of ensuring the sustainable development of the city and its territories are considered: satisfying the needs and rights to space for various groups of people, creating such a friendly and open environment that responds promptly to these requirements and, if necessary, easily changes, reshapes or adapts to new conditions and functions. The paper uses the focus of urban feminism as a new interdisciplinary research field that has emerged to encourage the integration of gender perspectives in urban development policies. We proceed from the fact that the stigma of a woman with a disability is not equal to the stigma of a woman and the stigma of a disabled person. This is a border zone, parallel citizenship, which, implemented in a large city, acquires special features of uniqueness. The analysis undertaken in this

© Наберушкина Э. К., 2020

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00290 «Урбанистическое благополучие инвалидности».

work is based on three main points: life in urban conditions provides women with disabilities with many advantages, but it also involves a whole range of problems that a big city creates; what cognitive skills develop among residents depends on what the surrounding world is created in the urban system; the daily experience of women with disabilities opens up a parallel city. Interviewing 20 women with visible signs of disability made it possible to draw a number of conclusions: the identified problems and psychological frustrations of girls with disabilities are not purely personal, they are rooted both in the field of stereotypes and stigma, and in models of the gender order of society; assistance for citizens with disabilities is built into the working matrix of ideas about femininity and masculinity; the figure of a woman with a disability evokes behavior and emotions associated with sociocultural codes of inter-sexual relations, but more often the urban space is produced in the discourse and emotions of sympathy and the provision of feasible assistance that is differently constructed in the upper and lower social layers; in the field of female disability, two dichotomous images of foreign ethnic men are recorded in the city (the first — “they are a source of danger”, the second — “they are more tolerant of women with disabilities”); all the fears of women regarding their physicality in the city are associated with three characteristics of space — supervision, accessibility, and the fullness of space by diverse groups. In the context of urban acquaintances, girls with disabilities typologize men oriented to: 1) neutral friendly communication; 2) for a serious relationship in connection with the feeling of the severity of his own life and the desire to find a frivolous woman who understands the cost of partnership; 3) those who deny any opportunity to interact with women with disabilities due to internal fears, stereotypes, and self-awareness of their own status. Women with disabilities, more often than men, face gross violations of their personal space due to unwillingness to engage in interactions, which are often presented under the guise of assistance.

Key words: urban feminism, gender, disability, urban space.

Введение

Исследовательский фокус данной работы определен такими научными категориями, как гендер, урбанизм, инвалидность. Каждая из них сегодня из исключительно научных объектов анализа превратилась в категорию политических и акционистских практик, нашла выражение в публикациях в социальных сетях и СМИ. Гендерное исследование имеет глубину, когда оно контекстуально. В данном случае идет речь о гендерном контексте инвалидности в большом городе. Это тематика, которую невозможно исследовать статистически, она уникальна. Социально ориентированный подход к планированию пространств или конкретных мест города базируется на учете специфики разных групп горожан (гендерная, возрастная, культурная, социальная, локальная и др.), создании возможностей развития человеческого потенциала — вместо некоего абстрактного равенства. Целью такого подхода является обеспечение устойчивого развития города и его территорий: удовлетворение потребностей и прав на пространство для различных групп людей, создание такой дружелюбной и открытой среды, которая оперативно реагирует на эти требования и, при необходимости, легко меняется, перепрофилируется или приспосабливается к новым условиям и функциям. Однако пространственная реальность наших городов далека и от постановки, и от реализации таких задач, которые сегодня принято считать основными принципами инклюзивного дизайна. Это касается как муниципальных органов, ответственных за разработку планировочных стратегий, так и архитектурных школ.

Основные определения и постановка задачи

М. Фуко и А. Лефевр, изучавшие взаимовлияние поведения и окружающей среды, подтвердили, что архитектура отражает и усиливает социальные нормы и модели поведения [Фуко, 1999; Lefebvre, 1991]. А. Лефевр пришел к выводу, что физические пространства и их дизайн играют роль в конструировании идентичности и идей самосознания индивида. Феминистические исследования города были представлены, в частности, работами Д. Хейден [Hayden, 2005], которая исследовала влияние пола на городское пространство и утверждала, что при изучении архитектуры и урбанизма необходимо учитывать концепции бытовой жизни женщин. Э. Уилсон предложила создать основу для социальной политики, которая учитывает женские аспекты жизни в городах и позитивную роль городского опыта женщин [Уилсон, 2012]. Если гендерно-чувствительные исследования города представлены западными феминистками, а изучение инвалидности в гендерной плоскости успешно развивается не только западными, но и российскими учеными [Ярская-Смирнова, Романов, 2011], то урбанфеминистический фокус анализа проблематики инвалидности задается впервые. Растущее внимание к интерсекциональности является позитивной тенденцией, которая потенциально отражает сложные пересечения между полом и другими социальными различиями в исследуемых контекстах. Межсекторный подход в последнее время привел к значительному прорыву в исследованиях города, инвалидности, гендерологии, что вызвало ряд теоретических дискуссий о том, как можно, например, понимать инвалидность в сочетании с другими категориями. Один из способов уловить и понять сложную связь между половой принадлежностью и другими социальными различиями в таких обществах, как российское, — применить теоретические рамки урбанфеминизма.

Урбанфеминизм — это относительно новое междисциплинарное исследовательское поле, которое возникло для поощрения учета гендерных аспектов в политике, проектах и программах по устойчивому развитию городов. Мы исходим из того, что стигма женщины с инвалидностью не равна стигме женщины и стигме инвалида. Это пограничная зона, параллельное гражданство, которое, реализуясь в условиях большого города, приобретает особые черты уникальности. Уникальность изучения социального неравенства, возникающего в связи с обозначенными тремя категориями, подчеркнута спецификой российских реалий, т. к. страна имеет историю стремительной постсоветской социальной политики, выстраиваемой на совершенно новых идеологических принципах. Российская модель социального развития и социальной политики претерпела фундаментальные изменения с начала 1990-х гг. с введением нового типа государственно-го управления и новыми идеологическими императивами. Пока неясно, привели ли эти изменения к новому неравенству, или преимущественно сохранились его старые формы. Хотя мы знаем, что неравенство связано с полом, состоянием здоровья и местом проживания, однако способы управления и конструирования стратегических социально-политических решений, как правило, игнорируют сложности пересечения статусных ролей и стратифицирующих контекстов. Ныне существующая политика городского управления и развития, социальная политика инвалидности и гендерная политика придерживаются «нейтрального» подхода. В первом случае важен не столько горожанин,

сколько город; во втором случае социальная политика фиксирует статус инвалидности, а не человека; официальная же гендерная политика имеет перекося в сторону защиты материнства и детства, а громкие акционистские проекты носят характер преимущественно радикального феминизма. В публичных дискурсах и практиках, связанных с вопросами социального гражданства, неравенства и социальных опасностей, в основном используются чрезмерно обобщенные представления о группах риска, городском образе жизни и стигматизации. В результате создаются новые формы неравенства и факторы неблагоприятного положения.

В данной работе предпринята попытка теоретизировать пограничную зону инвалидности, гендера и урбанизма. В межкатегориальном анализе открываются те аспекты проблемы, которые зачастую остаются невидимыми. Заявленная нами проблематика исследования позволяет осветить коллективную историю неравенства по признаку инвалидности в условиях мегаполиса, устраняя дискурс «по gender» в отношении людей с инвалидностью.

Анализ базируется на трех основных положениях:

— жизнь в городских условиях предоставляет женщинам с инвалидностью много преимуществ, но она также сопряжена с целым спектром проблем, которые порождает большой город;

— от того, какой окружающий мир создан в городской системе, зависит, какие когнитивные навыки развиваются у жителей;

— повседневный опыт женщин с инвалидностью открывает параллельный город.

Методы исследования

Обозначенные положения раскрываются и базируются на эмпирических результатах, полученных с помощью методологии интервьюирования и когнитивного картографирования. В марте — апреле 2019 г. было собрано 20 интервью с молодыми женщинами, имеющими видимые признаки инвалидности. Из 20 девушек 18 имеют нарушение опорно-двигательного аппарата (9 из них используют инвалидное кресло), 2 девушки имеют врожденные анатомические аномалии рук и ног. Опрос проводился среди студенток московского инклюзивного вуза, возраст информанток от 20 до 25 лет, все проживают в г. Москва, более половины из них приехали в столицу из малых и средних российских городов. Круг вопросов гайда интервью охватывает мировоззрение о статусе женщины с инвалидностью, тематику ориентации в пространстве города, опыт дискриминации и нетерпимости, вопросы доверия к городским пространствам и сервисам, восприятие городских рисков и опасностей для женщин с инвалидностью, опыт определенных негативных ситуаций, связанных с переживанием своей женственности и инвалидности, а также направлен на сбор информации иного характера, если информантка была заинтересована в откровенном рассказе. Мы проанализировали позиции пола, характера инвалидности, связывая их с конкретными местами и ситуациями, свойственными городской жизни. Ряд вопросов касался помощи и поддержки со стороны горожан, а также переживаний дискриминации, тревожности (по поводу посещения тех или иных мест в городе и столкновения с теми или иными типами городских жителей). В нашем распоряжении оказался опыт из первых рук. В данном исследовании услышаны те голоса,

которые раньше не были слышны, потому что ситуацию женской инвалидности либо автоматически включали в общую проблематику инвалидности, либо эти проблемы не замечались и считались индивидуальными, а не социальными.

Результаты исследования

Начнем обсуждение с вопроса о том, что значит быть женщиной с инвалидностью в большом городе, и рассмотрим конкретные примеры и высказывания молодых девушек с инвалидностью. Это практически опыт невидимых групп, которые в среде инвалидов не видны как женщины, а в гендерном поле зачастую не воспринимаются как женщины.

Парни, которые остро реагируют на инвалидность, ко мне не подходят, а подкалывают, если реагируют на гендер. Если я раньше знакомилась по Интернету, я говорила сразу, что у меня инвалидность. Не говорить нечестно, надо предупредить.

Мужчины больше обращают внимание на то, что ты инвалид, а не женщина. В метро бывают случаи — суют деньги (500—1000 руб.) на здоровье, лечиться, и это сопровождается жалостливыми словами такими. Неприятно это. Хочется чувствовать себя равным, женщиной.

Забывают ли женщины в повседневной городской жизни о своей инвалидности, или приходится помнить об этом постоянно? Выяснилось, что ощущение характеристик места способно сильно на это влиять. Многие говорили, что остро ощущают свою инвалидность в основном в местах неприспособленных, недоступных, многолюдных или, напротив, малолюдных, где возникает ощущение опасности или дискомфорта, связанного с пристальным вниманием прохожих.

Я обычно нигде не вспоминаю о своей особой внешности... только в общественном транспорте, там все на тебя смотрят.

Забываю об инвалидности, когда гуляю и общаюсь со своими здоровыми друзьями в Москве. Я единственная там на коляске, но они воспринимают меня как обычную.

Это было только однажды, на отдыхе, летом. Я купалась в море, как здоровый человек, помощи не просила, поскольку там были специальные механизмы, которые помогают людям, передвигающимся в инвалидных колясках, а также пожилым отдыхающим самостоятельно, без посторонней помощи, войти в воду (в Греции). Я думала о том, что я колясочница, но сейчас нет никаких преград для меня. Это приспособление впечатлило меня, мне не надо было просить, чтобы меня достали, я могла все сама, я захотела — вышла, захотела — опять пошла в море.

Забываю об инвалидности только дома, в университете или, может быть, в некоторых общественных организациях, а в остальное время приходится прикладывать усилия и помнить о своей инвалидности. Ну, может быть, еще музеи и театры, там люди поспокойнее, нет таких, кто бы бегал, прыгал, и меньше детей, которые могут как-то по-особому на тебя реагировать.

Помню о своей инвалидности, когда напоминают: при посещении бассейна мне сказали, чтобы я приходила в определенный промежуток времени из-за того, что я могу испортить имидж бассейна в глазах других людей.

Итак, основными факторами, обостряющими ощущение собственной нетипичности, являются страхи, вызванные недоступностью места и наполненностью места людьми, которые или соьбют с ног (дети, толпа), или будут пристально рассматривать и отпускать какие-либо высказывания.

Девушки с инвалидностью: опыт городских знакомств

Не менее насыщенным полем проявления отношения к инвалидности в урбанфеминистическом фокусе является опыт городских знакомств. Формируя социальное пространство столичного мегаполиса на основе личного опыта женщин с инвалидностью, мы увидели типы восприятия мужчинами девушек с инвалидностью в контексте романтических паттернов.

Флирт. Была ситуация, когда я стояла на автобусной остановке, а мужчина стоял и улыбался, потом он подошел и спросил, одна ли я и можно ли мне помочь. Он меня проводил и взял номер телефона. Позвонил и потом приехал. Он сказал, что работает в какой-то компании вкусной кухни и пообещал привезти <их продукцию>, потом приехал и привез покушать. Я очень удивилась. Он, видимо, думал, что я живу отдельно. А я — в общежитии, и он, конечно же, пропал.

Свидание. Однажды я на сайте познакомилась, он с цветами приехал, но у него сразу появился вопрос, буду ли я ходить. Я сразу галочкой отметила себе в голове, что он меня не воспринимает такую. Ему было интересно со мной пообщаться, я потом поняла, что у него были какие-то свои иллюзии, он посмотрел фильм «Лед», там девушка сломала позвоночник.

Истории показательны в плане наличия неких субъективных барьеров для дальнейшего продолжения общения при отсутствии страха и каких-либо дистанций по отношению к женщинам с инвалидностью. Наши информантки говорили о нескольких типах мужского поведения в ситуации знакомства с девушками-инвалидами. Есть такой тип мужчин, которые готовы общаться и заводить отношения, у них нет барьера. Как правило, это мужчины среднего и старшего возраста с собственной нелегкой жизненной историей, «побитые жизнью».

Есть категория — побитые жизнью, они более зрелые, старшие, которые ни на что не посмотрят, но их сложно найти.

Другие — это молодые парни, скорее маркирующие девушку как подругу и не комплексующие по поводу ее инвалидности.

Юноши сейчас (молодое поколение) спокойно реагируют на коляску, ну так, второстепенно. Они открыты к общению, это, думаю, заслуга Интернета, так как люди стали охотнее и больше общаться с разными людьми.

Есть мужчины с какими-то своими представлениями, они начинают спрашивать, надолго ли я в коляске, встану ли. Я всегда соглашаюсь... да, конечно.

Встречаются мужчины, абсолютно неготовые взаимодействовать с женщинами с инвалидностью в силу внутренних страхов, стереотипов, самоощущения собственного статуса и пр.

Я летела в самолете обыкновенно, как все, купив билет; рядом сидел мужчина, он был представительно одет, и по нему было видно, что он статусный такой, он летел

с семьей. Когда меня посадили рядом с ним, он заерзал и зафырчал, потом он начал мне говорить, что он мне помогать не будет, хотя я не просила ни о чем, а молча села и начала заниматься своими делами. Он, видимо, копил в себе что-то минут 10, потом позвал стюардессу и начал спрашивать, почему меня тут посадили. Заявил, что меня надо от него пересадить, аргументируя это тем, что мне будет неудобно. Видимо, он считает, что инвалид настолько немогущий... и его это пугает.

Среди инвалидов есть мужчины, которые сознательно категорически отказываются заводить с девушкой-инвалидом романтические отношения.

Мой друг мне сказал: понимаешь, мне один врач сказал, что два инвалида — это перебор, ты мне нравишься, но... нет. Потом он нашел женщину без инвалидности и женился на ней, хотя особо ей и не симпатизировал.

В следующую категорию попадают все опасные типы (пьяные, чрезмерно навязчивые, странные мужчины).

Часто подходят всякие мужчины в нетрезвом состоянии. На улице в большинстве случаев в нетрезвом состоянии подкатывают, я сейчас поняла, что лучшая тактика с ними молчать, и я иногда делаю вид, что не понимаю русский язык.

Со стороны мужчин домогательства бывают. Мы ездили на концерт, а потом, когда возвращались из центра Москвы, попросили парня прохожего сложить коляски в машину, а он положил свои пакеты на сиденье и начал разговаривать; он показался мне странным, я боялась, что он не выйдет из моей машины.

Описанные проблемы и психологические фрустрации информанток не являются сугубо личными, поскольку они укоренены как в сфере стереотипов и стигм, так и в моделях гендерного порядка общества. Культурные коды патриархата стремились переформатировать сторонницы радикального крыла феминистского движения, однако сохранившиеся установки о женской не столько субъектности, сколько объектности делают молодых женщин с инвалидностью более уязвимыми в условиях города.

Помощь горожан в гендерном фокусе

Хотя мы и не обнаружили существенных различий в восприятии степени безбарьерности городской среды и зафиксировали гендерные позиции мужчин и женщин в этом вопросе близкими друг другу, все же различия фиксируются в части ответа на вопрос о том, кому легче попросить о помощи и передвигаться в городе. Помощь горожан встроена в работающие матрицы представлений о фемининности и маскулинности.

Женщины с инвалидностью чаще сталкиваются с грубыми нарушениями личного пространства, которые нередко подаются под видом помощи, за отказом принимать которую следует агрессия. Наши информантки говорили о том, что просьба женщины о помощи воспринимается нормально, так как ложится на социокультурный гендерный контекст о слабом поле. Мужчины, на их взгляд, испытывают больший дискомфорт, когда вынуждены просить прохожих об услуге, и поэтому, если физическая сила позволяет, предпочитают во что бы то ни стало самостоятельно преодолеть инфраструктурные барьеры.

Женщины стараются не подавать вида, что они инвалиды, а скорее просят о помощи с позиции слабой женщины, а мужчина, мне кажется, чувствует себя менее полноценным.

Девочкам помогают больше и как-то относятся более понимающе, а к мужчинам грубее, и, мне кажется, им труднее.

Сейчас большинство реагирует нормально. Девушек с инвалидностью лучше воспринимают, так как априори девушка ассоциируется с опекой и защитой, а тут еще один повод. К девушкам мягче, чем к парням, относятся.

Хотя все наши информантки отмечали, что в последние годы существенно улучшилось отношение горожан к инвалидам, особенно в мегаполисах, люди стали вести себя более дружелюбно и корректно, однако случаи нелепых перекосов под метафорическим названием «причинить добро» встречаются.

Была в автобусе женщина, которая подняла девушку с места для инвалидов и просто меня тянула к этому месту, чтобы я села. И мне было обидно, что никто не заступился и не возмутился, что она, против моей воли, фактически применяя физическую силу, тащила меня. Если я человек с инвалидностью, то мне тоже надо предоставить выбор (хочу я сесть или нет), а в большинстве случаев тебе выбора не дают, они сами решают, что мне нужна помощь.

Как показало исследование, женщины на инвалидных креслах, передвигающиеся по городу на собственном автомобиле, часто не чувствуют себя в безопасности на парковках. Если исследования среди горожанок-автомобилисток без инвалидности фиксируют наличие проблем в связи с безлюдностью парковок (особенно если речь идет о подземных или многоярусных стоянках), то женщины с инвалидностью в случае передвижения без сопровождающего должны искать такую парковку, где есть вероятность попросить кого-то о помощи, например достать инвалидное кресло из багажника. Такие просьбы воспринимаются в большинстве случаев позитивно и адекватно, однако порой мужчины, оказавшие помощь, начинают проявлять излишнюю навязчивость, что вызывает чувство тревоги у женщин с инвалидностью. Бывают случаи вербальной или физической агрессии.

Пьяные начинают доставать, начинают спрашивать, где живешь, как зовут. Я просто отхожу от них, либо прошу кого-то, чтобы меня от этого человека оградили, а так трезвые мужчины в основном не подходят.

Я боюсь вокзалов и там, где много лиц иной национальности, и в темное время суток страшно. Был случай, когда прохожий у меня выхватил сумку из рук и убежал.

В урбанфеминистическом контексте по-новому видится производство пространства инвалидности, мужчины и женщины с инвалидностью и без приносят смыслы в то или иное пространство в связи с той или иной ситуацией. Мы имеем дело в таком случае не с городскими территориями, а с воплощенным пространством, когда пространство производится через телесность и эмоциональную составляющую. Так, фигура женщины с инвалидностью вызывает поведение и эмоции, связанные с социокультурными кодами межполовых отношений, но чаще городское пространство производится в дискурсе и эмоциях сочувствия и оказания посильной помощи. К тому же помощь по-разному

конструируется в высших и низших социальных слоях. Наши информантки часто вспоминали ситуации проявления так называемой бестактной доброты.

Такую бестактность проявляют некоторые, но по ним видно. Если грубо делить людей, то можно сказать, что есть работяги, малообразованные, и это по их внешнему виду можно определить, у них часто бестактность такая добрая. Они говорят: «Ой, бедненькая!» или что-то типа такого. Когда они так себе позволяют говорить, мне их жалко становится.

На Красной площади меня спрашивали несколько раз, что случилось и где я потеряла руки. Это любопытство, и, наверное, из-за того, что они с этим не встречались никогда. Я обычно отвечаю правду, что это врожденное, и все удивляются, как таким можно родиться, и они теряют интерес... Они, конечно, и помочь хотят, и как-то для себя картину в голове нарисовать. Но человек, который хочет помочь, никогда ведь не спрашивает о том, что с тобой случилось.

Если говорить про коренных москвичей, то они настолько готовы помочь, они очень хорошие. У меня есть много знакомых, и по отношению ко мне они все одинаковы. А жители города, из которого я приехала, чаще не понимают, что с этим делать, и проявляют бестактность... за тебя что-то пытаются сделать. В Москве не будут тебя дергать, они скажут, что помогут, только если ты сам не сможешь, и они спросят, как лучше помочь. Я думаю, это и образование сказывается, и все зависит от того, чего человек достиг в жизни, а в моем родном городе больше работяг, я считаю, от статуса зависит.

Московский этнический контекст в фокусе гендера и инвалидности

М. С. Фиш, анализируя ценности мусульман в сравнительной перспективе, пришел к выводу, что единственным их значимым отличием от ценностей исповедующих другие религии и атеистов являются гендерные установки [Fish, 2002]. А. Александер и К. Вельцель [Alexander, Welzel, 2011], используя многоуровневое моделирование, показали, что принадлежность к исламской культуре и религии является стабильным предиктором патриархатности. Однако повышение уровня образования и выход на рынок труда значительно понижают эффект этого фактора, особенно у женщин. Был сделан вывод о том, что большая религиозность оказывает влияние на патриархальность установок. Другие исследователи считают, что для этих различий есть институциональные причины. Характерный для большинства мусульманских стран патриархатный уклон некоторые ученые объясняют с экономической точки зрения. М. Росс утверждает, что в связи с чрезвычайным богатством стран Персидского залива большинство мужчин и женщин там не нуждаются в выходе на рынок труда, поэтому происходит стагнация образовательной системы, замедление развития институтов гражданского общества, занимающихся вопросами борьбы за эмансипацию [Ross, 2008: 114]. Многие феминистки также заявляют, что патриархатность в исламе связана не с культурными, а с институциональными особенностями развития. В. Могадам пишет, что ислам не более и не менее патриархатен, чем любая другая религия [Moghadam, 2002: 1147]. В ряде работ она доказывает, что представление о женщинах в исламе как об угнетенных и не имеющих никаких прав устарело, этот дискурс связан с колониальным сознанием и не учитывает

последних изменений, которые привели к значительным структурным трансформациям, например большему представительству женщин в парламентах.

Женщины с инвалидностью, зачастую попадая в ситуации двойной дискриминации (по признаку инвалидности и по признаку пола), в гетерогенной городской среде сталкиваются с практиками взаимодействия с иноэтничными мужчинами. В поле женской инвалидности фиксируется два дихотомических образа иноэтничных мужчин в городе. Первый — «они источник опасности», второй — «они более толерантны по отношению к женщинам с инвалидностью».

В первом случае скопление мужчин нерусской национальности воспринимается как сигнал опасности и угроза быть втянутой в нежелательные разговоры и контакты.

Я боюсь мест, где много лиц кавказской национальности, там много бездомных и людей, которые косятся, и ты не знаешь, что от них ждать, в темное время суток особенно страшно.

Ко мне часто подходят нерусские мужчины, например киргизы, они ассоциируют меня со своей национальностью и начинают разговаривать на своем языке. Или принимают за мусульманку. <...> Я им начинаю объяснять, что я не их веры и национальности. Когда к тебе подходит молодой человек, который тебе в принципе неприятен и ты не заинтересована в разговоре с ним, то это неприятно.

Второй дискурс иноэтничности в большом городе содержит эмоциональную составляющую большей терпимости, готовности помочь и щедрости.

Везде мне помогают, но если в метро поток людей, то там сложно просить помощи из-за того, что все спешат, не обращают внимания. Чаще мужчины помогают, и чаще мужчины с Кавказа. Однажды подбежали человека три, подняли коляску, помогли и пожелали удачи потом.

Когда я была в Казани возле мечети, мне дали 5 тысяч; я приехала попутешествовать... мне это было смешно, я ничего не просила.

Когда вызываешь такси, то в основном, если русские водители, у них очень странное боязливое отношение, иногда просто грубы бывают. В Москве таксист приехал и спросил: вы что коляску с собой берете, она же грязная, испачкает машину, вызывайте другую машину. Было неприятно. А если нерусские, они на самом деле с уважением, они готовы помочь, заботятся о безопасности, иногда делают скидки на проезд.

Городские страхи

Анализируя эмоциональную составляющую рассуждений женщин с инвалидностью о городе, мы пришли к выводу, что все страхи относительно своей телесности в городе сопряжены с тремя характеристиками пространства — неподнадзорностью, недоступностью, наполненностью разнородными группами. Доступность пространства позволяет чувствовать себя самостоятельной и в безопасности, и наоборот.

Был случай, страшный: я переходила дорогу, там была зебра, я поставила палочку через бордюр, машина остановилась, а ногу я поднять не могу, чтобы переступить. На другой стороне улицы стояла женщина, я уже, чуть не плача, кричу, и эта женщина перешла дорогу и помогла мне. Я мало где бываю из-за страха. Я однажды зимой в позе звездочки разлеглась и встать не могу, и лежала, пока мне не помогли подняться.

Я эскалатора боюсь и возле дороги. Был случай, когда меня водитель оставил возле дороги... А там огромный поток машин, очень было страшно. Он меня оставил и поехал, я стояла и ждала. Потом какой-то мужчина взял меня под руку и довел до тротуара. А еще в ТЦ я при большом количестве народу свалилась с эскалатора; в метро страшно из-за того, что толпа сносит, а ты на коляске и... неизвестно, рядом будет нормальный человек или пьяный.

В поднадзорных пространствах там, где есть видеокамеры, сотрудники полиции, иные служащие и достаточно, но не чрезмерно людно, женщины с инвалидностью чувствуют себя в безопасности. Напротив, спальные районы и глухие места города их не привлекают.

Скопление больших групп тех или иных людей способно вызывать страхи и опасения у девушек с инвалидностью, эти страхи связаны не только с маргинальными группами, но и, например, с детьми.

Не хожу туда, где много детей, они более неосторожны и вообще более непредсказуемы. От детей меня всегда держали подальше, я не ходила в детский сад, а в школе носилась все на переменах, а я сидела в классе. Было обидно, что они дразнятся или смотрят, некоторые дети меня передразнивали, например пытались ходить, как я. Это, думаю, родители виноваты, которые не должны просто одергивать, а должны объяснять. Мне обидно, когда дети громко у родителей спрашивают: «А что с ней не так?» Но вот если родители подойдут, я с радостью объясню ребенку. Ребенок должен понимать, а если это от него скрывают или прячут, то ему еще больше интересно. Однажды у меня был шарик, а маленькому мальчику (4 года) шарик понравился, он подошел, и мы с ним общались, а родители были не против, но бывают такие, которые оттаскивают своих детей от меня... одергивают, типа не смотри. Отношение настороженное.

Город-сказка, город-мечта

Мы прибегли к метафорике описания города, исходя из того, что метафора «антропоморфирует» социальную, а иногда даже физическую реальность пространства. Анализируя когнитивную составляющую восприятия городского пространства в плоскости городских метафор и в рамках вопроса о предпочтительном городе для жизни, мы выявили ассоциации наших информанток и сравнили высказывания о Москве и о тех городах, откуда они приехали в столицу учиться.

Москва — город мечты, любимый город. / Тверь — вроде бы люблю свой город, но настолько бывает неприятен (инфраструктура... люди страдают от этого, я приезжаю и вижу контраст... там нет работы, люди спиваются, все вымирает).

Москва — шумный, позитивный, продвинутый <город>. / Элиста — днице.

Москва — движение. / Сарапул — тишь, гладь, глушь, болото.

Москва — столица. / Волгоград — родина, периферия.

Москва — красивая, мой город любимый. / Волгоград — серый забор.

Москва — это не мое, не мой город, здесь все чужое, чувствуешь себя букашкой в толпе. / Киров — мне ближе.

Москва — несущийся поезд. / Якутск — мудрость, самая холодная точка земли, но для меня это теплое место, у людей душа нараспашку, они плачут, смеются, обнимаются, есть глубокая теплота. Если люди обещали, то сделают, а в Москве улыбаются, но... меня даже настораживает, если люди слишком хорошо к тебе относятся.

Рассуждения о том, какой город или место для дальнейшей жизни выбрали бы девушки с инвалидностью, дали следующие результаты.

Я бы хотела остаться в Москве, потому что мне тут, в принципе, комфортно...

Это — Москва, так как я в других городах не была, но это не Тверь точно. Может быть, в Европе — там чисто, там люди не грубят.

Я фанатка Италии, но я бы поехала в Австрию, я там была 7 лет назад и влюбилась в эту страну... я была во многих странах, но это единственная страна, где все приспособлено для инвалидов, даже если сравнивать с Италией.

Если не брать за границу, то я бы Москву выбрала, так как здесь сейчас все обстраивается; я недавно попробовала службу обеспечения мобильности — это очень круто.

Хотела бы жить за границей. Италия, Франция, Израиль (там даже нет понятия такого — инвалид).

Москва — медицина здесь лучше, а если за границей, то в теплых краях (Майами); мне главное — где хорошая медицина, мы зависим от здоровья.

Киров — откуда я приехала, но чтобы были возможности для самореализации и путешествий.

Сингапур — он очень инновационный, молодой и доступный; есть знакомые инвалиды, которые туда летали, и я много читала о нем. Все там идет вперед.

Калининград — там есть море, но там с работой, мне кажется, печально; мое место — где обязательно есть большая вода и нет жары. Это, наверное, еще Санкт-Петербург. Вода, дом и работа...

В Европе или в Америке — там воспринимают тебя по-другому. Я не была там, но по рассказам моих знакомых знаю. Есть параолимпийская чемпионка, я читала ее интервью о том, что в России инвалидов очень остро воспринимают, даже дети по-другому воспитаны. Но я, конечно, все же бы осталась бороться, чтобы здесь стало так же.

Выводы

Исследовательский фокус данной работы определен тремя научными категориями — гендером, урбанизмом, инвалидностью; речь идет о гендерном контексте инвалидности в большом городе.

Стигма женской инвалидности приобретает особые черты уникальности в контексте городского образа жизни. Исследование показало, что основными факторами, обостряющими ощущение собственной нетипичности, являются страхи, вызванные такими характеристиками пространства, как недоступность, неподнадзорность, наполненность людьми с негативной идентичностью.

В контексте городских знакомств девушки с инвалидностью типологизируют мужчин, ориентированных: на беззаботное дружеское общение; серьезные отношения в связи с ощущением тяжести собственной жизни и желанием найти не легкомысленную женщину, понимающую цену партнерства; отрицание любой возможности взаимодействовать с женщинами с инвалидностью в силу внутренних страхов, стереотипов, ощущения собственного статуса (как высоко-го, так и низкого).

Существенных различий в восприятии степени дружелюбности городской среды и горожан женщинами и мужчинами с инвалидностью не обнаружено, имеющиеся различия заключаются в том, что женщина, кодируемая в социокультурном поле как слабый пол, в большей степени располагает горожан к оказанию ей помощи (физической и материальной). Однако женщины с инвалидностью чаще, чем мужчины, сталкиваются с грубыми нарушениями личного пространства из-за нежелания вступать во взаимодействие, которое нередко подается под видом помощи. Автомобилистки из числа девушек с инвалидностью имеют специфические требования к парковкам: помимо безопасности и терпимости к маневрам, парковка должна быть расположена в местах, где возможно обратиться за помощью.

Мегаполис всегда наделен характеристиками гетерогенности, в частности связанной с иноэтничностью. В поле женской инвалидности фиксируется два дихотомических образа иноэтнических мужчин в городе: один маркируется как источник опасности, другой кодирует иноэтнических мужчин как более отзывчивых и щедрых по отношению к женщинам с инвалидностью.

Исходя из того, что в основе любого социологического исследования лежит имплицитный образ изучаемого объекта, была поставлена задача по выявлению метафорических конструкций города в системе различий столичного и периферийного городского пространства. Столичный мегаполис был описан в метафорах высокого урбанизма (точка роста, место для собственного развития, достижений и повышения человеческого потенциала). Провинциальный урбанизм описывался в основном метафорами уязвимых точек (серость, глушь, периферия), но зачастую обозначаемые таким образом города эмоционально окрашивались любовью к родному месту, искренностью и не фальшивостью жителей этих городов. Москва, характеризующаяся метафорами высокого модернизма, уступала топовым стремительно развивающимся азиатским мегаполисам (Сингапур, Шанхай) либо старым европейским городам Италии, Австрии, Франции.

Результатами социологических исследований интересуются журналисты, политические деятели, активисты — люди, принимающие решения и задающие стратегии, например развития городских территорий. Накопленный научный и исследовательский материал по вопросам доступности городской среды для инвалидов вполне может служить целям обеспечения информационной базы для разработки обоснованных и реалистичных планов развития российских городов, удобных для жизни.

Библиографический список

- Уилсон Э. *Облаченные в мечты: мода и современность*. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 288 с.
- Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. 476 с.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2011. № 76. С. 84—91.
- Alexander A. C., Welzel C. Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values? // *International Review of Sociology*. 2011. Vol. 21, № 2. P. 249—276.

-
- Fish M. S.* Islam and authoritarianism // *World Politics*. 2002. Vol. 55, № 1. P. 4—37.
- Hayden D.* Redesigning the American dream: gender, housing, and family life // *Journal of International Women's Studies*. 2005. Vol. 6, № 2. P. 160—162.
- Lefebvre H.* *The Production of Space*. Oxford: Basil Blackwell, 1991. 318 p.
- Moghadam V.* Islamic feminism and its discontents: towards a resolution of the debate // *Journal of Women in Culture and Society*. 2002. Vol. 27, № 4. P. 1135—1171.
- Ross M.* Oil, Islam, and women // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102, № 1. P. 107—123.

References

- Alexander, A. C., Welzel, C. (2011) Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values?, *International Review of Sociology*, vol. 21, no. 2, pp. 249—276.
- Fish, M. S. (2002) Islam and authoritarianism, *World Politics*, vol. 55, no. 1, pp. 4—37.
- Fuko, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tiur'my* [Supervise and punish. The birth of a prison], Moscow: Ad Marginem.
- Hayden, D. (2005) Redesigning the American dream: gender, housing, and family life, *Journal of International Women's Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 160—162.
- Iarskaia-Smirnova, E. R., Romanov, P. V. (2011) Telo i diskriminatsiia: invalidnost', gender i grazhdanstvo v postsovetskom kino [Body and discrimination: disability, gender and citizenship in Post-Soviet cinema], *Neprikosnovennyĭ zapas: Debaty o politike i kul'ture*, no. 76, pp. 84—91.
- Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*, Oxford: Basil Blackwell.
- Moghadam, V. (2002) Islamic feminism and its discontents: Towards a resolution of the debate, *Journal of Women in Culture and Society*, vol. 27, no. 4, pp. 1135—1171.
- Ross, M. (2008) Oil, Islam, and women, *American Political Science Review*, vol. 102, no. 1, pp. 107—123.
- Uilson, E. (2012) *Oblachënyye v mechty: moda i sovremennost'* [Dressed in dreams: fashion and modernity], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Статья поступила 01.02.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Наберушкина Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и философии, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, г. Москва, Россия, ellana777@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Department of Sociology and Philosophy, Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Воронина О. А. Пост-Пекин: российская гендерная политика в международном контексте	3
Шведова Н. А. Отмечая юбилей: вопросы гендерного равенства в приоритетах ООН	16
Говорова Н. В. Рынок Европейского союза в цифровую эпоху: гендерный аспект	30
Израелян Е. В. Канада: проблемы национальной безопасности в гендерном измерении	42
Гончаренко О. К. Международное и национальное право и практика защиты женщин от домашнего насилия	53

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Калабихина И. Е., Ребрей С. М. Домашний труд во время пандемии: опыт России	65
Клецина И. С., Векилова С. А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций	78
Кожевникова Е. В., Харченко В. С. Стиль жизни современных мамалансеров	92
Блинова Т. В., Вяльшина А. А. Социальное самочувствие работающих матерей: современные проблемы	103
Попов А. В. Женщины в неблагоприятных условиях труда: субъективное восприятие и объективная реальность	115
Барсукова Т. И., Саенко Л. А., Тайсаева Б. М. Положение женщин в системе социально-профессиональных отношений регионального сообщества Республики Северная Осетия — Алания	128
Наберушкина Э. К. Инвалидность в фокусе урбанфеминизма	142
<i>Информация для авторов</i>	156

CONTENTS

GENDER POLITOLOGY

Voronina O. A. Post-Beijing: Russian gender policy in the international context	3
Shvedova N. A. Celebrating the anniversary: gender equality issues among UN priorities	16
Govorova N. V. The European Union market in the digital age: gender features	30
Israelian E. V. National security of Canada: gender dimension	42
Goncharenko O. K. International and national law and practice of the protection of women from domestic violence	53

GENDER SOCIOLOGY

Kalabikhina I. E., Rebrey S. M. Household chores amid pandemic: Russia's case	65
Kletsina I. S., Vekilova S. A. Gender relations in the Russian family: transformation trends	78
Kozhevnikova E. V., Kharchenko V. S. Lifestyle of mama-lancers in contemporary society	92
Blinova T. V., Vyal'shina A. A. Working mothers' social well-being: present-day problems	103
Popov A. V. Women in unfavorable working conditions: system problems and new challenges	115
Barsukova T. I., Saenko L. A., Taisaeva B. M. The situation of women in the socio-professional relations within the regional community of the Republic of North Ossetia — Alania	128
Naberushkina E. K. Disability in the focus of urban feminism	142
<i>Information for the authors</i>	156

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 3 — 2020

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.09.2020 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 40 экз.
Заказ № 98. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ